

**Научно-исследовательский центр
проблем национальной безопасности**

И.В. Бочарников

**КАВКАЗСКАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ
В X–XX ВЕКАХ**

Москва – 2013

УДК 323
ББК 63.3(2Рос)
Б86

**Б86 Бочарников И.В. Кавказская политика России в
X–XX веках. – М.: Экон-информ, 2013. – 255 с.
ISBN 978-5-9506-1054-7**

В монографии доктора политических наук, лауреата премии Академии военных наук имени А.А. Свечина (2008 года) И.В. Бочарникова представлен историко-политологический анализ формирования и развития, практической реализации политики России в одном из наиболее значимых регионов современной человеческой цивилизации – Кавказе. Исторические рамки исследования охватывают периоды с X по XX века.

В монографии выявляются истоки кавказской политики России, анализируются ее основные этапы, определяются наиболее значимые достижения, ошибки и уроки политики России в Кавказском регионе. Особое внимание уделяется Кавказским войнам России, а также опыту подавления антиросийских и антисоветских вооруженных выступлений в регионе.

Выводы и предложения автора, представленные в издании, могут быть использованы в процессе выстраивания отношений Российской Федерации с сопредельными в регионе государствами, а также иными субъектами современных международных отношений и реализации сбалансированной и выверенной внутренней политики на Северном Кавказе с целью обеспечения национальной безопасности Российской Федерации на кавказском направлении.

УДК 323
ББК 63.3(2Рос)

ISBN 978-5-9506-1054-7

© Бочарников И.В., 2013

*Памяти Елены Максимовны Бочарниковой,
кубанской казачки, посвящается*

Предисловие

На протяжении практически всей своей истории Кавказ был объективно вовлечен в процессы военно-политической экспансии извне и соответственно вооруженного противостояния ей. Овладеть Кавказом, доминировать в регионе пытались буквально все сопредельные ему государственные и соответствующие им политические образования, ставившие перед собой цель расширения границ своего господства. Так, среди наиболее ранних попыток военно-политической экспансии в регион следует выделить военные походы на Кавказ персидских завоевателей из династии Ахеменидов (V–IV века до н.э.). Доминировавшее в II–I веках до н.э. в Причерноморье и на значительной части Северного Кавказа Понтийское царство времен Митридата IV после своего поражения в I веке до н.э. уступило регион Римской империи. В I веке н.э. значительная часть региона оказалась под властью сарматов, в IV – гуннов. В VII веке начинается экспансия на Кавказ арабских халифов. Последующая история региона была связана с господством Хазарского каганата, а с началом монголо-татарского нашествия – тюркских завоевателей от Чингисидов (начало XIII века) до Тимура (конец XIV века). На протяжении последующих XVI–XVIII веков Кавказ стал ареной противо-

борства между Персидской и Османской империями. И, наконец, со второй половины XVIII века, началась полномасштабная военно-политическая экспансия в регион Российского государства. Дважды в своей истории (в V и XIII веках) регион испытал на себе и «великое переселение народов», которые также сопровождались в большей степени акциями военно-силового характера.

Устойчивое и традиционное явление экспансии определялось выгодным геополитическим положением региона, представлявшего собой естественный географический транзитный узел, территорию, по которой на протяжении столетий происходила миграция народов и целых цивилизаций с юга на север, с запада на восток и в обратном направлении. С другой стороны, собственно геостратегическое положение Кавказа позволяло контролировать доминирующим в нем государствам прилегающие к региону территории. Данное обстоятельство определило специфику политической истории народов Кавказа. Она являла собой историю войн и вооруженных конфликтов между сопредельными государствами за владение данным регионом и, соответственно, историю борьбы самих кавказских народов за выживание и самобытность.

Объективно в эти процессы оказалось вовлечено и Российское государство. Изначальный смысл кавказской политики России объективно и закономерно был определен ее военно-стратегическим положением. Южные и юго-восточные рубежи Русского государства с конца XV века представляли собой обширные степные пространства, по которым постоянно передвигались многочисленные кочевые народы, несшие смерть и разрушение русским городам и селениям. «Логика борьбы заставляла Россию стремиться к установлению стабильных границ, которые можно было бы защищать. Но

вплоть до Кавказских гор, Черного и Каспийского морей на юге таких границ не было». Именно поэтому Кавказ в планах российского руководства изначально рассматривался как «буферная зона», стабильность и безопасность которой во многом определяли безопасность и самой России. Очевидно, что данное обстоятельство и являлось основной доминантой эволюции кавказской политики России.

Другим важнейшим аспектом, определившим характер и динамику развития русско-кавказских отношений, являлось исключительное геостратегическое положение региона. Именно здесь проходил так называемый «Малый Шелковый путь» и другие торговые пути, соединявшие Европу с Центральной Азией. Обладание и контроль над этими важнейшими торговыми магистралями давали существенный источник дохода. Поэтому на протяжении столетий Кавказ был объективно вовлечен в борьбу между ведущими европейскими державами – Великобританией, Францией, Австрией, Германией, а также сопредельными региону государствами – Ираном и Турцией. С начала XVIII века Кавказ стал играть значимую роль в российской внешней политике как направление, где предстояло ликвидировать искусственно созданную военно-экономическую блокаду России, для которой Кавказ, таким образом, являлся «окном» в Азию.

И, наконец, третье обстоятельство, предопределившее характер и содержание кавказской политики России, определялось тем, что на протяжении столетий регион являл собой источник постоянной угрозы, не только для России, но и для народов самого Кавказа. Сложившаяся в регионе «набеговая система», возведенная в ранг национальной традиции отдельных общин и ставшая для определенной части населения региона наиболее доходным промыслом, представляла собой ни что иное, как вооруженный разбой в отношении соседей. Для большинства

же народов Кавказа эта традиция, постоянно подогреваемая извне, была настоящим бедствием. Поэтому неслучайно, начиная с периода правления Ивана Грозного, в Москву постоянно направляются представители северокавказских народов и общин с предложением о принятии их в российское подданство. Российское государство, принявшее на себя в конце XV века мессианскую концепцию «Москва – третий Рим», не могло отказать в помощи тем, кто ее просил об этом. Судьбы кавказских народов и их вооруженная защита, таким образом, длительное время являлись краеугольным камнем кавказской политики России.

Все вышеперечисленные обстоятельства определяли основные направления политики России в регионе на протяжении столетий.

Глава 1.

КАВКАЗ В ИСТОРИИ РОССИИ

Истоки интересов России на Кавказе

Первые контакты в военно-политической плоскости Российского государства с государственными образованиями Кавказа уходят своими корнями в далекое прошлое – начало X века. К этому периоду относятся первые военные экспедиции на Северный Кавказ. Первой такую экспедицию в прикаспийские области современного Дагестана совершил в 913 году Киевский князь Игорь. Экспедиция представляла собой, по сути, вооруженный набег в кавказские владения Хазарского каганата, не получила дальнейшего развития и не оказала сколь-нибудь существенного влияния на развитие ситуации в регионе. Ее важнейшее значение заключалось в том, что она продемонстрировала, что Киевская Русь перешла от оборонительных к активным наступательным военным действиям против своего наиболее значимого в тот период противника – Хазарского каганата.

Более масштабным по характеру и значению были военные экспедиции на Кавказ (964–966 годы), осуществленные Киевским князем Святославом Игоревичем, в рамках его знамени-

го хазарского похода. Поход завершился сокрушением Хазарского каганата и окончанием его господства, в том числе и на Северном Кавказе. В рамках этого похода Святослав со своей дружиной дошел до Кавказских гор, прошел через земли осетин и черкесов, захватил и разрушил древнейшую столицу Хазарского каганата Семендер¹ на территории современного Дагестана, а на Таманском полуострове захватил другой крупнейший центр хазарского владычества – город Таматарху (Тмутаракань). Здесь же в последующем было образовано Тмутараканское княжество, вплоть до конца XI века являвшееся центром русского влияния в северном Причерноморье и в ряде других регионов Северного Кавказа.

В последующем из-за феодальной раздробленности и вассальной зависимости от Золотой Орды Древняя Русь не могла осуществлять активную внешнюю и военную политику, в том числе и на кавказском направлении. Лишь с началом формирования Российского централизованного государства, с конца XV – начала XVI веков проявляются интересы России к Кавказу и начинают выстраиваться отношения с народами региона, практически с самого начала приняв военно-политический характер.

На протяжении длительного периода, вплоть до конца XIX века, кавказская политика России рассматривалась как составная часть в рамках единого общеевропейского «восточного вопроса» в его российской постановке, а именно отношения с татарами и турками. Несмотря на то, что официально Кавказ всегда оставался в тени российской внешней политики,

¹ По данным арабских географов, Семендер располагался где-то поблизости от Каспийского моря в 4 (8) днях пути от Дербента и 7 (8) от Итиля. Чаще всего Семендер отождествляют с более поздним городом Тарки (ныне одноимённое городище близ Махачкалы). Согласно другой точке зрения, он мог находиться в низовьях Терека у современного Кизляра. Дагестанский археолог М.Г. Магомедов предположил, что Семендером в разное время могли называться оба пункта.

именно здесь имела место точка соприкосновения с самым традиционным противником России – Турцией. Посредством Турции интересам России в регионе также противостояли Франция, Великобритания (опасавшаяся за свои колониальные владения в Индии), а с конца XIX века – Германская империя. С другой стороны, Россия на Кавказе и, особенно в Закавказье, в политической практике нередко сама противодействовала интересам европейских держав как в самой Турции, так и в Персии (Иране), на всем Ближнем Востоке, в Индии (Ост-индийской кампании, подрывая ее монополию в торговле шелком) и т.д.

По свидетельству автора исследования «Кавказская война» генерала русской армии В. Потто, практически все российские государи, начиная с Ивана Грозного, стремились к утверждению своей власти на Кавказе. «Мысль о господстве на Кавказе становится наследственной в русской истории»². Сам Иоанн IV, в период царствования которого устанавливаются контакты Александром I – царем Картли, одним из первых преопределил и военное значение Кавказа для России, построив на реке Сунжа Терскую крепость для контроля за развитием военно-политической обстановки в регионе. Федор Иоаннович, продолжая дело отца, уже подписал договор с кахетинским царем Александром II, по которому Кахетия (в российских документах того времени – Иверская земля³), переходила в полное подданство России, определив таким образом положение этого грузинского царства как вассального от России. Причем инициатива о вассалитете исходила от самого царя Александра, пытавшегося использовать Московское царство для освобождения Кахетии от

² Потто В.А. Кавказская война: В 5 т. – Ставрополь: «Кавказский край», 1994. – Т.1. – С.14.

³ См.: Белокуров С.А. Сношения России с Кавказом: Материалы, извлеченные из Московского главного архива Министерства иностранных дел С.А. Белокуровым. Вып. 1, 1517–1613. – М., 1889. – С. XVIII.

персидского гнета и в целях недопущения завоевания ее Турцией. В данном случае военно-политический союз Московского царства и Кахетии был направлен против шамхалата Тарку, который в указанный период одинаково угрожал интересам и безопасности как Грузии, так и южным провинциям России. Для Грузии это означало укоренившуюся практику работорговли христианским населением и постоянные опустошения, особенно Кахетии. Для России соседство шамхалата определяло небезопасное положение Астрахани и других южных городов. Поэтому целью первой экспедиции русских войск на Кавказ, возглавляемой воеводой А.И. Хворостинным, было низложение тарковского шамхала и возведение на престол шамхалата родственника кахетинского царя Александра. Тем самым впервые была сделана попытка прорвать экономическую и политическую блокаду России, а также решить проблему обеспечения военной безопасности южных рубежей Российского государства посредством установления в регионе (на территории современного Дагестана) лояльного для себя политического режима. Экспедиция А.И. Хворостина не достигла намеченных целей, потерпела поражение. Не дождавшись обещанной помощи от Александра, русские вынуждены были самостоятельно отражать нападения объединенных войск шамхала и аварцев. В результате практически полностью трехтысячный отряд Хворостина был уничтожен, в живых осталась лишь четвертая часть воинов.

Преждевременное вмешательство в дела Закавказья, переоценка сил союзников и своих собственных дорого обошлись Москве. Было очевидно, что Московское государство в конце XVI века еще не могло поддерживать такие отдаленные владения. Тем не менее, в полном титуле Федора Иоанновича уже значился титул «государя земли Иверской, грузинских царей и Кабардинской земли, черкесских и горских

князей»⁴. Борис Годунов, несмотря на сложную внутривнутриполитическую обстановку в стране, продолжил политику, направленную на развитие отношений и оказание помощи отдельным грузинским государствам, в том числе Кахетии. В 1604 году им была вновь направлена военная экспедиция в Тарки во главе с воеводами И.М. Бутурлиным и В.Т. Плещеевым. Цели были аналогичными предыдущим. Отряду, возглавляемому И.М. Бутурлиным, пришлось в Дагестане столкнуться уже непосредственно с турецкими войсками. С их помощью кумыками весь его семитысячный отряд был полностью уничтожен. Причины поражения те же, что и у отряда воеводы А.И. Хворостина, – не оказанная вооруженная помощь со стороны кахетинского царя. Для правителей региона, находившихся между «двух огней в лице Турции и Персии, уже тогда была характерна практика решать вопросы посредством использования внешней военной силы. Эта роль, безусловно, предназначалась России.

Дальнейшее развитие событий в Кахетии (убийство царя Александра, переориентация захватившего престол его сына Константина на Персию) временно ослабили российско-кахетинские политические отношения.

В целом же тенденцию российских военно-политических устремлений на Кавказ, закрепления в регионе, а также практику вмешательства во внутренние дела Персии, вассальными которой являлись и Восточная Грузия, и Тарковский шамхалат, прервал лишь Михаил Федорович Романов, в царствование которого предстояло преодолеть «последствия смуты на Руси». В общем-то, в политической практике российского государства это был один из редких случаев сосредоточения на внутренних

⁴ См.: Соловьев С.М. Сочинения. В 18 кн. Кн. IV. История России с древнейших времен. Т. 7 – 8 / Отв. ред. И.Д. Ковальченко, С.С. Дмитриев. – М.: Мысль. 1989. – С.269; ЦГАДА, ф. 110. Сношения России с Грузией, 1596–1597 гг. № 1, л. 1–110.

проблемах, период интровертности общества. Именно этим и объясняется осторожность в кавказских делах Михаила Романа, в царствование которого хотя и восстанавливаются связи с представителями ряда грузинских династий: Леваном I Дадияни – правителем Мигрелии и Теймуразом I Кахетинским. Но отношения носят сдержанный характер и прерываются, в конечном итоге вследствие того, что на престолах ведущих государственных образований Грузии – Кахетинского и Картлийского царств по решению шаха Аббаса I могли быть только цари мусульманского вероисповедания. Таким образом, почва для поддержки единоверных народов, что было существенно, была ликвидирована.

В рассматриваемый период основной акцент во внешнеполитической деятельности России на ее южном, кавказском направлении делается на противодействие военно-политической экспансии Турции посредством установления военно-политического «союза» с Персией, значительно обессиленной уже к исходу XVI века. Османская же империя на рубеже XVI–XVII веков стала представлять одинаковую угрозу и Персии, и южным рубежам России. Например, требования к Персии заключались в установлении турецкого протектората над всем Закавказьем и Дагестаном; обеспечении контроля Турции над транзитом шелка и других товаров из Персии и Индии в Европу, представлявших к тому времени значительный источник дохода. К России выдвигались требования восстановить Астраханское ханство. Поэтому данный альянс был взаимовыгоден, тем более, что к антитурецкому военно-политическому и экономическому союзу была готова присоединиться и Польша. Вследствие этого, уже шахом Годабендом, после поражения Персии в 1586 году, московскому царю были обещаны Баку и Дербент, а его сын шах Аббас Великий, кроме того, уступал и

Кахетию в обмен на помощь России в борьбе против Турции⁵ с тем, чтобы они не достались Оттоманской Порте (еще одно название Османской империи – Турции).

Большую роль в сближении Московского царства и Персии сыграл подписанный в 1567 году торговый договор между русским правительством и представителями джувльфинской торговой компании⁶, закрепивший торгово-экономические отношения между странами. В 1673 этот договор был вновь подтвержден, а в 1717 году русский посланник в Персии А.П. Волинский заключил русско-персидский договор, согласно которому русские купцы получили право свободной торговли на территории Персии. И хотя данные акты не давали основания перевести отношения между Россией и Персией в военно-политическую плоскость, тем не менее, можно утверждать, что торгово-экономический союз России с Ираном сыграл свою позитивную роль: Турции не удалось закрепиться в Восточном Закавказье.

Таким образом, основная потребность Российского государства, определявшая его интересы на Кавказе на данном этапе, заключалась в обеспечении военной безопасности, что представляло собой задачу стратегического характера всей военной политики России. Не менее значимыми были и потребности России в установлении дипломатических и иных контактов с рядом закавказских государственных образований, в создании торгово-экономического союза с Персией, с целью уравновесить военно-политическую мощь Османской империи в регионе. Военные экспедиции России на Кавказ в рассматриваемый период время были единичными, не опирались на весь

⁵ См.: Полиевктов М.А. Материалы по грузино-русским отношениям. Изд-во Тбилисского гос. ун-та, 1937. – С XXI.

⁶ См.: Кунакова К.П. Русско-иранские торговые отношения в конце XVII – начале XVIII в. // Исторические записки. / Отв. ред. А.Л. Сидоров. – М.: Изд-во АН СССР, 1956. – Т.57. – С. 232.

потенциал государства и предпринимались московским правительством в целях зондирования обстановки в регионе.

В целом, интересы России на южном, кавказском направлении носили охранительно-оборонительный характер, в частности, в области отношений с Персией и Турцией. В отношениях же с грузинскими государствами интересы России определялись необходимостью патронирования единоверному народу.

Следует отметить, что в данный период шел процесс активного поиска и установления политических контактов с московскими царями самих представителей правящих династий и духовенства ряда полувассальных грузинских царств и княжеств. С Арменией же, находившейся в полной зависимости от Турции и Персии и лишенной даже элементов государственности⁷, контакты осуществлялись на уровне купечества. Слабо развивались контакты Российского государства с азербайджанскими ханствами, хотя именно здесь были сосредоточены экономические и торговые интересы Московского царства, определявшиеся наличием в Прикаспии традиционных торговых путей России.

Важнейшее направление интересов Московского государства – обеспечение военной безопасности – определялось необходимостью отвести непосредственную военную угрозу от жизненных центров страны. Но поскольку отодвинуть рубежи Российского государства далее на юг не представлялось возможным, проблема обеспечения безопасности решалась посредством поиска союзников в регионе.

В связи со сказанным, следует заметить, что в советской историографии долгое время преобладала иная точка зрения на интересы России в рассматриваемый период. Так, М.А. Полиевктов в предисловии к «Материалам грузино-русских отношений» ак-

⁷ Династический престол Армении был ликвидирован еще в 287 году.

центрирует внимание на колониальном аспекте интересов России в Закавказье и Прикаспии⁸. Аналогичной точки зрения придерживались и исследователи Кавказа более раннего периода⁹.

Очевидно, что эта точка зрения несостоятельна, ибо у России в этот период не было ни сил, ни достаточных средств для проведения широкомасштабной аннексионистской кампании. Численность вооруженных сил России, по свидетельству В.О. Ключевского, к исходу XVII века составляла порядка 65 тысяч человек. Из них лишь от 5 до 7 тысяч человек были сосредоточены на всем южном направлении¹⁰. Приведенные цифры, анализ состояния вооруженных сил России во второй половине XVII века свидетельствуют, что у Московского государства не могло быть в этот период интересов экспансионистской и тем более, колониальной направленности. Это стало возможно лишь в царствование Петра I, с укреплением военно-политического могущества России и, прежде всего, с созданием современной регулярной армии, военно-промышленного комплекса, в целом, военно-политического потенциала Российского государства.

С началом эпохи Петра I заканчивается период преимущественно оборонительных войн России. С обретением Россией статуса империи (в 1721 году), ее интересы обретают экспансионистскую направленность. Характер экспансии определялся потребностями, как экономического развития страны, так и необходимостью прорыва морской блокады и обеспечения прямого выхода к морям, в том числе Черному и Каспийскому. Иными словами, важнейшими целями политики Российского государства периода Петра I было создание условий для сво-

⁸ См.: Полиевктов М.А. Материалы по грузино–русским отношениям. С. I–XXXI.

⁹ См.: Любавский М.К. Историческая география в России. –М.: 1908. – С. 8.

¹⁰ См.: Ключевский В.О. Сочинения: в 9 т. Т.II. Курс русской истории /Под ред. Б.Л. Янина; Послеслов. и коммент. составили Р.А. Киреева, Е.А. Александрова и Б.Г. Зимина. – М.: Мысль, 1989. –С.199.

бодной и безопасной торговли России с другими странами. В этой связи Петр I, наряду с балтийским направлением, определил задачу укрепления позиций России на Каспийском побережье и обеспечения торговли с Востоком.

Практическая реализация вышеуказанных интересов Российского государства в регионе выразилась в приобретении прикаспийских провинций Дербента и Гиляни, осуществленном в процессе, так называемого, каспийского похода Петра I в 1722–1723 годах. Примечательно в этой связи то, что цели данной военной кампании не содержали стремления нанести поражение Персии или отторгнуть какую-либо часть ее территории. Аннексированы были лишь территории, добровольно уступаемые шахским правительством, не способным контролировать развитие ситуации в данных провинциях, в целях недопущения турецкой оккупации.

Непосредственной же причиной каспийского похода России явилась военно-политическая нестабильность в северных персидских провинциях, вызванная восстанием лезгинского хана Дауд-бека. Поэтому очевидно, что следствием данного похода стала поддержка Россией персидской государственности, поскольку сам хан Дауд-бек с подконтрольной ему территорией стремился перейти в подданство к Османской империи. Это противоречило интересам не только Персии, но и России, так как реализация такого плана сделала бы возможной «кольцо» Турции по всему периметру южных границ России, поставила бы под угрозу торговые пути из Индии и Персии в Россию и далее в Европу. Формальным поводом для похода явилось разграбление лезгинами Дауд-бека центра русской торговли в Персии – Ширвана.

Практическое значение присоединения к России каспийского побережья – территорий современного Азербайджана и

Дагестана – выходит за рамки простой аннексии. Во-первых, с подчинением Российской империи шамхалата Тарку была обеспечена безопасность поселений в Астраханской и других южных губерниях страны. Набеги горцев Северного Кавказа, грабивших население, уводивших его в плен с последующей работорговлей, прекратились, по крайней мере, на какое-то время. Таким же образом были обеспечены свобода и безопасность российской торговли на юге. Зарождавшийся отечественный капитал уже тогда был сориентирован на текстильную промышленность, следовательно, на сырье, поставляемое большей частью армянскими купцами из Ирана и Индии. В этом были заинтересованы также армянские общины, обретшие к тому времени прочное положение при дворе шах-ин-шахов Тахмаспа, а затем и Надира и, конечно же, само персидское купечество. Торговля шелком в России и транзит товаров через нее, а не через Турцию предполагали не только ее свободу и безопасность, но и обеспечивали высокие прибыли, в том числе и российской государственной казне. Поэтому еще указом царя Алексея Михайловича армянские и персидские товары практически не облагались пошлиной в России¹¹. Это также способствовало пополнению государственной казны, три четверти бюджета которой при Петре I шло на содержание армии¹².

Обеспечив безопасность важнейшей южной коммерческой магистрали, Петр I тем самым «прорубил окно в Азию» (символически это было сделано в землянке в г. Петровске, ныне Махачкала). Особое значение для России имело присоединение крупных портов Дербента и Баку. «Петр был так обрадован приобретенными успехами, что произвел командовавшего этой

¹¹ См.: Кунакова Н.П. Русско-иранские торговые отношения в конце XVII – начале XVIII вв. – С. 234.

¹² См.: Корнилов А.А. Курс истории России XIX века. – М.: Высшая школа, 1993. – С.21.

операцией М.А. Матюшкина в генерал-лейтенанты и, поздравляя его с победами, писал, что более всего доволен приобретением Баку, «понеже она составляет всему нашему делу ключ»¹³. Со взятием Баку и последующей оккупацией южного побережья Каспия (провинция Гилян) двумя батальонами подполковника Шипова, Каспийское море стало практически внутренним морем России. Исключение составляло лишь его восточное побережье, которое контролировалось туркменскими племенами. Безопасность судоходства и торговли в регионе для России была обеспечена. Кроме того, Каспийское море представляло собой удобный и долгое время единственный вид коммуникаций, используемый российскими войсками для подвоза провианта и других ресурсов, в целом для осуществления военно-политических акций в Закавказье.

Во внешнеполитической области Петр I, верный себе, и в Закавказье попытался реализовать коалиционную политику и принцип «баланса сил». В результате период его царствования характеризуется обострением противоречий между Турцией и Персией, в разрешении которых Россия выступала посредником, что давало преимущества для реализации ее собственных интересов.

В целом, программа Петра I в отношении Кавказа предполагала «распространение влияния России в направлениях: от Азова до Кубани, от Астрахани к центральным «шелковым торгам» Ирана и от Пятигорска до Тифлиса – центра Грузии»¹⁴.

Первым из русских государственных деятелей Петр I оценил значение Кавказа как одного из возможных театров военных действий против Турции. Он же учел, какие преимущества

¹³ Потто В.А. Кавказская война. –Т.1. – С.27.

¹⁴ См.: Бушуев С.К. Из истории внешнеполитических отношений в период присоединения Кавказа к России. – М.,1955. – С 59.

может дать России союз борющихся против турецкой экспансии христианских народов¹⁵. В частности, каспийский поход Петра I вызвал надежду на освобождение и оживление национально-освободительного движения в Грузии и Армении. С предложением о совместных действиях против Турции, а также и Ирана к Петру I обращались царь Кахетии Вахтанг VI и ряд других правителей Закавказья. Царем Вахтангом в это время вновь был поднят вопрос о подданстве Грузии Российской империи. Однако Петр I посчитал, что у России недостаточно сил для ведения войны на два фронта. С севера по-прежнему угрожала Швеция, объявившая в период похода Петра мобилизацию, а Османская империя, несмотря на ее внутривосточные кризисы, была еще достаточно сильной, что показали азовские походы царя. Поэтому Петр I не дал втянуть Россию в военные действия против Турции, несмотря на обещавшуюся ему помощь. И только лишь по окончании похода он поручил А.И. Румянцеву при определении границ изучить также возможность похода в Армению и Грузию, силы и возможности армян и грузин. Для организации и координации национально-освободительного движения в Армению Петром I был направлен его «советник по Кавказу» И. Карапет, а в Грузию к царю Вахтангу VI – поручик гвардии И.А. Толстой.

По результатам каспийского похода в 1724 году с Турцией был заключен Константинопольский договор¹⁶, разграничивавший владения России, Турции и Ирана в Закавказье. По договору Турция признавала аннексированные Россией территории как добровольно уступленные шахом. За Россией закреплялись 119 верст у Дербента, и 43 версты у Шемахи.

¹⁵ См.: Фадеев А.В. Россия и Кавказ первой трети XIX века. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – С.32.

¹⁶ См.: Юзефович Т.А. Договоры России с Востоком: политические и торговые – СПб., 1869. – С. 195–196.

В процессе подписания договора Россия, в лице своего посла И.И. Неплюева, выступила против предложения Турции об уничтожении Персии как государства и разделе ее владений. Это не отвечало интересам России, в данном случае ей пришлось бы одной противостоять Османской империи не только на юго-западном направлении, но и по всему югу.

В военно-политическом плане каспийские провинции для России стали играть роль плацдарма, передового рубежа, отводившего угрозу от собственно российских территорий. В целях непосредственной охраны южных рубежей Российского государства генералом В.Н. Татищевым по указанию Петра I была создана Кавказская оборонительная линия. В последующем эта линия играла роль военной базы, поскольку именно отсюда уже направлялись Россией военные экспедиции в Грузию и в Армению для ведения боевых действий с Ираном и Турцией. Для сообщения Кавказской линии с Грузией, в частности с Тифлисом (Тбилиси), ставшим к тому времени резиденцией командующего Кавказским корпусом, в 1799 году была проложена Военно-грузинская дорога (в Закавказье она долгое время именовалась русской дорогой).

Период с 1725 года, после смерти Петра I, вплоть до середины столетия характеризуется внутренней нестабильностью в самом Российском государстве, откатом военно-политических устремлений России, в том числе и на кавказском направлении. В это время Россия в течение десяти лет последовательно возвращала Ирану завоеванные в каспийском походе провинции. В конечном итоге по Рештскому договору 1732 года¹⁷ Ирану были возвращены последние провинции на Кавказе, а русские войска выведены за пределы Кавказской линии.

¹⁷ См. Юзефович Т.А. Указ. соч. – С. 217.

Императрица Елизавета во внешнеполитической деятельности была больше ориентирована на Запад, а не на Юг. Поэтому период ее царствования характеризуется сдержанностью к состоянию и развитию политической обстановки в Закавказье, несмотря на активизацию усилий грузинских царей Теймураза II и Ираклия II, направленных на сближение с Россией.

Военно-политические планы Петра I в Закавказье нашли свое отражение лишь в замыслах Екатерины II и ее окружения, превзошедших по грандиозности и масштабности даже самые смелые петровские начинания. В первую очередь это касалось реализации так называемого «греческого проекта»¹⁸, в котором отражались стратегические интересы – воссоздать путем нанесения поражения Турции, Греческой империи под протекторатом России, Черное море предполагалось сделать внутренним морем России. Сам же греческий престол в Константинополе предназначался внуку Екатерины – Константину. Планы по реализации этого грандиозного плана потребовали изменить и направление активизации усилий России на Кавказе. Уже не каспийское направление, predetermined Петром I, становится приоритетным для России, а черноморское. Грузия в данном случае приобретала стратегическое значение в планах российского руководства. «Ориентация России на Грузию вызывалась различными мотивами: и военно-стратегическим положением Грузии в Закавказье, и возможностью установления постоянного сообщения по Военно-грузинской дороге между Северным Кавказом и Закавказьем (без Грузии это исключалось), и наибольшей ущемленностью Грузии от внешних врагов, заставлявшей ее устойчивее, чем другие районы Закавказья, придержи-

¹⁸ Более подробно об этом сказано в диссертации Тиктопулло Я.Ф. Русско-турецкие войны 1768–1774, 1787–1791 гг. и судьбы греков. Греческий проект Екатерины II. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1991.

живаться российской ориентации, и, наконец, наличием государственности, пусть без политического единства, и «деградирующей», но ведущей государственной организации на Кавказе, позволявшей осуществить России свои замыслы»¹⁹.

В этой связи уже по инициативе российского двора (в частности, Г.А. Потемкина) активизируются отношения с грузинскими царями: первоначально с Соломоном I (царем Имеретии), а затем и Ираклием II (царем Кахетии, а после смерти Теймураза II – и Картли).

Внимание российского руководства в Закавказье, было обращено также и к Армении, к правителям Кубы, Ширвана, Карабаха, Гянджи и других ханств, подвластных Персии.

О значимости Закавказья в планах российского руководства свидетельствует тот факт, что курировать вопросы, связанные с этим регионом, было поручено князю Г.А. Потемкину (одному из авторов «греческого проекта»), который для подготовки и реализации военно-политических планов Екатерининского двора вызвал в Астрахань А.В. Суворова.

Деятельность А.В. Суворова в Закавказье заслуживает отдельного исследования. Здесь великий полководец показал себя не только военным гением России, но и искусным политиком. Для роли военного атташе России на Кавказе А.В. Суворов подходил больше, чем кто-либо другой. Через него шли неофициальные дипломатические контакты русского двора с правителями Карабаха, Кубы, Ширвана и других провинций Ирана. А его связи с представителями армянских общин, меликами (правителями) Карабаха, зародившиеся еще в период депортации армянского населения из Крыма в Екатеринославскую губернию, были обусловлены их безграничным доверием. И по-

¹⁹ Бушуев С.К. Указ. соч. – С.10.

этому Суворову удалось создать эффективную агентурную сеть, действовавшую в интересах России, как в Закавказье, так и в Иране и Турции. Приезд его в Астрахань в правительственных кругах России связывали также с осуществлением, выдвинутой еще Петром I программы походов в прикаспийские области. Участие Суворова планировалось и в организации похода на Тбилиси и в последующем на Константинополь.

Активизация усилий России на Кавказе была обусловлена тем, что Российское государство было уже достаточно сильным, чтобы противостоять угрозам как дипломатическим, так и реальным военным со стороны Турции и Ирана. Более того, в регионе оно само начинает уже диктовать условия военно-политического характера и определять «правила поведения» сопредельным государствам. Так, в частности, Г.А. Потемкин в секретном письме А.В. Суворову, написанном в 1780 году, следующим образом объяснял причину очередного похода в Прикаспий: «...часто повторяемые дерзости ханов, владеющих по берегам Каспийского моря, решили, наконец, ее Императорское Величество усмирить оных силою оружия»²⁰.

Начало реализации военно-политических интересов России на Кавказе на данном этапе положила победа в войне с Турцией 1768–1774 годов и подписание Россией Кючук-Кайнарджийского договора, в результате которого Турция потеряла, а Россия приобрела 2495 кв. км территории²¹. Важнейшим итогом войны стало обеспечение автономии, а затем и присоединение Крымского ханства к России, до этого угрожавшего всему российскому южному флангу. Аннексия крепости Еникале (на месте современного Новороссийска) определила возможность закрепления России на Черноморском побережье.

²⁰ ГПБ им. Салтыкова-Щедрина. Собрание сочинений А.В. Суворова. – Т.15. – С.18.

²¹ См.: Сухотин Н.Н. Война в истории русского мира. – СПб., 1898. – С.20.

Вместе с тем, по мнению О.И. Елисеевой, другим важнейшим следствием войны стало то, что «Россия боролась не только за обладание Крымом, но и в более широком смысле – за право вести самостоятельную европейскую и азиатскую политику, не следуя в русле интересов Пруссии, Англии и Франции ... Петербург впервые сам дебютировал роли блокового центра»²².

Кючук-Кайнарджийский мир фактически открыл Черное море для русской торговли, расширил хозяйственные возможности для освоения южнорусских территорий. Безусловным достижением российской политики стало также ограничение прав Турции на Закавказье. Например, требования ст.23 Договора обязывали турецкие власти не преследовать христианскую веру, не препятствовать сооружению церквей, предполагали отказ Турции от фактической власти над Западной Грузией, запрещали работорговлю христианским населением²³.

В целом вторая русско-турецкая война и ее результаты упрочили положение России в регионе. Путь для нее на Кавказ был открыт. И уже во второй половине XVIII века вопрос о присоединении Закавказья к России как часть общего восточного вопроса перешел в область практической реализации.

Таким образом, в ходе данного этапа посредством активной военной политики Российское государство смогло реализовать свои жизненно важные интересы: была отведена военная угроза не только от важнейших центров страны, но и от ее южных провинций, что позволило более эффективно использовать их в экономическом отношении; победоносные войны России подтвердили ее статус мировой державы и создали предпосылки для нейтрализации уже не только источников военной опасности в регионе для Российского государства, но и в целом противодей-

²² См.: Елисеева О.И. Переписка Екатерины II и Г.А. Потемкина периода второй русско-турецкой войны 1787–1791 гг. Автореф. дис. ... канд.ист.наук. – М., 1995. – С.2-3.

²³ См.: Юзефович Т.А. Указ. соч. – С. 35–36.

ствия его политике со стороны, как региональных государств, так и ведущих европейских держав.

Важнейшим достижением политики России на юге стал выход к Черному морю, закрепление здесь своих позиций, а, следовательно, обретение Российским государством статуса черноморской державы. Вместе с тем решение этой важнейшей задачи неизбежно ставило целый комплекс следующих проблем. «Корабль, вышедший из любого города, лежащего на берегу Черного моря, пройдя проливы, мог достигнуть любого порта мира; но достаточно было запереть Босфор, и Черное море превращалось в закрытое озеро, изолированное от всех нечерноморских стран»²⁴. Поэтому обеспечение свободного прохода российских кораблей через проливы Босфор и Дарданеллы стало основой всей последующей восточной политики России. Кавказ в решении данной проблемы рассматривался как важный стратегический плацдарм России.

Особым этапом в реализации интересов России на Кавказе стало последовавшее после смерти Екатерины II четырехлетнее правление Павла I. В этот период направленность и содержание политики Российского государства стали прямо противоположными тому, что делалось и на что направлялись усилия государства при Екатерине II. Не стала исключением в этом плане и кавказская политика.

Одним из своих первых указов Павел I отзывает войска, направленные Екатериной II против Ирана после взятия и разграбления Ага-ханом Каджарским Тбилиси в 1795 году. Вопреки правилу Екатерины – «не участвовать в европейских конфликтах» (и самой, не допускавшей никакого вмешательства в российскую политику) – Павел отправляет войска в Италию против

²⁴ См.: Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. Вторая половина XVIII – 80-е годы XIX века. – М.: Изд-во МГУ, 1934.

Наполеона. В конечном итоге император Павел заключает первый в истории России союзный договор с Турцией, направленный против бывшего своего союзника Англии²⁵. Аналогичным же образом, принимает ряд других волюнтаристских решений и реализует их на практике. Например, апофеозом военно-политической деятельности Павла I стало направление всего Войска Донского (по настоянию Наполеона) по Оренбургским степям для завоевания Индии. Поход, стоивший жизни почти половине его участников, бесславно закончился лишь со смертью самого Павла. Естественно, о реализации екатерининского «греческого проекта» в этот период не могло уже быть и речи.

Всеми названными выше действиями императора, крайне непоследовательными и опрометчивыми интересам России, ее престижу в целом и на Кавказе в частности, был нанесен значительный ущерб. Более того, интересы России вследствие сложившихся обстоятельств не могли не изменить своего содержания. И даже последующая акция русского двора – направление отряда полковника В. Зубова для защиты Тбилиси от повторного нашествия Ага-хана Каджара и возможных набегов со стороны горцев, а также восстановление российского протектората по условиям Георгиевского трактата (1783 года) – означали на практике лишь обеспечение военной безопасности Грузии, но нисколько не упрочивали положение самой России на Кавказе.

Политику России в регионе, ее интересы определяла уже в большей степени внешнеполитическая и, особенно, внутривнутриполитическая обстановка в Грузии. В первую очередь, это касается обстановки в Картли и Кахетии, где со смертью царя Георгия XII обострилась борьба за престол между многочисленными преемниками как самого Георгия XII, так и ранее правившего Ирак-

²⁵ См.: Сухотин Н.Н. Указ. соч. – С.21; Маркова О.П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII веке. – М.: Наука, 1966. – С 300.

лия II. На фоне этой борьбы активизировалась антироссийская политика Турции и Персии, поощряемых к этому Великобританией и Францией, цель которых состояла в вытеснении России из Закавказья, с последующей реализацией своих собственных экономических и политических планов²⁶.

В этом плане особым событием, предопределившим дальнейшую политику России на Кавказе, явилось присоединение восточно-грузинского царства Картли и Кахетии. Решение о его включении в состав Российской империи было принято Павлом I по ходатайству последнего царя Картли и Кахетии Георгия XII²⁷. Это было далеко неоднозначное и едва ли обоснованное решение. Более того, оно противоречило традициям кавказской политики России – невмешательства во внутренние дела сопредельных народов и государств. Как отметил по этому поводу в одном из своих последних интервью один Л.Н. Гумилев: «Долгое время первые Романовы – Михаил, Алексей, даже Петр – не хотели принимать Грузию, брать на себя такую обузу. Только сумасшедший Павел дал себя уговорить Георгию XII и включил Грузию в состав Российской империи»²⁸.

Государственный переворот в Петербурге в марте 1801 года отложил практическое решение этого вопроса. Но уже в сентябре он вновь стал актуальным для руководства России. Новый же император Александр I не решился единолично принимать решение по такому сложному вопросу и вынес его на обсуждение Государственного Совета.

8 августа 1801 года Государственный Совет, обсудив вопрос о присоединении Грузии к России, отметил, что «присое-

²⁶ См.: Маркова О.П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII веке. – С. 307.

²⁷ См.: Акты Кавказской археографической комиссии. – Т. I. – С. 179–181. Нота Грузинского посольства; Цагарели А. Грамоты. – Т. II. Вып. 2. – С. 287–288.

²⁸ См.: Гумилев Л.Н. Меня называют евразийцем // Наш современник. – 1991. – № 1. – С. 140.

динение Грузии к России послужит совершенным спасением первой от гибели ... Россия же сим приобретением не только найдет в нем все пользы ... но сохранит свое достоинство, не уступая от учиненного ею подвига во всех Грузии сопредельных народах, во всей Азии и даже во всей Европе ...»²⁹. Точку зрения военной целесообразности присоединения Грузии отстаивал генерал И.П. Лазарев, полагавший, что в противном случае Грузия неминуемо будет поглощена Турцией или Персией, границы которых в таком случае придвинутся к жизненным центрам России³⁰. Заключение Совета о присоединении Грузии не было единодушным. В частности, граф С.Р. Воронцов, считал, что распространение границ России «коих великое пространство и так уже изнурительных способов к их защите требует, что не находит также сие присоединение справедливым ... Он полагает сохранить Грузию в вассальстве, в котором покойною императрицею Екатериной II принята была»³¹. Тем не менее, Александр I все же решился на присоединение Грузии к Российской империи, предварительно уполномочив исследовать реакцию общественного мнения на данный акт в самой Грузии. Реакция оказалась положительной.

Не будет преувеличением отметить, что данный политический акт явился логическим продолжением одновременно и политики Екатерины II, и Павла I при всей их, казалось бы, противоречивости. Более того, очевидно, что решение о присоединении Грузии стало той «точкой бифуркации», которая в дальнейшем уже определяла всю политику России на Кавказе. В последующем стало также очевидным, что присоединение одной лишь провинции в регионе вызовет потребность в при-

²⁹ Агаян Ц.П. Указ. соч. – С.45.

³⁰ См.: Кокиев Г.А. Присоединение Грузии к России //Исторические записки /Отв.ред. Б.Д. Греков. –М., Изд-во АН СССР, 1938. – Т. 4. – С. 39.

³¹ Агаян Ц.П. Указ. соч. – С.46.

соединении других, сопредельных территорий, их защиту, освоение и покорение, как это и получилось на практике с территорией Северного Кавказа.

Присоединение других территорий Грузии было предрешиено и происходило уже как бы по инерции, сопровождаемой целой серией русско-турецких и русско-персидских войн. Каждая последующая война (с Турцией в 1806–1812 годы, 1828–1829 годы; с Ираном – в 1804–1813 годах, 1826–1828 годах) заканчивались территориальными приобретениями России на Кавказе, являвшимися, в свою очередь, поводом для реванша со стороны Ирана и Турции и последующих войн. Так, в 1803 году к России были присоединены Имеретия и Мингрелия, в 1810 году – Абхазия и Гурия. С 1813 года по Гюлистанскому договору в состав России вошли районы Восточной Армении, Карабахское и Гянджинское ханства. В ходе войны с Турцией (в 1828 году) Россией были завоеваны территории Ахалцихского и Карсского пашалыков. А по итогам последней русско-иранской войны (1828 год) – Талышское и Ленкоранское ханства. Последним же приобретением России на Кавказе явилось присоединение Аджарии в 1878 году.

Уникальность ситуации заключалась в том, что, присоединив Грузию, Россия в то время не имела с этой, уже своей провинцией общей границы. Две важнейшие коммуникации, соединявшие Россию с провинциями в Закавказье – морской путь от Астрахани по Каспийскому морю, а затем по реке Кура и сухопутный через Дарьяльское ущелье и Крестовый перевал – требовали своей охраны. Второй путь, получивший название Военно-грузинской дороги, – еще и обустройства в инженерном отношении, и в собственно военно-политическом плане. С этой целью на всем протяжении Военно-грузинской дороги был оборудован комплекс сторожевых постов и крепостей, вы-

полнявших функции регулирования, охраны и обеспечения безопасности передвижения грузов, воинских контингентов и частных лиц. Особое место в этом плане заняла крепость Владикавказ (1784 год), заложенная у входа в Дарьяльское ущелье. Повысилось значение и самой Кавказской линии, которая стала играть роль военной базы российских войск на Кавказе и держала под контролем не только горские народы Северного Кавказа, но и развитие военно-политической обстановки в Закавказье, в Иране и Турецкой Анатолии. В последующем, с усилением воинских контингентов в Грузии и образованием Кавказского наместничества эти ее функции были переданы Кавказскому корпусу и его главнокомандующему, штаб-квартира, которого находилась в Тифлисе (Тбилиси).

Потребность в закреплении позиций России в регионе определившая содержание ее интересов в 1-й четверти XIX века, реализовывалась по четырем направлениям.

Первое направление предполагало военные действия против Ирана и Турции, стремившихся восстановить свое положение в регионе.

Второе направление определялось необходимостью отражения набегов горцев Дагестана и Чечни на северные и восточные районы Грузии.

Третье направление обуславливало необходимость укрепления России в самой Грузии, ликвидацию сопротивления грузинских феодалов и их междоусобиц.

И, наконец, четвертое, наиболее сложное направление определяло для России порядок и перспективу военно-политических отношений в регионе с европейскими странами.

Военно-политическая обстановка на Кавказе и сопредельных с ним территориях на рубеже XVIII–XIX веков в значительной степени определялась противостоянием двух ведущих

европейских государств Великобритании и Франции (с 1792 года находившихся в состоянии войны). Появление в регионе третьей силы – России – не отвечало интересам ни одной из двух держав. И поэтому, несмотря на имеющиеся между ними противоречия, в данном регионе они имели в какой-то степени сходные или параллельные интересы: не допустить распространения экспансии России в Закавказье и самого ее присутствия в данном регионе. Это определило в целом конфронтационный характер их военно-политических интересов по отношению к Российскому государству.

На практике такое положение означало максимальное использование России в интересах Великобритании и Франции и одновременное противодействие ей. С этой целью западные державы принимали все меры для того, чтобы в Закавказье сохранялось напряженное положение. Так, Наполеон Бонапарт, готовясь к большой войне с Россией, еще задолго до ее начала предпринял ряд мер для включения Персии и Турции в анти-русский блок. В письме к шаху Ирана Фетх-Али он особенно подчеркивал необходимость захвата Грузии и всего Закавказья, укрепления районов Каспия против русских³². По мнению Н. Киняпиной, именно экспансионистские планы Наполеона заставили Петербург обратить внимание на Кавказ.

Свою лепту в данное противостояние внес также Тильзитский договор, подписанный императорами Александром I и Наполеоном I, вследствие которого русские посланники в Тегеране, агитировавшие сначала за англичан, стали с 1807 года ангажировать персидскому правительству Наполеона. Английская дипломатия в этом плане действовала более умело: путем подкупа склонила шаха на свою сторону и добилась заключе-

³² См.: Агаян Ц.П. Указ. соч. – С. 199.

ния своего договора с Ираном, направленного после Тильзитского мира и против Франции, и против России.

Будучи не в состоянии бороться против России с оружием в руках, Великобритания предпочитала средства, направленные на изнурение и ослабление противника, на подготовку против него военной коалиции. В 1810 году в Персию во главе с капитаном Малькольмом прибыла группа военных инструкторов для реорганизации персидской армии. Помимо этого, Персия получила от Англии огромные денежные средства и вооружение на сумму более 2 млн. руб. Сюда же было направлено: 32 орудия, 12 тыс. зарядов, 12 тыс. ружей; обмундирования на 12 тыс. человек, другое снаряжение. Все это делалось с целью помешать как России, так и Франции продвинуться на Восток³³. Это, в свою очередь, подталкивало Россию к присоединению стратегически важных районов в Закавказье.

Таким образом, очевидно, что военно-политическое противостояние России и европейских держав в Передней и Центральной Азии явилось закономерным явлением и настолько традиционным, что и на сегодняшний день является ведущей тенденцией, определяющей состояние военно-политической обстановки в регионе. Очевидно также и то, что Россия не угрожала в Закавказье непосредственно безопасности Великобритании и Франции, она угрожала их колониальным (торговым и экономическим) интересам.

В то же время между Россией и сопредельными странами в Закавказье не существовало антагонистических противоречий, а непосредственно военно-политические отношения и интересы носили менее конфронтационный характер, чем с европейскими державами. И все же, наряду с большой войной на европейском

³³ См.: ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6186, л. 46.

театре военных действий, России в Закавказье пришлось воевать еще на двух фронтах: турецком и персидском. С началом XIX века политика нейтралитета и в определенной степени координации военно-политических акций в борьбе против общего противника – Турции – сменилась жесткой конфронтацией между Российской империей и Ираном. На первую половину XIX века приходятся по две русско-персидские (1804–1813, 1826–1828 годы) и русско-турецкие (1806–1812, 1828–1829 годы) войны. Цель России в данных конфликтах заключалась в нанесении военного поражения Турции и Персии, инициировавшим конфликты, и закреплиться в регионе. Это были текущие на тот момент интересы Российского государства в Закавказье. Присоединение же территорий в регионе для Российской империи было уже не столь значимо. Программа Александра I в этом отношении заключалась в необходимости закрепления позиций в регионе для реализации в последующем более значимых целей.

Восточная политика Николая I, главным образом, также определялась не столько территориальными приобретениями в регионе, сколько вопросом о черноморских проливах, которые для Российского государства приобретали стратегическое значение. «Географическое положение государств определяет их нужды и пользы, – писал Николай I в инструкции послу в Константинополе А.И. Рибопьеру (1826 год). – Достаточно взглянуть на карту, чтобы убедиться, что с того дня, как русские владения коснулись берегов Черного моря, свободное сообщение между этим морем и Средиземным стало одним из первых интересов России, а сильное влияние в Константинополе одной из первых потребностей»³⁴.

³⁴ Теплов В.А. Русские представители в Царьграде, 1796–1891. – СПб., 1898. – С.58; Маркова С.П. Восточный кризис 20-х – начала 40-х годов XIX века и движение мюридизма // Исторические записки / Отв. ред. А.Л. Сидоров. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – Т.42. – С.202.

В этом плане Закавказье рассматривалось как наиболее уязвимый для Турции регион. В ходе войны 1828–1829 годов русскими войсками в Закавказье и Анатолии были заняты Ахалцихский, Карсский и Эрзерумский пашалыки, представлявшие собой значительную часть азиатской территории Турции. В результате была создана непосредственная угроза захвата Россией Стамбула (Константинополя) уже со стороны Восточной Анатолии. Но именно эта цель (в свете вышесказанного) Николаем I, по крайней мере, до начала Крымской войны, не ставилась.

Войны России с сопредельными государствами в регионе носили традиционный характер и велись, как уже отмечалось, за обладание выгодными стратегическими рубежами в Закавказье. В то же время российским правительством не ставилась цель достижения полной победы над Персией и Турцией и уничтожения их государственности, понимая при этом, что на их месте сразу возникнут колониальные владения европейских держав, прежде всего Великобритании. Иметь у своих границ вместо слабых в военном отношении Персии и Турции владения более развитых в военно-политическом отношении государств не отвечало интересам России. Более того, если Петр I и Екатерина II традиционно поддерживали национально-освободительное движение народов Османской империи, видя в этом эффективное средство для достижения российских интересов, то Александр I и Николай I стремились всемерно поддерживать устои монархии, пусть даже и у своих противников. По аналогии эту тенденцию политики Романовых первой половины XIX века можно представить как пример интернациональной солидарности, не соответствовавшей подлинным интересам России (в советский период это выразилось в практике помощи СССР различным просоциалистическим режимам). Поэтому, например, греческое восстание (в 1821 году) вызвало неодобрение и санк-

ции правительства Александра I, а восстание египетского паши Мегмет-Али в 1829 году, войска которого непосредственно угрожали Стамбулу, – уже прямое военное вмешательство России. Николай I в целях предотвращения краха Османской империи посылает в Босфорский пролив эскадру кораблей, а высадившийся двадцатитысячный десант под командованием генерал-лейтенанта Н.Н. Муравьева оккупирует Константинополь.

Таким образом, подобно тому, как в первой половине XVII века Россия предотвратила крушение Персии, в первой половине XIX века усилия политики России на юге направляются на сохранение государственности Турции. В ответ на это в 1833 году был подписан Ункяр-Искелесийский договор, секретная статья которого предполагала обязательства Турции запирать проливы Босфор и Дарданеллы требованию России³⁵. Для Российского государства это означало реализацию на практике ее стратегических интересов – обеспечение свободного прохода кораблей через черноморские проливы. Данный факт, безусловно, вызвал протесты со стороны Франции и Англии, усиление их враждебности по отношению к России и давление на Турцию. В 1841 году во время второго турецко-египетского кризиса, в связи с жесткой позицией России к обоим участникам конфликта этот договор был денонсирован.

С началом XIX века актуализируется и внутренний аспект интересов России на Кавказе, особенно в Закавказье, выражающийся в необходимости стабилизации внутривосточной обстановки и разрешении междоусобных противоречий и распрей в Картли и Кахетии. Новое содержание военно-политических интересов России в регионе обусловили также проблемы политического и военного характера по обеспечению безопасности

³⁵ См.: Юзефович Т.А. Указ. соч. – С 78.

этой провинции, внешняя угроза которой исходила уже столько от Ирана и Турции, сколько со стороны горцев Северного Кавказа.

В данном случае очевидным явилось доминирование экспансионистских целей, предопределивших характер военной политики России в регионе на столетия, вплоть до настоящего времени. Поворотным этапом было присоединение Грузии, для которой аннексия ее Россией являлась необходимым условием сохранения ее самобытности. По существу это был неизбежный акт, как для самой Грузии, так и для России. По данному факту «отец» грузинской национальной идеи о независимости и свободе И.Чавчавадзе писал: «С того памятного дня Грузия обрела покой. Покровительство единоверного великого народа рассеяло вечный страх перед неумолимыми врагами. Утихомирилась давно уже не знавшая покоя усталая страна, отдохнула от разорения и опустошения, от вечных войн и борьбы»³⁶. Национальными элитами самой Восточной Грузии ее дальнейшее политическое развитие рассматривалось не в разрезе самостоятельного развития страны или в составе империи, а как существование ее как таковой или нет. Выбор был возможен только в рамках, кому принадлежать: России, Турции или Ирану. Ни в Закавказье, ни за его пределами не было реальной политической силы, заинтересованной в самостоятельном развитии Грузии (равно как и Армении, и Азербайджана). Это осознавали политические силы в самой Восточной Грузии – и царь Георгий XII, и противостоящие ему политические группировки, например, царевича Александра с его ориентацией на Персию.

³⁶ Чавчавадзе И.Г. Сто лет назад // Иверия. –1896, –26 ноября; Шадури В.С. Летопись дружбы грузинского и русского народов с древних времен до наших дней. – Тбилиси: Литература да Хеловнеба, 1967. – С.117.

Противоборство, в том числе и вооруженное, между различными группировками в Грузии представляло собой борьбу за политическую власть в стране, а не за ее суверенитет. Для России же следствием присоединения Грузии, стала, прежде всего, Кавказская война с горцами Северного Кавказа, а также многочисленные вооруженные выступления в самой Грузии. Главная проблема, с которой столкнулась императорская Россия в Грузии, – это ее феодальная раздробленность. Следует отметить, что к Российской империи была присоединена далеко не самая стабильная в политическом отношении провинция Закавказья. Напротив, именно в Картли, наиболее развитой в политическом отношении и являвшейся своего рода центром Закавказья, централизованной власти не было, шла жесточайшая борьба между различными претендентами на престол и партиями феодалов, их поддерживающих. Целью русского правительства стало, таким образом, примирение противоборствующих сторон, обеспечение безопасности грузинского населения от вооруженных формирований претендентов. Междоусобицы приносили больше опустошений, чем нашествия горцев. Россия была вынуждена взять на себя решение данной проблемы. На практике был реализован, так называемый, принцип «*Pax Russia*» (по аналогии с принципом «*Pax Romania*», означавшего прекращение всех междоусобиц после римского завоевания). В Закавказье реализацией данного принципа для Грузии явилось присоединение ее к России.

С ликвидацией престола и, вследствие этого, междоусобицы в Закавказье, особенно в Грузии, трансформировались в антироссийские выступления, ставшими впоследствии устойчивыми и традиционными. По своему характеру и количеству они были сопоставимы лишь с обстановкой в другой провинции России – Польше. Общественное мнение России XIX века

так и называло Кавказ – «азиатской Польшей»³⁷. Ни в какой другой российской провинции отношения с подданными не принимали такого конфронтационного и открытого характера вооруженного противоборства. Не случайно по этому поводу лорд Г. Пальмерстон, в прошлом министр иностранных дел Великобритании, в сентябре 1853 года писал: «России не следует забывать о своих уязвимых местах в Польше, Черкессии и Грузии»³⁸.

Чтобы ликвидировать источник сепаратизма в присоединенной провинции, российское правительство попыталось переселить во внутренние губернии России всех лиц, способных притязать на престол в Картли и Кахетии. Например, только князем П.Д. Цициановым к 1803 году было отправлено во внутренние губернии России до 90 человек царственного дома, с назначением им пенсии из государственной казны. Тем не менее, с разрешением проблемы «престола» не была решена сама проблема сепаратизма. Внутриполитическое направление было не менее сложным, чем внешнеполитическое. Недооценка его российским правительством в последующем затруднила утверждение России в регионе. В 1804 году, через три года после присоединения Грузии к России, в Кахетии вспыхнуло восстание; антироссийские восстания и выступления имели место в 1812 году в Кахетии, в 1841 году – в Гурии, в 1856–1857 годах – в Мингрелии, в 1857 году – в Кахетии и т.д. И только в период управления Кавказом генералом А.П. Ермоловым с его жесткой и одновременно гибкой позицией по данному вопросу антироссийские выступления на время теряли свою остроту. Примечательно, что проблему сепаратизма царское правительство в период «проконсульства» А.П. Ермолова попыталось разрешить также и тем, что местное дворянство было

³⁷ См.: Фадеев Р.А. Письма с Кавказа редактору Московских ведомостей. – СПб., 1865.

³⁸ См.: Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В. Указ. соч. – С 159–160.

уравнено в правах с российским, а грузинское и азербайджанское крестьянство в 1816 году освобождалось от крепостной зависимости. В самой же России это было сделано только лишь в 1861 году.

Междоусобицы и антироссийские выступления проходили на фоне русско-иранских и русско-турецких войн, а также войны с горцами Северного Кавказа. Это значительно осложняло военно-политическую обстановку в регионе и требовало активной военной политики России на Кавказе, усиления здесь ее воинских контингентов.³⁹

Следующее направление интересов Российского государства во внутривосточном плане определялось тем обстоятельством, что победоносные войны России над противниками в Закавказье закрепляли характер режима правления в самой Российской империи, укрепляя авторитет власти в обществе. Следствием таких войн, однако, являлись огромные военные расходы, тормозившие экономическое развитие страны.

Если в Европе (Западной и Центральной) политические процессы проходили на фоне промышленной революции, а также под знаменем различного рода революций на национально-освободительной или классовой основе, то в России XIX век был ознаменован сосредоточением усилий на южном, кавказском направлении, что выразилось в серии русско-турецких и русско-иранских войн и, в еще большей степени, войной с горцами Шамиля, получившей название Кавказской войны.

³⁹ Динамика роста численности российских войск в Закавказье следующая: расквартированный в Грузии в 1799 году 17-й егерский полк стал основой для формирования Грузинского (Кавказского) корпуса, в составе которого при кн. П.Д. Цицианове в 1803 году было уже 7 пехотных полков и несколько эскадронов общей численностью 17 469 человек. У генерала А.П. Ермолова Грузинский корпус составлял объединение из 11 полков, численностью более 40 тыс. человек, а у сменившего его графа И.Ф. Паскевича – 57 тыс. К началу первой мировой войны в Закавказье были развернуты уже две Кавказские армии.

Посредством участия в указанных войнах царское правительство, помимо реализации военно-политических целей, стремилось также разрешить внутренний системный кризис в самой России. Все то, что дестабилизировало обстановку в империи, направлялось на войну. Революционные процессы в Российской империи уже в своем зародыше гасились на Кавказе. Так, по указу Николая I после восстания 14 декабря 1825 года из рот Московского и Гренадерского полков, выступивших на Сенатской площади, был организован сводный гвардейский полк и отправлен на Кавказ. Полк, в составе которого были 1232 «провинившихся» солдата, активно участвовал в военных действиях против Турции на Карсском направлении. Черниговский полк, поднявший знамя восстания против царского самодержавия на юге России, был расформирован, отдельные его части также были отправлены на Кавказ. Среди сосланных декабристов на Кавказе проходили службу все три брата Бестужевых, В.М. Голицын, В.С. Толстой, М.И. Пущин, Е.Е. Лачинов и многие другие. По негласному распоряжению Николая I во время военных действия против Персии и Турции декабристов отправляли на самые опасные места. До тех пор, пока шла Кавказская война, практиковалась и ссылка на Кавказ, в действующую армию нелояльных правительству лиц. Как видим, реализовывались не столько военно-политические интересы государства, сколько потребности самого правящего режима в самосохранении.

Российская империя в первой половине XIX века в полной мере приобрела вид военизированной монархии. И, если для политики России в XVIII веке было характерно предпочтение дипломатии войне, то с началом XIX века особенно после наполеоновских войн 1805–1815 годов, характерной чертой стало силовое воздействие в целях достижения самых различных интересов. Милитаризация Российского государства приобрела

всеобъемлющий характер, поглощая все внутренние ресурсы страны. Это в конечном итоге предопределило системный кризис в государстве и тенденции упадка Российской империи. Доминирование военных потребностей отразилось пагубно на других отраслях, из которых черпались ресурсы для военной сферы. В экономическом плане Россия стала вновь наиболее отсталой в Европе, серьезные проблемы возникли в политической, духовной и социальной ее сферах. Все это имело место на фоне затянувшегося финансового кризиса. Начиная с конца XVIII века, с первого займа Екатерины II у голландских банкиров на нужды русско-турецкой войны, и вплоть до 1917 года финансовый дефицит был характерным явлением экономики Российского государства.

Конец первой половины XIX века ознаменовался окончанием периода наступательных войн России. Наиболее явно эта проблема проявилась в поражении России в Крымской войне. Импульс, заданный Петром I в реализации интересов Российского государства посредством победоносных войн, ко второй половине XIX столетия угасал. В российской военной истории были еще победы генералов М.Д. Скобелева, И.В. Гурко, Н.Н. Юденича и А.А. Брусилова, но в целом данная тенденция уже обозначилась.

Действительность требовала сосредоточиться на внутренних проблемах. Это осознавали и сами государственные деятели России того времени. Например, канцлер России К.Е. Нессельроде (1815–1856 годы) в своей известной «Записке о политических соотношениях» в 1856 году по существу признает ошибочность основных принципов, на которых он пытался строить внешнюю политику страны на протяжении своего долгого руководства ею⁴⁰.

⁴⁰ См.: Российская Федерация: безопасность и военное сотрудничество. – М, 1995. – С.28.

Очевидно, что реальные военно-политические интересы России в первой половине XIX века предполагали не милитаризацию всего государства, а оптимизацию военной организации и как следствие этого, – военно-политических устремлений. По крайней мере, это должно было иметь место на период отсутствия реальной опасности для государства, чем и характеризуется первая половина XIX века.

Можно констатировать, что в целом в первой половине XIX века реализация военно-политических интересов России на Кавказе происходила в одинаковой степени напряженно, как на внешнеполитическом уровне, так и в процессе реализации внутренних потребностей в регионе самого Российского государства.

Внешнеполитический аспект интересов России предполагал аннексию иранских и турецких территориальных владений в Закавказье и оформление границ Российской империи в данном регионе. А.А. Корнилов, историк России XIX века, охарактеризовал проводившуюся политику как процесс формирования и укрепления государственной территории⁴¹.

Внутриполитический аспект военно-политических интересов России в Закавказье был направлен на стабилизацию в регионе и в целом в Российской империи политической обстановки посредством активного использования военной организации государства, вовлечения под ее контроль субъектов политики неоялных режиму, потенциальных «дестабилизаторов» общества или, по определению Л.Н. Гумилева, «пассионариев».

Если же рассматривать военно-политические интересы России в регионе в разрезе геополитических потребностей, то региональными интересами Российского государства на дан-

⁴¹ См.: Корнилов А.А. Курс истории России XIX века. – М.: Высшая школа, 1993.

ный период было покорение Кавказа, выразившееся в освоении транзитной территории, способной соединить Грузию с метрополией. Более перспективные интересы Российской империи определялись итогами войны с Наполеоном, по результатам которой Россия стала ведущей державой в Европе, определяющей военно-политическую обстановку не только в Европе, но и в значительной части Азии.

Прямым следствием данного положения стало явление, получившее название уже в XX веке «холодная война», причиной которой явилось не столько военно-идеологическое противостояние или декларируемая «советская военная угроза», сколько то, что Советский Союз после второй мировой войны стал сверхдержавой, определяющей политику, ее состояние и развитие в ряде регионов и, в целом, в мире. Такое же место в мировой политике занимала и императорская Россия в XIX веке, являвшая собой «русскую военную угрозу» интересам ведущих европейских государств.

Усиление экспансионистского характера военно-политических интересов России на Кавказе особенно внутривнутриполитический аспект предполагали решение еще одной задачи – соответствия данных интересов целям, потребностям и устремлениям народов Кавказа, их государственных образований (там, где они обладали суверенитетом). Аннексия (присоединение) территорий региона приняла необратимый характер и продолжалась на протяжении всего третьего и четвертого этапов, вплоть до 1917 года, в течение которых практически и были сформированы территории современных закавказских государств (посредством двух русско-персидских и четырех русско-турецких войн).

Наиболее напряженно этот процесс шел в Грузии, представленной в политическом спектре к началу своего присоединения к России девятью государственными образованиями. Сре-

ди них: царства Имеретинское и объединенное Картли и Кахетии, семь княжеств – Абхазия, Мингрелия, Гурия, Одиши и др. Кроме того, современная Грузия включает в себя еще и территории в прошлом Ахалцихского и части Карского (Аджария) пашалыков Турции, с преобладанием населения мусульманского вероисповедания. Территория современного Азербайджана также в общем виде была сформирована в тот период посредством включения в состав Российской империи ханств: Бакинского, Гянджинского, Карабахского, Кубинского и других. Территория современной Армении представляет собой ее восточную часть, присоединенную к России по результатам Гюлистанского и Туркманчайского договоров.

Во второй половине XIX века во всем Кавказском регионе утвердилась военно-административная власть России. Задача, поставленная Александром I в начале века – стоять на Кавказе твердо, – к данному времени была реализована. Россия в регионе превратилась в сверхдержаву, в то время как Турция и Иран, обессиленные внутриполитическими кризисами и постоянными военными поражениями, переживали состояние упадка и стагнации. Турция, например, уже во второй половине XIX века была объявлена несостоятельной, находилась под опекой Европы, а правительствами Великобритании и Австрии по отношению к ней устанавливался и реализовывался на практике принцип вооруженного нейтралитета, направленного по своей сути против России. В целом, утверждение Российского государства в регионе не могло не вызвать обеспокоенности и противодействия со стороны европейских держав – Великобритании, Франции, – а с конца XIX века и Германии, претендовавших, в свою очередь, на доминирование на Кавказе и сопредельных с ним регионах.

Утверждение России на Северном Кавказе

С присоединением Грузии Северо-Кавказский регион лишь формально являлся частью Российской империи (в силу заключенных ранее, в XVIII веке, договоров с феодальными владельцами и старшинами горских народов региона). В то же время он был также формально подвластным Ирану и Турции. Фактически же Северный Кавказ был независим и представлял собой государственные и этнотерриториальные образования, неподконтрольные никакой власти, в том числе и внутренней.

В силу этого, Северный Кавказ, таким образом, стал представлять комплекс своеобразных анклавов с неопределенными по отношению к России обязательствами и в то же время наличием реальных источников военных конфликтов, выражавшихся в вооруженных нападениях на приграничные с ними районы Российского государства, станицы и укрепления ее Кавказской оборонительной линии. Поэтому российское правительство вынуждено было сосредоточить свои усилия на привлечении правителей региона к принятию ими подданства Российской империи и вовлечение их в процессы колонизации Кавказа. При необходимости это предполагало и силовое давление на них. В то же время в отношении с местными владельцами российское правительство продолжало следовать выдвинутому еще при Павле I плану создания «федерации» владельцев и союзов сельских обществ Восточного Кавказа. Фактически речь шла о сплочении местной знати и старейшин вокруг русской администрации с полным признанием власти царя. Процессы присоединения к России северокавказских общин и феодальных образований, начавшиеся в конце XVIII века, оформление их

подданства России явились основными политическими событиями в регионе в течение практически всего первого десятилетия XIX века.

Начало этой политики было положено Екатериной II, которая в указе повелевала кавказскому генерал-губернатору И.В. Гудовичу «держаться приверженности шамхала, хана дербентского, хана аварского, владельца казикумыцкого и др., объявлять им, что по мере усердия их к престолу нашему излиется на них и наша императорская милость; во изъявления же преданности истребовать, чтоб они прислали к двору нашему из первейших своих чиновников с прошением о принятии их под державу ли или под покровительство империи»⁴². В апреле 1793 года было подтверждено принятие в «вечное подданство России» Засулакской Кумыкии и шамхальства Тарковского. В 1799 года в подданство России были приняты владения Кайтага, Табасарани, ханства Дербентского и др.

В сентябре 1802 года русской администрации удалось собрать почти всех владельцев Северо-восточного Кавказа или их посланцев на съезд в Георгиевск⁴³. В результате переговоров 26 декабря 1802 года был подписан, так называемый Георгиевский договор, в котором говорилось, что подписавшие его принимаются в «подданство и покровительство России ... по собственным их просьбам»⁴⁴.

Характеризуя территориальную экспансию Российского государства на Северный Кавказ на рубеже XVIII–XIX веков, следует отметить, что процессы присоединения северокавказских владений к России имели не насильственный, а преимущественно добровольный и договорный характер. К 1812 году под-

⁴² Цит. по: Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. – СПб., 1869. – Ч.2. – С.286–287.

⁴³ См.: Попов В.В. Национальная политика Российского государства. –М.: ВУ, 1996.

⁴⁴ См.: Юзефович Т.А. Указ. соч. –С. 210–213.

данство России принял практически весь Дагестан. Еще ранее по документам в состав России вошли: Ингушетия – в 1770 году, Чечня – в 1781 году⁴⁵.

Интересен, например, факт принятия подданства Российской империи представителями чеченских общин. Уже в 1780 году многие чеченские общества приняли присягу на верность России и просили ее подданства⁴⁶. 21 января 1781 года представители Чечни явились к кизлярскому коменданту Куроедову и официально приняли подданство России. Между царскими властями и чеченцами был составлен акт, определявший условия этого подданства. В преамбуле договора отмечалось: «Мы ... большие чеченские, хаджиаульские старшины и народ добровольно, чистосердечно, по самой лучшей нашей совести объявляем ... что, чувствуя от ее императорского величества щедрые милости и мудрое управление, прибегаем под покровительство, выпрашиваем всевысочайшее повеление о принятии всех старшин и народ по–прежнему в вечное подданство»⁴⁷. Договор состоял из 11 статей, главные из которых относились к характеру подданства Чечни России, к русско-чеченским отношениям в целом. Подписание акта о российском подданстве состоялось в ауле Чечен в торжественной обстановке. После переговоров в ауле Чечен и подписания договора российская администрация на Северном Кавказе с полным основанием могла считать, что «ныне уже подданных

⁴⁵ См.: Виноградов В.Б., Гриценко Н.Б. Навеки в России. –Грозный, 1981; Гаджиев В.Г. Байбулатов Н.К., Блиев М.М. Вхождение Чечено-Ингушетии в состав России //История СССР. – 1980. – №5. – С.48–63; Бузурганов М.О., Виноградов В.Б., Умаров С.Д. Навеки вместе. – Грозный, 1981.

⁴⁶ См.: Гриценко Н. П. Социально-экономическое развитие притеречных районов в XVIII – первой половине XIX в. – Грозный, 1961. – С. 29.

⁴⁷ Впервые некоторые положения этого договора были приведены в работе П.Г. Буткова (Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. –СПб., 1869. – Ч. 2. – С. 72-73). В наше время полностью документ опубликован В.Б. Виноградовым и С.Д. Умаровым (Указ. соч. – С. 45-47).

суть престолу ее императорского величества чеченские, ингушские и карабулакские общества»⁴⁸.

В 1774 году по условиям Кючук-Кайнаджирского мира в состав России вошли Осетия и вновь Кабарда. Исключение составляли лишь Джаро-Белоканские лезгинские вольные общества, сохранявшие свою независимость от России вплоть до 1830 года.

Примечателен тот факт, что значительная часть Северного Кавказа в начале века находилась все еще в формальной зависимости от персидского шаха и турецкого султана и, таким образом, присоединение их к России представляло собой переориентацию в вассальной зависимости.

В целом период добровольного вхождения народов Северного Кавказа и их государственных образований в состав России происходил вплоть до Гюлистанского договора (1813 года)⁴⁹ с Ираном и Андрианопольского (1828 года)⁵⁰ – с Турцией, подписав которые Иран и Турция окончательно признавали присоединение Дагестана и Черноморского побережья Кавказа к России. В соответствии с характером аннексии строились и взаимоотношения России с народами Северного Кавказа, которые на данном этапе «не сопровождались еще немедленно установлением у них царского административного аппарата». По существу, такой аппарат и не мог быть создан из-за отсутствия у России для реализации этих целей сил, средств, а также достаточной экономической базы. Поэтому власть по-прежнему оставалась у местных кавказских феодалов. Царское правительство со времен Екатерины II пыталось не завоевывать, а привлекать правителей региона на свою сторону, для этого

⁴⁸ ЦГАДА. ф. 23, оп. 1, д. 13, ч. 6, л. 275.

⁴⁹ См.: Юзефович Т.А. Указ. соч. – С. 208.

⁵⁰ См., там же. – С.71.

«...употреблять всевозможные средства привлекать к нам различных владельцев ... возбуждая в одних любочестие к желанию быть удостоенным от руки нашей, а другим, – внушая, какое обогащение, пользы и выгоды последовать могут им и подданным их от спокойного владения и от торговли с россиянами»⁵¹. С этой целью им, после принятия подданства Российской империи присваивались, как правило, генеральские чины, назначалось жалованье, гарантировалось наследственное владение их ханствами. Шамхал Тарковский, например, после принятия подданства России в 1793 году был произведен в тайные советники с назначением жалованья в 6 тысяч рублей в год на содержание войска, а в 1799 году он был возведен в чин генерал-лейтенанта⁵², аварский хан имел чин генерал-майора и даже кадий табасаранский, лицо духовное по своей сути, тем не менее, имел чин полковника русской армии⁵³. Таким образом, правители региона как бы состояли на службе у российского императора, и в то же время они были суверенными в управлении своими владениями. Единственным условием сохранения власти для них являлась лояльность Российской империи и неучастие в войнах против нее. Во многом подобной политике способствовало также и нежелание самих государственных деятелей России основательно и глубоко втягиваться в политические процессы на Кавказе, осознавая их сложность и неопределенность, а также недостаток ресурсов Российского государства для длительной и активной военной политики в регионе.

Перелом в политике России на Кавказе произошел лишь после наполеоновских войн 1805–1815 годов. Многие исследо-

⁵¹ Бутков П.Г. Указ. соч. –С. 286–287.

⁵² См.: Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в. : Сб. документов / Под ред. В.Г. Гаджиева и др. –М.: Наука, 1988. – С.16.

⁵³ См.: Бушуев С.К. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. –Л.: Изд-во АН СССР, 1939.

ватели кавказской политики России связывают изменение официального курса Российского государства в регионе с назначением наместником на Кавказ генерала А.П. Ермолова. На самом же деле это, по-видимому, лишь частично отражает реальные политические процессы на Кавказе в начале XIX века и является собою упрощенную трактовку событий, подменяющую причину и следствие в данном случае кавказской политики России. Не генерал А.П. Ермолов изменил политику России на Северном Кавказе, а изменившееся видение целей и задач российской политики в регионе руководством страны востребовало феномен А.П. Ермолова. Александр I свою позицию, например, по данному вопросу озвучил словами: «Стоять на Кавказе твердо»⁵⁴.

Реализации этой программы более всего соответствовал генерал А.П. Ермолов – наиболее авторитетный в русской армии военачальник, блестяще проявивший свои военно-административные качества в Отечественной войне 1812 года и в целом в антинаполеоновских кампаниях, в том числе под Аустерлицем (1805 год), Прейсиш-Эйлау (1807 год), Кульмом и Лейпцигом (1813 год), и особенно при взятии Парижа в 1814 году. Поэтому, невзирая на близость его к либеральным кругам офицерского корпуса, а также репутацию мятежного генерала, он все же был назначен Главнокомандующим Грузинским корпусом. В соответствии с вышеназванной программой Александра I и строилась в последующем вся кавказская политика, которая хотя и часто изменялась по ходу своей реализации, тем не менее, по своей сути и основным направлениям вплоть до конца XIX века оставалась неизменной. В этой программе Россия, по существу, продекларировала свою военно-политическую экспансию в регион.

⁵⁴ См.: Керсновский А.А. История русской армии: В 4-х томах. – М.: Голос, 1993. – Т.2.

Проблемы, цели и задачи новой политики России в регионе требовали перестройки ее политико-административной деятельности.

Во-первых, предполагался переход от не прямой формы администрации (посредством местных владетелей) к непосредственному подчинению власти наместника. Это должно было в последующем способствовать более основательной колонизации региона. Вместе с тем сама колонизация была обусловлена необходимостью обеспечения безопасности русских поселений в регионе, а также возможностью свободных торгово-экономических отношений государства с сопредельными странами. Специфика отношений России с северокавказскими образованиями определялась тем, что договоры, подписанные от имени русского правительства с владетелями региона, носили зачастую условный и временный характер. Поэтому Российская империя не была гарантирована от того, что в случае очередной войны на Кавказском театре военных действий северокавказские феодалы не поддержат ее противников, прежде всего, Турцию или Иран.

Другим немаловажным обстоятельством, предопределившим направленность и содержание военной политики России на Кавказе в начале XIX века, а также способы и методы ее реализации, явился личностно-субъективный фактор, заключавшийся в ее персонифицировании. В силу этого, кавказская политика во многом зависела от личности главнокомандующего войсковой группировкой России в регионе, выступавшего одновременно и его главноуправляющим (наместником на Кавказе). Поэтому для анализа военной политики России на Северном Кавказе в исследуемый период, автором обращено особое внимание на характеристику политико-административной и военной деятельности в регионе наместников императора на Кавказе от П.Д. Цицианова (1802–1806 годы) до А.И. Барятинского (1856–1862 го-

ды). Последовательно эти должности занимали также: генерал-фельдмаршал граф И.В. Гудович (1806–1809 годы); генерал от кавалерии А.П. Тормасов (1809–1811 годы); генерал-лейтенант маркиз Пауличио (1811–1812 годы); генерал от инфантерии Н.Ф. Ртищев (1811–1816 годы); генерал от инфантерии А.П. Ермолов (1816–1827 годы); генерал-фельдмаршал граф И.Ф. Паскевич-Эриванский (1827–1831 годы), генерал от инфантерии барон Г.В. Розен (1831–1837 годы); генерал от инфантерии генерал Е.А. Головин (1837–1842 годы); генерал-адъютант А.И. Нейдгарт (1842–1844 годы); генерал от инфантерии князь С.М. Воронцов (1844–1854 годы); генерал от инфантерии Н.Н. Муравьев-Карсский (1854–1856 годы); генерал-фельдмаршал князь А.И. Барятинский (1856–1862 годы).

Акцентирование внимания на их деятельности в исследовании обусловлено тем, что полномочия, которыми были наделены наместники в реализации военной политики России на Кавказе, были очень обширны. Более того, наместник на Кавказе был практически автономен в принятии и реализации важнейших политических решений. В силу этого, в характере и содержании военной политики Российского государства на Северном Кавказе в рассматриваемый период во многом нашли отражение их личное восприятие и понимание стоящих задач, а также непосредственно личностные качества наместников.

При всем спектре различий политико-административной и военной деятельности наместников на Кавказе, задач, стоящих перед ними, следует выделить три основных периода кавказской политики России.

Первый период, который образно можно очертить временными границами наместничества – от П.Д. Цицианова до Н.Ф. Ртищева (1802–1816 годы) – период установления отношений с государственными и иными политическими образова-

ниями региона, с последующим вовлечением их в сферу российской политики и в конечном итоге – присоединением их к Российской империи.

При этом сохранялись традиционные для региона формы правления, сами правители становились вассальными российскому императору, но сохраняли абсолютную власть по отношению к своим подданным. Очевидно, что в данный период содержание военной политики на Кавказе определялось стремлением не потерять регион. С этой целью главным являлось сдерживание экспансии сопредельных государств и выполнение на Кавказе охранительных функций. Таким образом, подчинение кавказских владетелей России было относительным и весьма неустойчивым. Со стороны же военной администрации в данный период не предпринималось военно-силовых мер по утверждению своей власти на Северном Кавказе. Более того, сама политика по отношению к различным военно-феодальным образованиям региона зачастую принимала оборонительный характер.

Второй период реализации политики России на Кавказе (1816–1859 годы), наиболее протяженный по времени и насыщенный событиями, связан непосредственно с насильственным утверждением политико-административной власти России в регионе. Ее реализация связывается в основном с именами А.П. Ермолова и А.И. Барятинского. Тем не менее, это являлось общим стратегическим направлением военной политики России в регионе и, несмотря на разницу во времени, складывавшейся обстановки, личностных качеств командующих и подходов их к решению данных военно-политических задач, принципы кавказской политики, заложенные А.П. Ермоловым, реализовывались на всем протяжении данного периода. В конечном итоге лишь в период управления Кавказом А.И. Барятинским были достигнуты цели, определенные еще в начале

века Александром I. Важнейшим, эпохальным событием этого периода является Кавказская война.

Третий период реализации политики России на Северном Кавказе (1859–1881 годы) связан с его практической колонизацией. В ходе данного этапа значительная часть горцев Северо-Западного Кавказа была подвергнута депортации. Показательно в этом плане то, что именно им, а не горцам Дагестана и Чечни пришлось вынести всю тяжесть депортации. Объясняется это тем, что сама депортация не преследовала цели репрессивного характера, она была обусловлена военно-стратегическими интересами России. Черноморское побережье являлось наиболее уязвимым местом в обороне Российской империи, тем более данная проблема обострилась в связи с запрещением России держать военный флот на Черном море по условиям Парижского мирного договора (1856 год). Внешнеполитическая же обстановка свидетельствовала о конфронтационных отношениях России с ведущими государствами мира и возможности нового вооруженного конфликта. Показательна в этом плане позиция Александра II, посетившего Кавказ в сентябре 1861 года и попросившего командующего войсками левого фланга Кавказской линии генерала Н.И. Евдокимова во время доклада последнего о пятилетнем плане покорения региона «ускорить войну, так как Западная Европа может вмешаться раньше». Таким образом, официальные круги Петербурга в начале 60-х годов жили в ожидании новой интервенции, и поэтому руководство страны не могло позволить себе оставить на наиболее уязвимом направлении вооруженную массу людей, в любое время готовых развернуть на побережье партизанскую войну против России.

Возвращаясь непосредственно к анализу военно-политической деятельности представителей высшей военной администрации России на Кавказе, следует отметить, что важнейшей

вехой российской военной политики на Кавказе на рубеже XVIII–XIX вв. явилось наместничество в регионе князя П.Д. Цицианова. Несмотря на то, что основной упор генералом П.Д. Цициановым делался на южном приграничном направлении, тем не менее, на Северном Кавказе его деятельность характеризуется жесткой позицией в вопросах предотвращения набегов горцев Северного Кавказа на Грузию.

Основным же достижением кавказской политики П.Д. Цицианова явилось сооружение под его непосредственным руководством Военно-грузинской дороги и ряда крепостей на ее протяжении, а также восстановление такой значительной крепости, как Владикавказ, символическое название которой уже как бы предопределяло последующую политику России в регионе. В начале 1803 года П.Д. Цицианов направил Александру I проект строительства Военно-грузинской дороги, названный им в честь императора «проектом Александрова пути». На протяжении всей дороги, от Кавказской линии (т.е. от Моздока) и до Грузии, П.Д. Цицианов предлагал построить военные форпосты. Особое место он отводил восстановлению Владикавказа в преддверии Дарьяльского ущелья; эта крепость, по мысли П.Д. Цицианова, могла стать главным пунктом, позволявшим контролировать не только Военно-грузинскую дорогу, но и весь Центральный Кавказ. Практическое значение Военно-грузинской дороги заключалось в том, что она явила собой перпендикулярную составляющую Кавказских оборонительных линий.

Александр I рассмотрел и полностью одобрил проект П.Д. Цицианова⁵⁵, утверждены были также предложения наместника по укреплению Кавказской линии, на которой воздвигли Константиновский и Елизаветинский редуты. Тогда же, в

⁵⁵ ЦГВИА, ф. 1, оп. 1, д. 411, л. 7–15.

конце 1803 года, кордонная часть Кавказской линии по «сухой границе» от Константиногорска разделилась: одна шла от Ессентукского редута до Кисловодского источника, где было построено укрепление Кисловодск, другая – от Кирклинского редута до Баталпашинской переправы на Кубани⁵⁶.

Рассматриваемый период военной политики России в регионе знаменателен в истории русско-кавказских отношений и таким важнейшим событием, как совещание представителей горских народов, на котором большинство из них добровольно приняло подданство России.

Начавшаяся война с Персией в 1803 году и гибель самого П.Д. Цицианова в Баку не позволили в полной мере реализовать его замысел по укреплению позиций России на Кавказе. Последующее развитие событий в полной мере подтвердило недостаточность сил и средств у России для проведения активной военной политики в регионе. Главные усилия в этот период были сосредоточены на отражении внешней угрозы со стороны Персии и Турции, а также сдерживании набегов феодалов региона, стремившихся использовать слабость России.

Еще более осложнившаяся военно-политическая обстановка в регионе в связи с начавшейся войной с Турцией и непосредственно Отечественной войной 1812 года, а также последующие наполеоновские войны в Европе заставили руководство России временно отказаться от активной кавказской политики. Поэтому наместничество на Кавказе маркиза Пауличио, генерала Н.Ф. Ртищева отличалось стремлением лишь сохранить и удержать за Российской империей завоеванные ранее позиции. Власть военной администрации на Северном Кавказе распространялась лишь на заселенные казачьи станицы и укрепления

⁵⁶ См.: Исторический очерк распространения и устройства русского владычества над Кавказом и в Закавказье. – Кавказ, 1850. – Л. 13.

Кавказской линии, а также на отдельные участки Военно-грузинской дороги.

Активизация военной политики России на Кавказе явилась началом ее второго этапа. В его основе лежало стремление утвердить позиции России на Кавказе посредством военно-силового установления в регионе российской самодержавной администрации.

На данном этапе развития кавказской военной политики России во многом определяющим стало «проконсульство» на Кавказе генерала А.П. Ермолова. Именно в период его командования Кавказским корпусом политика России в регионе приобретает качественно новое содержание, намечается дальнейшая перспектива в развитии российско-кавказских отношений. Значимость задач, стоявших перед генералом А.П. Ермоловым, предопределила и степень его ответственности. Наместник был наделен Александром I практически неограниченными полномочиями. В их числе, были такие, как принятие подданства Российской империи, ведение вопросов войны и мира, вплоть до объявления войны и начала военных действий, будь-то в Закавказье, на Северном Кавказе, или же против Персии и Турции и т.д. В руках наместника была сконцентрирована огромная власть – командира Отдельного Грузинского (с 1820 года – Кавказского) корпуса и главноуправляющего Грузией, ему подчинялись Каспийская флотилия, Черноморское казачье войско, Астраханская и Кавказская губернии. Общая численность всех войск, сосредоточенных у наместника, составляла более 60 тыс. человек⁵⁷. Ге-

⁵⁷ Согласно запискам самого А.П. Ермолова, «численность войск Грузинского корпуса в октябре 1816 года составляла: нижних воинских чинов, могущих быть в действии: 19-й и 20-й пехотных дивизий 30336, резервной бригады и трех гренадерских полков 7024, в гарнизонных полках и батальонах 5920, в Нижегородском драгунском полку 711, в линейных казачьих полках 5302, Войска Донского в казачьих полках 5237, Астраханского казачьего войска в трех полках 1634. Артиллерии: батарейных 48, легких 60, конноказачьих 24 орудий. См.: Записки Алексея Петровича Ермолова во время управления Грузией // <http://ermolov.org.ru/book/zapisgruz.htm>.

нерал-лейтенант А.П. Ермолов, таким образом, получил власть над обширной территорией от Кубани до Волги и от степей Северного Кавказа до Эриванского ханства. На этой древней земле обитали десятки народов, многие из которых имели тысячелетнюю историю и традиции, отношения между ними были очень непростыми. Здесь был узел острых противоречий – национальных, религиозных, социальных и, наконец, межгосударственных, разрешать которые от имени императора предстояло наместнику. И он готов был их решать.

В сентябре 1816 года новый главнокомандующий был уже на границе Кавказской губернии, 6 октября – в г. Георгиевске, являвшемся в тот период центром управления Кавказским краем, а 10 октября 1816 года официально в ставке корпуса в г. Тифлисе вступил в должность.

Сразу же после этого Алексей Петрович чуть более месяца потратил на инспектирование войск Кавказского корпуса, а также провинций региона, находившихся в подданстве Российской империи.

Приоритетными в этот период в рамках подготовки к визиту в Персию для него были закавказские провинции. И уже 9 января 1817 года им был представлен рапорт императору, содержащий описание русско-персидской границы, ее отдельных наиболее уязвимых участков, а также возможные способы их охраны и обороны.

Обширность приграничных территорий, их незащищенность естественными преградами, недостаток войск, ненадежность закавказских правителей, «готовых, – по мнению А.П. Ермолова, – отложиться при первом удобном случае, при первых успехах Персии или Турции» определяли, на его взгляд, необходимость исправления границ. Этого можно было достигнуть, как считал главнокомандующий, не уступкой, а

присоединением персидских провинций вплоть до левого берега реки Аракс. Наиболее же удобным способом обороны границ, по его мнению, может быть только наступательная война, но только в том случае если не будет совместных против России действий со стороны Персии и Турции.

Во время инспектирования российских территорий Закавказья большое внимание наместник уделял не только военно-стратегическим, но и административным вопросам. Свое впечатление от ознакомления с краем он изложил в письме к А.А. Закревскому: «Ханства, — по его мнению, — богатые дарами природы, но управляемые алчными азиатскими деспотами, могли служить особенно резким примером неустройства закавказских дел»⁵⁸. Под управлением же русской администрации ханства, как он считал, могли приносить России в десять раз больше доходов и выгод, чем при автономном управлении ханами⁵⁹.

Одной из причин этого А.П. Ермолов видел в том, что «мои предместники слабостию своею избаловали всех ханов ... до такой степени, что они себя ставят не менее султанов турецких и жестокости, которые и турки уже стыдятся делать, они думают по правам им позволительными»⁶⁰.

Речь шла, прежде всего, о правителях Карабаха и Шеки: Мехти-Кули-Хане и Измаил-хане. Владелец Карабаха, согласно запискам А.П. Ермолова, был чрезмерно доверчив «к окружающим его чиновникам, которые его обманывают, проводит время в распутстве, ничем более не занимаясь, как охотою с собаками или ястребами». Результатом этого стал полный упадок провинции, нищета населения, да и самого хана. «Любимцы, по словам Алексея Петровича, — расхитили собственно

⁵⁸ Потто В.А. Кавказская война. Т.2. // <http://www.hekupsa.com/istoriya/knigi/istoriya-russko-kavkazskoy-voyni/v-potto-kavkazskaya-vojna-t-2/view>

⁵⁹ См.: там же.

⁶⁰ См.: Давыдов М.А. Указ. соч. — С. 78.

принадлежащее ему имущество до такой степени, что ему недостает средств к содержанию себя приличным образом. За несколько лет не представлено в казну ничтожной, платимой им, дани». Естественно, что такое положение, наместник не мог воспринимать безучастно.

Что касается, Исмаил-хана, то до главнокомандующего еще в Тифлисе дошли жалобы его подданных на неправосудность и «в наказаниях не только не умеренного, но жестокого, кровожадного». По прибытии в Шеки наместник был вынужден лично разбираться с жалобами на хана, но поскольку их было очень много, Алексей Петрович приказал российскому приставу, находившемуся в Шеки собрать всех, подвергнутых Исмаил-ханом жестоким истязаниям, и поместить в его дворец, «пока не удовлетворит, по крайней мере, семейств их обеспечением их благосостояния».

Таким образом, А.П. Ермолов в ходе инспектирования провинций не только изучал состояние дел, но и принимал меры по введению «хотя бы подобия российского управления» в них. Помимо этого он утверждал свою репутацию – репутацию наместника императора на Кавказе – сильного, властного, абсолютно бескорыстного человека, жестокого, а порой и жестокого правителя, которого при случае ничто не остановит. Время разговоров и уговоров для закавказских (а в последующем и северокавказских) правителей с прибытием А.П. Ермолова закончилось.

И именно это продемонстрировал в ходе встречи с правителем Ширвана Мустафою-ханом, который, по мнению Алексея Петровича, хотя и управлял ханством лучше других правителей, но отличался крайним высокомерием по отношению к русской администрации. К тому же А.П. Ермолову были известны его «связи с народами Дагестана, сильными, воинст-

венными, никому доселе не покорствовавшими, думая тем устранишь русских и заставить уважать себя более прочих»⁶¹. Для наместника его связи не стали достаточным аргументом и более того на встречу с ним он прибыл в сопровождении только лишь пяти человек, в то время как свита Мустафы-хана составляла порядка пятисот. Алексей Петрович, тем самым продемонстрировал, кто есть кто на Кавказе. Он – генерал-лейтенант А.П. Ермолов – наместник императора, или по образному выражению брата Александра I Константина – проконсул Кавказа, а генерал-лейтенант Мустафа-хан, всего лишь правитель одного из закавказских ханств, да и то до того времени, пока руководство России это ему допускает.

По возвращению в декабре 1816 года в Тифлис, главнокомандующему предстояло решить ряд вопросов непосредственно в Грузии, в том числе связанные с упорядочиванием деятельности грузинской знати, мнение о которой, у него также было крайне нелицеприятным. «Князья, – по словам А.П. Ермолова, – ничто иное есть, как в уменьшенном размере копия с царей грузинских. Та же алчность к самовластию, та же жестокость в обращении с подданными»⁶². Примечательная и другая его характеристика грузинской знати, изложенная в Записках об управлении Грузией: «Не погрешая можно сказать о князьях грузинских, что при ограниченных большей части их способностях, нет людей большего о себе внимания, более жадных к наградам без всяких заслуг, более неблагодарных»⁶³.

Критически оценивал главнокомандующий и качество русской администрации на Кавказе. В письме к М.С. Воронцо-

⁶¹ См.: Записки Алексея Петровича Ермолова во время управления Грузией// <http://ermolov.org.ru/book/zapisgruz.htm>.

⁶² См.: Давыдов М.А. Указ. соч. – С. 78.

⁶³ См.: Записки Алексея Петровича Ермолова во время управления Грузией// <http://ermolov.org.ru/book/zapisgruz.htm..>

ву он отмечает: «Беспорядок во всем чрезвычайный. ... Мне надобно употребить чрезвычайную строгость, которая здесь не понравится ... Наши собственные чиновники, отдохнув от страха, который вселяла в них строгость славного князя Цицианова, пустились в грабительство и меня возненавидят; ибо также и я — жестокий разбойников гонитель»⁶⁴.

Удручающее впечатление на А.П. Ермолова оказала также ситуация с дислокацией Грузинского корпуса. По словам Алексея Петровича: «Обстоятельно вникал я в образ жизни войск... Нимало не удивляюсь чрезмерной их убыли. Если нашел я кое-где казармы, то сырые, тесные и грозящие падением; в коих можно только содержать людей за преступление; но и таковых немного, большею частою землянки, истинное гнездо всех болезней, опустошающих прекрасные здешние войска»⁶⁵.

Таким образом, состояние дел в крае предполагало необходимость реализации комплексной программы. Поскольку же главной задачей в тот период была подготовка к посольству в Персию, то А.П. Ермолов не мог предпринимать каких-либо кардинальных мер в этом направлении. Только лишь после окончания посольства, в 1818 году им была представлена императору развернутая программа по переустройству военной и гражданской части управления Кавказом. Но уже в конце 1816 года он четко определил свою позицию по данному вопросу. Ее он изложил в письме к А.А. Закревскому: «До тех пор, как не узнают коротко правил моих и точного намерения сделать пользу здешнему краю, много будут недовольны и дойдут вопли до вас, но вы не бойтесь, все будут довольны впоследствии. Я страшусь ваших филантропических правил. Они хороши, но не здесь». Главным средством для приведения

⁶⁴ См.: Давыдов М.А. Указ. соч. — С. 54-55.

⁶⁵ См.: Давыдов М.А. Указ. соч. — С. 55.

дел в порядок, по мнению главнокомандующего, должна стать «строгость, строгость и строгость». И это относилось не только к местным жителям, но и к непосредственным подчиненным А.П. Ермолова.

Первыми шагами в этом направлении наместника стали наложенный секвестр на имущество всех чиновников казенной экспедиции. В декабре 1816 года, наместник распустил действующую с 1801 года в Тифлисе особую полицейскую канцелярию, посадив при этом трех чиновников «под караул» в здании полиции с тем, чтобы они привели в порядок архив, где за последние 12 лет накопилось 600 нерешенных дел. А 30 декабря 1816 года наместник утвердил Положение «О новом устройстве в Тифлисе Градской полиции и об учреждении Квартирной комиссии»⁶⁶. Создание Квартирной комиссии было обусловлено необходимостью упорядочения системы воинских постоев, которая раньше всей тяжестью ложилась только на бедных горожан. В соответствии с новым положением повинность по постое должны были определять члены Комиссии, избранные от всех обществ, имеющих дома в черте города. Дальнейшие преобразования административного управления краем пришлось отложить, поскольку зимой 1817 года все помыслы Алексея Петровича были направлены на подготовку к визиту в Персию.

Обстановка тем временем в сопредельных приграничных районах резко обострилась. Причиной этого стало сосредоточение персидских войск вблизи российских границ. Одновременно с этим в Восточной Анатолии в районе Эрзерума происходило сосредоточение турецких войск.

Все это свидетельствовало о большой вероятности координации действий Персии и Турции, в равной степени неудов-

⁶⁶ См.: Акты Кавказской археографической комиссии. – Т. VI. – С. 2.

летворенных итогами их последних с Россией войнами и возможности начала новых военных действий одновременно на персидском и турецком направлениях. В этих условиях генерал А.П. Ермолов, совмещавший одновременно должности главнокомандующего и посла в Персию, не мог позволить себе оставить войска Грузинского корпуса. По мнению Алексея Петровича, с учетом особенностей восточного менталитета персы могли под благовидным предлогом задержать его в Персии и в это же время начать во взаимодействии с Турцией новую войну с Россией⁶⁷.

Не без основания А.П. Ермолов полагал, что за всем этим стоит Великобритания, руководство Ост-Индийской компании которой имело чрезвычайное влияние на шаха и чиновников Персии. Это в Европе в тот период России и Великобритания были союзниками. В Закавказье же и в сопредельных на этом направлении государствах у России не было более непримиримого и опасного противника.

Тем не менее, несмотря на усилия англичан антироссийский персидско-турецкий альянс не сложился. Ситуация разрешалась тогда, когда руководство Турции, узнав о намерении Трапезундского паши объявить о независимости, направило в Восточную Анатолию войска целью пресечения проявлений сепаратизма в Трапезундском пашалыке, а также в других провинциях региона.

Назначение в 1816 году наместником на Кавказе генерал-лейтенанта А.П. Ермолова действительно представляет собой этап коренного изменения военной политики России и на Северном Кавказе.

⁶⁷ Опасения эти были небезосновательны, поскольку именно так и произошло с русским послом князем А.С. Меншиковым в 1826 году. В то время как больше месяца уже шла очередная русско-персидская война (1826–1828 годы), он удерживался в подвластном Персии Эриванском ханстве. Прим. автора.

Исходя из анализа сложившейся военно-политической обстановки А.П. Ермоловым были выработаны основные принципы и направления военной политики России на Северном Кавказе, изложенные им в рапорте императору 12 февраля 1819 года: «Государь! Внешней войны опасаться не можно ... Внутренние беспокойства гораздо для нас опаснее! Горские народы примером независимости своей в самых подданных вашего императорского величества порождают дух мятежный и любовь к независимости. Теперь средствами малыми можно отвратить худые следствия; несколько позднее и умноженных будет недостаточно»⁶⁸. На основании данного видения целей и задач военной политики России в регионе еще ранее, в 1818 году, А.П. Ермоловым была предложена Александру I программа действий, предполагавшая создание на Северном Кавказе расширенной сети оборонительных сооружений. Они должны были ограничивать свободное передвижение мобильных формирований горцев, направлявшихся для осуществления набегов в равнинные районы. В значительной мере именно на это и были направлены практические действия Ермолова по управлению Кавказским наместничеством.

Для пресечения и предотвращения антироссийских выступлений горцев Северного Кавказа наместник перешел от отдельных карательных экспедиций к планомерному продвижению вглубь Чечни и Горного Дагестана. Это решение предопределялось сложной и кризисной для России военно-политической обстановкой на Кавказе, обусловленной комплексом восстаний практически повсеместно во всем регионе, непрекращающимися набегам горцев на казачьи станицы и постоянными угрозами нападения на единственную транспортную артерию (Военно-

⁶⁸ Записки А.П. Ермолова. 1798–1826. – М., 1991. – С. 328–329.

грузинскую дорогу), связывающую Кавказский корпус непосредственно с Россией. Например, чтобы попасть в Закавказье по Военно-грузинской дороге, необходимо было формировать целые воинские обозы, продвигавшиеся под прикрытием артиллерии, казачьих и регулярных подразделений. Другим важным фактором стало то, что в данный период отмечается эскалация вооруженных восстаний практически повсеместно в регионе, направленных непосредственно против русской администрации. Именно данное обстоятельство и сыграло, по-видимому, определяющую роль в решении А.П. Ермоловым строительства новой полосы укреплений на наиболее угрожаемых участках.

В соответствии со своей программой наместником был составлен последовательный и систематический план наступательных действий. Не спуская горцам ни одного грабежа, не оставляя безнаказанным ни одного набега, в то же время он, по мнению А.А. Керсновского, «положил никогда не делать второго шага, не сделав первого, – не начинать решительных действий, не оборудовав предварительно их баз, не создав раньше наступательных плацдармов. Существенную часть плана составляла постройка дорог и просек, возведение укреплений (топору и заступу А.П. Ермолов отводил место наравне с ружьем) и, наконец, широкая колонизация края казаками и образование «прослоек» между враждебными России племенами путем переселения туда «преданных нам племен»⁶⁹.

Характерна в этом плане военно-политическая прозорливость А.П. Ермолова, поскольку последующее развитие событий в регионе подтвердило опасения главнокомандующего. Так, уже весной 1818 года все внимание русской военной администрации было обращено на восстание в Чечне. Осознавая значимость

⁶⁹ Керсновский А.А. История русской армии: В 4-х т. –М.: Голос, 1993. –Т.2.

данного восстания, а также возможные его последствия, главнокомандующий лично возглавил экспедицию в Чечню и «рядом коротких ударов привел в повиновение всю местность между Тереком и Сунжей, построил крепость Грозную»⁷⁰. Обезопасив аналогичным образом левый фланг со стороны Дагестана, А.П. Ермолов пошел в Аварию на Дженгутай, где в этот период также происходило восстание, возглавляемое аварским владетелем Аслан-ханом. После подавления восстания Аварское ханство вновь было приведено в подданство России, а для предупреждения аналогичных выступлений в 1819 году здесь была построена крепость Внезапная. В следующем, 1820 году Ермоловым предпринимались экспедиции в Каракайтаг, Акушу, Казикумык и другие районы Дагестана, расширившие зону влияния русской администрации. Постройкой в 1821 году крепости Бурной был закончен на левом фланге треугольник опорных пунктов. Обеспечив, таким образом, левый фланг, главнокомандующий обратил в 1822 году внимание на центр Кавказской линии, где постройкой новых линий и укреплений были подавлены и предотвращены последующие антироссийские вооруженные выступления в регионе.

Таким образом, непосредственно военно-политические акции А.П. Ермолова заключались в разделении горских народов на лояльных и нелояльных России (мирных и немирных – по терминологии XIX века), подавлении открытых вооруженных выступлений в регионе против России и предотвращении возможных аналогичных возмущений. Важнейшим фактором, определявшим суть его политики, явилось то, что «проконсул Кавказа» не представлял себе, что какой-то владетель отказывает в покорности императору России, власть которого была,

⁷⁰ Керсновский А.А. История русской армии: В 4-х т. –М.: Голос, 1993. –Т.2.

по его мнению, более справедливой. И поэтому усилия его были направлены на ограничение суверенной власти кавказских владетелей, а там, где это было возможно, – и полное ее прекращение.

В более широком смысле свою задачу А.П. Ермолов видел в продолжении начавшегося задолго до него процесса собирания земель. Поэтому к окончанию его правления на Кавказе большинство государственных и этнотерриториальных образований Северного Кавказа находилось в полном владении Российской империи. Показательна в этой связи и стратегия Ермолова по реализации задачи установления власти России в регионе. «Кавказ, – говорил Ермолов, – это огромная крепость, защищаемая полумиллионным гарнизоном. Надо или штурмовать ее, или овладеть траншеями. Штурм будет стоить дорого, так поведем же осаду»⁷¹.

Следует отметить, что вплоть до настоящего времени деятельность генерала А.П. Ермолова по реализации политики Российского государства на Кавказе неоднозначно оценивается в отечественной историографии. Спектр мнений в этом плане довольно широк: от полного неприятия до осознания значимости его деятельности по управлению Кавказом, обеспечению военно-политической стабильности и военной безопасности как в самом регионе, так и соответственно на южных рубежах России. К примеру, в 20–30-х годах XX столетия деятельность А.П. Ермолова на Кавказе в советской историографии оценивалась преимущественно негативно. В 40-е годы, после депортации чеченцев, ингушей, балкарцев, карачаевцев и ряда других народов в отечественной историографии по Кавказу произошла своеобразная переориентация во взглядах на его политику в ре-

⁷¹ Цит. по: Керсновский А.А. История русской армии. –Т.2. – С.95.

гионе. В последующие периоды исследований, посвященных изучению непосредственно политико-административной и военной деятельности генерала А.П. Ермолова на Кавказе, не было. Личность наместника и его политика оказались несоответствующими официальному курсу государства, и поэтому о нем предпочитали говорить или же вскользь, или же только с критических позиций. Не являются исключением в этом плане и современные работы по Кавказу, где личность бывшего наместника, сама его деятельность по управлению Кавказом подвергаются не анализу, а обструкции. Особенно это характерно для работ последнего десятилетия XX столетия, в которых политика, проводимая А.П. Ермоловым, характеризуется не иначе как «волчья»⁷². По-видимому, данный подход не представляется научным и объективным.

В основе псевдокритической позиции, по мнению автора, лежит «презентизм», означающий оценку прошлого, исходя из представлений и нравственных ценностей сегодняшнего дня. Вплоть до настоящего времени очевидна лишь неоднозначная, зачастую предвзято критическая оценка деятельности А.П. Ермолова. Основанием этому послужила жесткость наместника, его целенаправленность и его крайне критическое отношение к некоторым народам региона. На практике это проявлялось в отсутствии у наместника стремления решать проблемы путем переговоров и компромиссов и использование вследствие этого преимущественно военно-силовых методов и средств в достижении целей. Определенную роль сыграл и стереотип самого А.П. Ермолова как победителя, героя Отечественной войны. Видимо, во многом именно этим объясняется тот факт, что, бу-

⁷² См.: Бушуев С.К. Борьба горцев та независимость под руководством Шамиля. —Л.: Изд-во АН СССР, 1939. — С 138; Шамилев С.М. Борьба народов Северного Кавказа за национальную независимость под руководством Шамиля. — С.8.

дучи духовно близок к либеральным кругам России, на Кавказе А.П. Ермолов не проявлял либерального отношения к горцам. Сам же он свою «жесткость» в отношении народов Кавказа оценивал в письме к М.С. Воронцову следующим образом: «Все подвиги мои состоят в том, чтобы ... воспрепятствовать какому-нибудь хану по произволу его резать носы и уши, который в образе мыслей своих не допускает существования власти, если она не сопровождается истреблением и кровопролитием»⁷³. А в ответ на критику официального Петербурга по данному поводу он в своих записках отмечает: «Железом и кровью создаются царства, как в муках рождается человечество»⁷⁴.

И еще на одном феномене политики А.П. Ермолова следует остановиться. Очевидно, современные его критики сознательно упускают тот факт, что проявляя жестокость по отношению к представителям одних народов региона, наместник, тем не менее, обеспечивал безопасность и вооруженную защиту других. Именно А.П. Ермолов был наиболее последовательным среди русских высших администраторов Кавказа борцом с, так называемой, набеговой системой, или, как он сам это называл, «хищничеством». Во многом Кавказ и в целом все южные провинции России именно А.П. Ермолову были обязаны прекращением работорговли в регионе. Главнокомандующий Кавказским корпусом стремился не только обеспечить безопасность Грузии, этой новой русской провинции, но и оградить народы самого Северного Кавказа от тяжелых разбойных нападений со стороны наиболее агрессивных национальных и межнациональных формирований, неподконтрольных ничьей власти, набеговая система для которых являлась традиционной формой жизнедеятельности.

⁷³ Архив князя Воронцова. –Т 36. – С. 183-184.

⁷⁴ Записки А.П. Ермолова. 1798–1826. – М.,1991. – С.421.

Жесткость, проявленная главнокомандующим, не позволила уже в середине 20-х годов XIX столетия разрозненным вооруженным выступлениям в регионе слиться в одно целое и тем самым уберечь народы Северного Кавказа от опустошительных войн. Это тем более важно, поскольку значительная часть антироссийских вооруженных выступлений носила ярко выраженный инспирированный характер и не отражала по своей сути интересов всего населения региона или даже какого-то определенного народа.

Неоднозначность в оценке деятельности А.П. Ермолова на Кавказе и соответственно политики России, реализуемой в процессе его наместничества, объясняется, по-видимому, также и тем, что политика России в регионе была действительно далека от европейских стандартов, тем более с точки зрения современного видения. Существенно также и то, что основные направления политики России в данный период в регионе только определялись и во многом на практике реализовывались методом «проб и ошибок». Думается, наиболее объективная оценка данной политике была дана М.А. Давыдовым, по мнению которого: «Идеальная цель А.П. Ермолова состояла в том, чтобы сделать присоединенные области российскими уездами, а их жителей, прежде всего дворянство, русскими, которое, кстати охотно принимало от русского правительства чины и звания, а также полагающееся при этом жалование. Достаточно сказать, что практически каждый хан состоял на службе генералом российской армии. Ближайшую же свою задачу А.П. Ермолов видел в уничтожении наиболее вопиющих проявлений азиатского деспотизма во владениях России и введение хотя бы подобия российского управления, которое считает он все же лучше того, что было рань-

ше»⁷⁵. Реализацию этой цели наместник считал необходимой для изменения всего Кавказа. При этом главным в процессе этого он считал искоренение набеговой системы.

К этому следует добавить тот факт, что крепости и укрепления, построенные А.П. Ермоловым в период его наместничества, во многом легли в основу появления современных населенных пунктов Северного Кавказа (среди них и такой значимый, как город Грозный, – столица Чечни, основанный А.П. Ермоловым как крепость в 1818 году).

В 1827 году сменивший А.П. Ермолова на должности наместника генерал И.Ф. Паскевич, несмотря на неприятие политики предшественника, тем не менее, продолжал политику военно-силового утверждения России в регионе. Но при этом граф И.Ф. Паскевич не обладал чертами талантливого военачальника и администратора Кавказа, которые были присущи А.П. Ермолову. Прежде всего, это доскональное знание региона, стратегическая дальновидность, решительность в трудные периоды и готовность взять ответственность на себя. Не сумел новый главнокомандующий определиться и с приоритетами политики России в регионе, и поэтому, например, вместо того чтобы предотвратить концентрацию сил мюридов в процессе зарождения этого движения в Горном Дагестане, он основные силы Кавказского корпуса направил в Абхазию. В целом, фельдмаршал (с 1829 года) И.Ф. Паскевич был более занят южным и черноморским флангом, и поэтому им было упущено развитие негативных процессов в центре и на востоке Северо-Кавказского региона, где в этот период зарождалось мощное радикальное антироссийское движение мюридизма и происходила трансформация отдельных вооруженных выступлений в регионе в одну из

⁷⁵ См.: Давыдов М.А. Оппозиция его величества: Дворянство и реформы в начале XIX века. – М., 1994. – С. 78-79.

наиболее крупномасштабных и продолжительных войн России – Кавказскую. И хотя взятие Карачая в 1828 году и начало строительства Военно-сухумской дороги были значимыми для России, тем не менее, уход основных сил Кавказского корпуса с Центрального и Восточного Кавказа был неоправданным. На практике это дало возможность восставшим горцам не только захватить верные России Аварское ханство и Тарковский шамхалат, но и распространить свое влияние на значительную часть Горного Дагестана и Чечни. В конечном итоге уже к 1832 года большинство территорий Северо-Восточного Кавказа были не подконтрольны власти русской администрации.

Весьма своеобразно понимал фельдмаршал И.Ф. Паскевич и планы развития Кавказа, в котором он видел лишь военно-оборонительный рубеж Российской империи. Поэтому военно-политический аспект для него являлся главенствующим в политике России в регионе. В частности, например, именно ему принадлежит разработка проекта заселения свободной «за Алазанью земли русскими переселенцами с тем, чтобы образовать из них новое линейное казачье войско, которое укрепило бы за нами наши приобретения»⁷⁶. Суть проекта заключалась в создании санитарного кордона (буферной зоны), разделяющего собственно российские провинции, в том числе и Грузию, от территорий, контролировавшихся горцами. Таким образом, по планам И.Ф. Паскевича горцы Северо-Восточного Кавказа искусственно вычленились из единого территориального и этнополитического российского пространства. Это неминуемо противопоставляло их России и соответственно в последующем грозило вооруженными столкновениями с населением региона. В то же время данный военно-политический «буфер» не решал в полной

⁷⁶ Потто В.А. Кавказская война. – Т. 5. – С. 28.

мере военно-политические, экономические, социальные или какие-либо иные проблемы как региона, так и самой России.

Все эти нерешенные проблемы были оставлены его преемнику генералу Г.В. Розену, с 1832 года назначенному наместником на Кавказе и одновременно главнокомандующим Кавказским корпусом. Среди них была важнейшая и наиболее острая необходимость подавления вооруженного выступления движения мюридизма, принявшего по своим масштабам общекавказский характер. Следует определить, что само движение к тому времени обрело не только значительные территориальные и материальные ресурсы. Ошибки русской администрации, выражавшиеся в злоупотреблениях местных чиновников в ряде регионов, привлекло на сторону мюридов значительное число сторонников. К 1832 году практически повсеместно в Дагестане и Чечне, а также в ряде регионов центрального Кавказа была установлена власть мюридов, и только тогда русской военной администрацией была осознана вся значимость и негативные последствия для России данного движения. Первое крупное вооруженное столкновение русских войск с горцами Гази-Мухаммеда произошло в 17 октября 1832 года в селении Гимры, в результате осады и взятия которого горцам было нанесено ощутимое военное поражение. Но окончательной победы над движением достигнуто не было. В последующем буквально для всех главнокомандующих Кавказским корпусом проблема «замирения горцев» была первостепенной важности. Именно на этом строилась вся военная политика России вплоть до 60-х годов XIX столетия.

В целом же, характеризуя политику утверждения России в регионе, можно отметить непоследовательность и половинчатость важнейших административных и политических акций русской администрации, ориентированной лишь на достиже-

ние военной победы над горцами. В полной мере в селениях региона вследствие этого проводилась оккупационная политика, отношение с населением строилось не как с российскими подданными Российской империи, а как с побежденными. Сама же военно-политическая обстановка в регионе приняла характер эпизодических набегов и их отражением, чередуясь с состоянием «ни мира, ни войны».

Таким образом, политика русской военной администрации при общей ее стратегической направленности на утверждение позиций на Кавказе была насыщена издержками управления на уровне местной администрации, характеризовалась военно-силовыми методами утверждения позиций России в регионе, а также непоследовательностью и своей фрагментарностью.

Особое место в реализации целей и задач политики России на Кавказе занимает деятельность в качестве наместника на Кавказе генерала Н.Н. Муравьева, явившаяся исключением из устоявшейся практики колонизации и покорения Кавказа. Н.Н. Муравьев изначально не был согласен с политикой колонизации региона, проводившейся как центральной властью, так и местной администрацией. Показательно в этом плане то, что он, будучи духовно близок к А.П. Ермолову, в то же время стал одним из первых и наиболее авторитетных и непримиримых критиков его системы колонизации Кавказа. Не принимая военно-силовой подход к решению проблем народов региона, генерал Н.Н. Муравьев считал целесообразным использование экономических, а не военных мер. В основе его политики по отношению к горцам Кавказа лежало стремление привлечь их к торгово-экономической деятельности. Следует отметить, что к этому времени импульс мюридизма уже угасал, сам имамат переживал кризис, и поэтому Шамиль, являясь его духовным, военным и политическим лидером, был, безусловно, сам заинте-

ресован в благоприятной развязке войны с Россией. Это в значительной степени облегчало задачу наместника. Особую роль в процессе урегулирования военно-политической обстановки в регионе сыграли неофициальные отношения главнокомандующего с Джемал-Эддином (старшим сыном Шамиля, являвшимся одно время поручиком Владимирского гусарского полка, которым командовал Н.Н. Муравьев).

Политика стабилизации нового главнокомандующего оправдывалась также и тем, что Кавказ, будучи одним из важнейших стратегических направлений, в ходе Крымской войны не был в полной мере использован союзниками по антироссийской коалиции. Итогом дипломатических усилий Н.Н. Муравьева явилось то, что Кавказскому корпусу, задействованному в военных действиях против Турции в Мингрелии и на Карском направлении, не пришлось воевать также и против горцев. Но, пожалуй, самым важным итогом политики Н.Н. Муравьева явилось то, что был сбит импульс вооруженной активности самих горцев, уставших от затянувшейся войны с Россией и начавших отходить от радикального движения. Ко второй половине 50-х годов XIX столетия Кавказ перестал представлять собой наиболее кризисный и взрывоопасный регион. Были созданы предпосылки для мирного разрешения «кавказского кризиса» России.

И, тем не менее, планам Н. Муравьева в отношении привлечения горцев к мирному сосуществованию с Россией и развитию торговых и политических отношений с ними не суждено было сбыться. Смерть Николая I означала очередной крупный поворот в политике России, в том числе и на Кавказе. Генерал-адъютант Н.Н. Муравьев был отстранен от командования Кавказским корпусом и наместничества на Кавказе. Замена его на этих должностях князем А.И. Барятинским знаменовала собой

возврат к политике жесткого военно-силового подавления сопротивления горцев. Во многом этому способствовал и личный фактор в политике. В ходе своего назначения главнокомандующим Кавказским корпусом Н.Н. Муравьев потребовал отозвать с Кавказа начальника штаба корпуса генерала А.И. Барятинского, являвшегося одним из приближенных наследника российского престола Александра. Поэтому неслучайно, что с восшествием на престол последнего именно А.И. Барятинский был назначен преемником Н.Н. Муравьева в качестве наместника на Кавказе. Соответственно и военная политика, проводившаяся в последующем А.И. Барятинским, явилась прямо противоположной принципам Н.Н. Муравьева. Важным в этом плане была и установка на достижение именно военной победы. Для высшего руководства России, потерпевшей поражение в Крымской войне, эта победа была необходима в качестве значимого морального фактора, и таким образом военная мощь государства была брошена на подавление уже угасавшего северокавказского движения сопротивления.

По итогам войны требовалось наметить действия по использованию региона в интересах Российской империи. В этой связи в конце августа 1860 года князь А.И. Барятинский провел во Владикавказе совещание, в ходе которого вырабатывались меры по реализации кавказской политики России. Основные ее направления предусматривали:

- 1) покорение Западного Кавказа;
- 2) христианская колонизация;
- 3) реорганизация казачьих войск;
- 4) разделение Кавказской линии.

Данные проблемы решались в основном в узком кругу: князем А.И. Барятинским, командующим войсками правого фланга Кавказской линии генерал-лейтенантом Г.И. Филипсо-

ном, командующим войсками левого фланга Кавказской линии графом Н.И. Евдокимовым, в присутствии Военного министра Д.А. Милютина. Точки зрения участников совещания значительно разошлись. Генерал Г.И. Филипсон, например, предлагал план постепенного подчинения племен Западного Кавказа и хозяйственного вовлечения их в орбиту Российской империи, строительство небольшого числа опорных пунктов, которые будут контролировать горцев. Генерал Н.И. Евдокимов предложил план более радикальный, который в частности предусматривал, вытеснение наиболее непримиримых к русской колонизации кавказских народов (абадзехов, шапсугов, убыхов) с верховьев Лабы и Белой к Черному морю, поставив их тем самым перед выбором – переселение в Ставропольскую губернию или лучше в Турцию. Свои соображения он аргументировал открытостью Западного Кавказа со стороны Турции. В отсутствии заболевшего и невозвратившегося на Кавказ князя А.И. Барятинского ему представилась возможность осуществить свой план.

Важнейшим направлением политики России на Северном Кавказе в данный период стала его колонизация. Реализована она было достаточно жестко по отношению к местному населению – насильственным принуждением к переселению. Характерно в этом плане то, что в значительной степени переселению были подвергнуты народы Северо-Западного Кавказа (абадзехи, убыхи, черкесы и некоторые др.), в меньшей степени переселение коснулась чеченцев и народов Дагестана. Объясняется это тем, что само переселение преследовало цели геостратегического и военно-политического характера – обезопасить данный регион от возможного нападения со стороны Турции и самих горских народов. Для русского правительства важен был сам регион Черноморского побережья, который приобрел стратегическое значение.

Показательно в этом плане и то, что переселяемым народам был предоставлен выбор – переселение или в Турцию, или на равнинные земли Ставрополя. Лояльные по отношению к российской администрации горцы оставались жить на территориях, указанных им в пределах Российской империи.

В русле реализации политики Россией преследовались следующие цели: с одной стороны, военно-стратегическая – исключить в последующем военно-политическую экспансию Турции в регион и не допустить развитие ее связей с горскими народами, с другой – торгово-экономическая – закрепиться и освоить Черноморское побережье Кавказа.

Еще одним немаловажным следствием явилось и то, что результате депортации нелояльного населения в Турцию, а также расселение его на равнинных землях самого Северного Кавказа был поставлен заслон распространению на территорию России исламского фундаментализма образца XIX в. в его наиболее радикальной и воинствующей форме, в такой, как: панисламизм, зародившийся в Иране, османизм и пантюркизм – в Турции.

Исследование политики России на Северном Кавказе было бы не полным без рассмотрения места и роли, специфики и состава ее военной организации в реализации данной политики в регионе.

Комплексность и значимость задач требовали от Российского государства сосредоточения больших усилий и прежде всего в военной области, в использовании на Северном Кавказе мощной военной группировки. Поэтому уже в 1816 году расположенные на Кавказе войска были сведены в отдельный Кавказский корпус, главнокомандующим которого был назначен генерал А.П. Ермолов. На всем протяжении столетия численность Кавказского корпуса неуклонно увеличивалась. Если, например, в начале XIX века он насчитывал около 17 тыс. че-

ловек, в 1819 году – 50 тыс. солдат и офицеров (помимо 40-тысячного Черноморского казачьего войска), то к 1859 году численность Отдельного Кавказского корпуса, ранее преобразованного в Кавказскую армию, была доведена до 270 тыс. солдат и офицеров⁷⁷. Практически аналогичные цифры приводит известный советский кавказовед С.К. Бушуев, по данным которого к середине 40-х годов у главнокомандующего Кавказским корпусом М.С. Воронцова было уже более 250 тыс. человек⁷⁸. Другой отечественный исследователь Кавказа А.В. Фадеев считал, что кавказская армия к концу 50-х годов имела более 200 тыс. штыков и сабель⁷⁹. Приводя эти цифры исследователи кавказской политики не учитывают, по крайней мере, тот факт, что данное количество войск было расквартировано практически по всему Кавказу, прикрывало русско-турецкую и русско-персидскую границы в Закавказье, кавказские оборонительные линии и кордоны на Северном Кавказе и т.д. Значительная часть войск постоянно находилась в походах. Непосредственно же в боевых действиях, в частности, против горцев Дагестана и Чечни, как правило, участвовало не более 10 тыс. человек⁸⁰. Сам же А.П. Ермолов в письме к графу М.С. Воронцову по этому поводу вспоминал: «У меня во все время только один раз, при занятии Акушинской области, могло собраться семь тысяч человек, присланных на укомплектование корпуса; после того и до конца самое большое число войск не превосходило шести батальонов пехоты и до четырехсот казаков, иногда и того менее»⁸¹.

⁷⁷ См.: Ибрагимбейли Х.М. Народно-освободительная борьба горцев Северного Кавказа под руководством Шамиля // Вопросы истории. – 1990. – №6. – С156; Шамилев С.М. Указ. соч. – С.36.

⁷⁸ См.: Бушуев С.К. Указ. соч. –Л.: Изд-во АН СССР, 1939. – С. 138.

⁷⁹ См.: Фадеев А.В. Экономические связи Северного Кавказа с Россией в дореволюционный период // История СССР. – 1957. – №1. – С. 140.

⁸⁰ Количество личного состава, участвовавшего в наиболее крупной войсковой операции под командованием графа С.М. Воронцова в 1845 году (сухарная экспедиция).

⁸¹ Экшут С. Алексей Ермолов // Родина. – 1994. – №3-4. – С. 35.

Специфика самого Кавказского корпуса заключалась изначально в том, что он формировался в основном офицерами и генералами, представителями «суворовской школы», к числу которых относились генералы П.Д. Цицианов, П.С. Котляревский и сам А.П. Ермолов. В период их командования корпусом, русские войска на Кавказе, как правило, меньшим количеством успешно вели боевые действия против превосходящего противника. В этих условиях очень многие русские военачальники получали практику непосредственно в ходе войн на Кавказе. Среди них, например, такие известные как, Н.Н. Муравьев-Карсский, Д.А. Милютин (в последующем военный министр России), А.И. Барятинский и др.

Кавказ, таким образом, становился для российской армии лабораторией и испытательным полигоном, где совершенствовались формы и методы вооруженной борьбы, тактика действий и управление войсками. О важности войсковой подготовки на Кавказе свидетельствует, например, тот факт, что даже наследник престола – царевич Александр Николаевич (в последующем император Александр II) проходил военную подготовку также непосредственно на Кавказском театре военных действий при штабе главнокомандующего Кавказским корпусом.

Другой отличительной чертой корпуса являлось то, что начиная с середины 20-х годов XIX столетия (с восстания декабристов) Кавказ стал местом ссылки неугодных и нелояльных по отношению к русскому самодержавию офицеров. Вследствие этого за Кавказом прочно закрепилось название «теплая Сибирь», а за самим корпусом – слава наиболее боеспособной и в то же время ненадежной для самодержавия военной группировки, которую необходимо было держать как можно дальше от столицы и использовать непосредственно по назначению. Это особенно проявилось в ходе декабрьского восстания

1825 года, когда взоры всей России были обращены на Кавказ с вопросом: двинет или нет Ермолов корпус на помощь восставшим. Сам же Ермолов удостоился личного внимания Николая I, выразившего свое отношение к главнокомандующему Кавказским корпусом словами: «Ему... менее всего верю»⁸². В то же время удаленность Кавказского корпуса от центра столицы и непрерывное участие его в войнах и вооруженных конфликтах в регионе уберегло его от казенного реформаторства Аракчеева и самого Николая I. В силу этого Кавказский корпус оставался самой боеспособной военной структурой России на протяжении всего XIX века, одерживая военные победы даже тогда, когда само государство проигрывало войну. Как это было, например, в ходе Крымской войны, когда взятие неприступной турецкой крепости Карс и разгром турецкого экспедиционного корпуса в Мингрелии во многом смягчил условия поражения России в войне. Не менее существенным вкладом явились действия уже Кавказской армии в ходе следующей русско-турецкой войны (1877–1878 годов), повторное взятие Карса и Эрзерума в ходе которого предрешился исход войны. Таким образом, сам Кавказский корпус, являясь инструментом военной политики России в регионе, во многом формировал условия ее реализации.

Особое место в проведении политики России на Кавказе занимало казачество как феномен российской истории. Закономерно, что его наибольшая концентрация имела место именно на кавказском направлении, что свидетельствовало не только об историческом предназначении казачества как передовой силы колонизации Россией ее окраинных земель, но и о целенаправленной политике государства в этом вопросе.

⁸² См.: Давыдов М.А. Указ. соч. – С. 37.

По свидетельству, например, И.С. Кравцова, «мысль о заселении Кавказа ... восходит к царствованию И. Грозного. Первоначально поселены были в двух городках стрельцы и казаки (городовые и вольные), потомки которых составили Кизляр-Гребенский полк. При Петре Великом занята была на реке Сунжа крепость Св. Креста, а в двух городках которой проживало уже 1000 семейств донских казаков. При Анне Иоанновне все казачье население было сведено на левый берег Терека, где и были поселены в новопостроенной крепости Кизляр и пяти прилегающих к нему станицах. В царствование Екатерины II заселение Кавказа казачеством приобрело громадные размеры»⁸³. Для осуществления колонизации по решению Екатерины из депортированных с Запорожской Сечи на Таманский полуостров казаков было образовано Черноморское, ставшее впоследствии Кубанским, казачье войско, численность которого доходила до 40 тыс. человек.

В первой половине XIX века в кавказской политике вновь проблема казачества актуализировалась. Принявший после генерала А.П. Ермолова Кавказское наместничество граф И.Ф. Паскевич попытался данную проблему разрешить посредством создания буферной зоны, что было своего рода возвращением к политике предшествовавшего наместника или ее интерпретацией. Разница заключалась лишь в средствах и перспективах реализации, но в целом ее механизм соответствовал предшествовавшей вооруженной колонизации. Недостаток земли, события, связанные с Кавказской войной, последовавшие затем внутриполитические кризисы в самой Российской империи и, наконец, военно-политическая экспансия и освоение Россией Средней Азии не представляли возможным реализовать его проект в

⁸³ Кравцов И.С. Кавказ и его военачальники: Н.Н. Муравьев, кн. А.И. Барятинский и гр. Н.И. Евдокимов 1854 – 1864 гг. – СПб., 1886. – С.15.

данный период. Но уже в 1832 году по указу Николая I было образовано Кавказское линейное казачье войско, предназначавшееся для охраны кавказских укрепленных линий. В его состав вошли 5 старинных казачьих полков (Кизлярский, Терско-семейный, Гребенский, Моздокский и Горский), дислоцировавшихся на Северном Кавказе от устья реки Терек до г. Моздок, кроме того, 5 казачьих полков Азовско-Моздокской линии (Волгский, Кавказский, Кубанский, Ставропольский, Хоперский). В Кавказское линейное казачье войско в последующем также входили Сунженский (сформированный в 1817 году), 1-й и 2-й Владикавказские (образованы в 1831 году), Лабинский (образован в 1840 году из Кизлярского и Терского полков), Урупский (1850 год) казачьи полки.

Кавказское линейное казачье войско вместе с Кубанским казачьим войском разместилось в укреплениях и крепостях до устья Кубани и действовало в составе Отдельного Кавказского корпуса против выступлений горцев Чечни, Дагестана и Северо-Западного Кавказа. В 1845 году было разработано положение о Кавказском линейном казачьем войске, согласно которому оно должно было выставлять для несения кордонной (пограничной) службы и для участия в боевых действиях 17 конных полков. В 1846 году была введена бригадная система, и к 1860 году Кавказское линейное казачье войско состояло из 9 бригад, 4 отдельных полков и 2 пеших батальонов. В 1860 году из одной части Кавказского линейного казачьего войска было образовано Терское казачье войско, а другая часть вместе с Черноморским казачьим войском вошла в состав вновь образованного Кубанского казачьего войска⁸⁴.

⁸⁴ См.: Заседателева Л.Б. Терские казаки середины XVI – начала XX в. – М., 1974; Голобуцкий В.А. Черноморское казачество. – Киев, 1956; Хорошкин М.П. Казачьи войска: опыт военно-статистического описания. – СПб., 1881.

В течение всего XIX столетия казачество на Кавказе являлось важнейшим инструментом и фактором военной российской политики, особенно в части, касающейся колонизации вновь приобретенных провинций. Функции кавказского казачества значительно отличались от роли и значения Донского и других казачьих образований. Соответственно отличалась и специфика их деятельности, вооруженной борьбы. Они должны были оградить Кавказ и в целом южные провинции России от опасности, исходившей со стороны Турции и самих кавказских государственных и этноконфессиональных структур, проводивших враждебную по отношению к России политику. С другой стороны, важнейшей задачей казачества являлось обеспечение военно-политической экспансии самой России в регион. Наиболее четко эта функция была определена в рескрипте Александра II от 21 июня 1861 года на имя наказного атамана Кубанского казачьего войска генерал-адъютанта графа Н.И. Евдокимова, в котором было указано место и роль казачества в проводимой им экспансионистской политике: «Казачье сословие предназначено в государственном быту для того, чтобы оберегать границы Империи, прилегающие к враждебным и неблагоустроенным племенам и заселить отнимаемые у них земли»⁸⁵. В документе определялась также и другая важнейшая функция казачества, формировавшаяся объективно. Дело в том, что казачество, скрепленное военными, экономическими и даже родственными узами с местным населением Кавказа служило естественным буфером и одновременно его связывающим звеном с Россией.

Кавказское казачество, таким образом, существенно дополняло военную группировку России, способствуя реализации

⁸⁵ Попов В.В. Национальная политика Российского государства (1800–1880 гг.). – М.: ВУ, 1996. – С. 92.

важнейших военно-политических акций, придавая им устойчивый и долговременный характер.

В то же время специфика Северного Кавказа, театр военного действия в регионе и наличие постоянной военной угрозы южным провинциям России с данного направления предполагали реализацию долговременной оборонительной политики. Поэтому вполне закономерным феноменом кавказской военной политики явилось создание системы кордонных (пограничных) укреплений русских войск на Кавказе⁸⁶. Речь идет о так называемых кавказских укрепленных линиях. По своей сути и предназначению они соответствовали Великой Китайской стене, линии Мажино и другим аналогичным оборонительным сооружениям. К этому располагал горный ландшафт и сильно пересеченная местность региона, перекрыв ключевые пункты которой можно было держать под контролем значительные участки местности. Первым таким элементом кавказских укрепленных линий стало строительство крепости Св. Креста в устье реки Сунжа по прямому указанию Петра I. Но лишь начиная с 1735 года, когда была построена крепость Кизляр, кавказская укрепленная линия приобрела свое функциональное предназначение, связав воедино ряд крепостей и станиц центрального Кавказа. В 1763–1769 годах линия укреплений доведена до крепости Моздок (сооружена в 1763 году), а в 1777–1790 годах – через Ставрополь до крепости Азов (сооружена в 1763 году). Правый фланг кавказских укрепленных линий к 1792 году был перемещен на р. Кубань, а центр к 1798 году продвинут до Пятигорска, станицы Баталпашинской (ныне г. Черкесск). В 1784 году были сооружены укрепления и по Военно-грузинской дороге, вклю-

⁸⁶ См.: Дебу И.Л. О Кавказской линии и присоединенном к ней Черноморском войске, или Общие замечания о поселенных полках, ограждающих Кавказскую линию, и о соседних горских народах: 1816–1826. – Репринтное издание 1829 г. – СПб.: Альфарет, 2012.

чавшие крепость Владикавказ. К 1785 году все укрепления составили единую Кавказскую линию.

Особое значение Кавказские укрепленные линии приобрели в период управления Кавказом генералом А.П. Ермоловым. Функции их были значительно расширены, им придавалось уже не только оборонительное значение. Линии непосредственно использовались в качестве опорной базы для проведения осадных военно-политических акций по отношению к непокорному русской администрации местному населению. «Кавказ, – по словам Ермолова, – представляет собой крепость». В ходе его управления регионом Кавказ действительно стал представлять собой крепость, но уже не горцев против России, а самой России в войне с горцами. Первым таким «укреплением» стала крепость с символическим названием Преградный стан. Но еще большее значение в укреплении позиций России на Северном Кавказе приобрело основание в 1818 году крепости Грозная, которая связывалась рядом укреплений с Владикавказом. В последующем Кавказские укрепленные линии сыграли исключительно важную роль в ходе Кавказской войны России с горцами Шамиля, воспрепятствовав созданию единого антироссийского фронта вооруженных выступлений на Северо-Восточном и Северо-Западном Кавказе⁸⁷. Все это было направлено на реализацию национально-государственных интересов России.

С точки зрения же экономических интересов Российского государства, присоединение Кавказа, очевидно, было не менее значимым, чем присоединение Сибири в период царствования Ивана Грозного. Поскольку с освоением данного региона перед Россией открывались перспективы закрепления ее на Черноморском и Каспийском побережьях и свободного выхода рус-

⁸⁷ В 1860 в связи с завершением борьбы с Шамилем Кавказские укрепленные линии были упразднены.

ской торговли на центрально-азиатские и средиземноморские рынки.

С присоединением Кавказа была не только ликвидирована военная угроза, на протяжении столетий исходившая от Турции и подвластного ей Крымского ханства, но и ликвидирован источник работорговли, являвшийся прямым следствием распространенной в регионе набеговой системы жизни горцев. Все это имело по-настоящему цивилизационное значение не только для России, но и для всех народов, населяющих Кавказ⁸⁸. Характерно, что особую роль России в регионе признавали даже самые непримиримые ее противники, каковыми по праву следует считать основоположников научного коммунизма. Так, в частности, по словам Ф. Энгельса, «...Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку. Несмотря на всю свою подлость и славянскую грязь, господство России играет цивилизаторскую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии, для башкир и татар»⁸⁹. В этих словах, несмотря на все неприятие политики России и откровенную ненависть к ней, тем не менее, заключена вынужденная оценка политики России на Кавказе и ее отношений с народами региона.

В целом, в области военно-стратегических интересов достигалось не только предотвращение угроз военной безопасности с данного направления, но и был завоеван выгодный стратегический плацдарм для дальнейшего продвижения России в Переднюю и Центральную Азию.

⁸⁸ По свидетельству Н.А. Смирнова, начиная с XVI в. турки и крымский хан ежегодно вывозили с Кавказского побережья более 12 тыс. рабов. См. Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI–XIX веках. – М., 1958. – С.21.

⁸⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. – Т. 27. – С. 241.

Противодействие России на Кавказе со стороны европейских держав

На рубеже XVIII–XIX веков Кавказ стал занимать важнейшее место в международной политике России, и буквально все события ее европейской и азиатской политики на протяжении всего XIX века находили свое отражение в регионе. О целенаправленности и последовательности кавказской политики России свидетельствует также и тот факт, что она практически не изменилась даже со сменой императоров на российском престоле и последовавшими за этим кардинальными изменениями внешнеполитического курса России. Напротив, с 1801 года, с восшествием на российский престол императора Александра I, политика России на Кавказе проводится практически в том же направлении, в каком и была predeterminedена его предшественниками Екатериной II и Павлом I. Более того, она приобретает еще более четкие и определенные цели и контуры.

В целом же, кавказский фактор наряду с балканским явился в первых десятилетиях XIX века одним из наиболее значимых в международной политике и был обусловлен не только усилением позиций России на Северном Кавказе и ее экспансией в Закавказье. В более широком смысле на Кавказе российским правительством реализовывался так называемый «греческий проект Екатерины», предполагавший сделать Черное море внутренним морем России, воссоздать Греческую империю и, освободив балканские народы от османского ига, способствовать созданию ряда государств под протекторатом Российской империи. Без Северного Кавказа, особенно его Черноморского побережья, это было немыслимо, поскольку ему отводилась роль важнейшего операционного сухопутного направления для

создания непосредственной угрозы Восточной Анатолии (азиатской территории Турции). Кроме того, Северный Кавказ необходим был России для прикрытия главной ее морской базы на юге России – Крыма и Новороссии.

В соперничестве на Востоке военно-стратегическое и политическое значение Кавказского региона было также исключительно важным, так как распространение экспансии Великобритании с юга и России – с севера делали неизбежным столкновение их интересов. Наполеоновские войны в Европе на некоторое время снизили напряженность во взаимоотношениях России и Великобритании по кавказскому вопросу. И хотя противоречия между ними, тем не менее, не исчезли, они распространялись в тот период только лишь на Закавказье и зону Прикаспия. Но уже к окончанию наполеоновских войн в Европе русско-британские противоречия в полной мере переходят в разряд военно-политического противостояния. Об этом свидетельствует тот факт, что уже 25 ноября 1814 года, после поражения Персии в войне с Россией (1804–1813), подписывается англо-персидский военно-политический договор, согласно которому Великобритания взяла на себя обязательства выступить посредником в пересмотре русско-иранской границы. По договору предусматривалась также и ежегодная военная помощь или субсидии в размере 150 тыс. фунтов стерлингов Персии на случай ее войны против «европейской державы или на случай попыток вторжения этой державы в Индию через Иран»⁹⁰. Очевидно, что под этой державой имелась в виду, конечно же, Россия. Таким образом, цель данного военно-политического союза заключалась в недопущении окончательного присоединения Кавказа к России и ограничении территории ее вла-

⁹⁰ См.: Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI–XIX веках. –С.176.

дений, по крайней мере, Кавказскими горами. Примечательно в этом плане, например, заявление английского посланника в Петербурге, выступившего в 1815 году с утверждением о том, что «естественная граница между Ираном и Россией должна проходить по реке Тереку»⁹¹.

Этим объясняется тот факт, что именно в этот период военно-политическое противостояние России европейских держав на Северном Кавказе еще более обострилось. Это стало очевидным в результате подписания Россией по итогам ее победоносных войн в регионе Туркманчайского с Ираном (1828 год) и Андрианопольского с Турцией (1829 год) договоров. Согласно подписанным документам, Иран окончательно отказывался от прав на Дагестан в пользу России, Турция признавала весь Северо-Западный Кавказ «вечным владением Российской империи»⁹². К России, таким образом, отошли: все западное Каспийское и восточное Черноморское побережья, в том числе и такие стратегические важные пункты, как крепости Анапа, Гагра, Сухум и другие. Наиболее важным в этом плане стало закрепление России практически на всем восточном побережье Черного моря, а также в Закубанье и на Центральном Кавказе. Это резко меняло стратегическую обстановку на Кавказе в пользу России, расширяло сферу ее влияния на всем Среднем Востоке. Поэтому правящими кругами соперничавших с Россией государств, прежде всего, Англии, а также Франции и союзной России Австрии подписание Андрианопольского договора было встречено с нескрываемой враждебностью. Особое беспокойство по этому поводу было проявлено Великобританией. В официальном протесте Англии утверждалось, например, что «присоединение восточного побережья Черного моря

⁹¹ См.: Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. –Т. VI. – С. 199.

⁹² См.: Шеремет В.И. Турция и Андрианопольский мир 1829 года. – М., 1976. – С. 150-151.

и Ахалциха к России «нарушает европейское равновесие». На что, в свою очередь Министерство иностранных дел России ответило: если присоединением указанных территорий «Россия нарушила европейское равновесие, то английское правительство своими завоеваниями в Индии с 1814 года систематически его нарушало»⁹³. Обострение русско-британских отношений объяснялось тем, что если до заключения Туркманчайского и Андрианопольского договоров Англия ограничивалась поддержкой притязаний Ирана и Турции на Кавказе, то затем она сама стала претендовать на этот район. Кавказ, находившийся за тысячи километров от Англии, был объявлен сферой ее жизненно важных интересов.

Еще большим ударом для Великобритании стало подписание русско-турецкого договора в местечке Ункиар-Искелесси (1833 год), по которому Турцией в знак благодарности России за ее участие в разрешении египетского кризиса, а, по сути, спасении самой Османской империи предоставлялось право беспрепятственного прохода через черноморские проливы. Более того согласно подписанному договору (Ункиар-Искелесскому), все военные корабли иностранных нечерноморских держав не могли без ведома представителей России пересекать проливы и входить в Черное море. О значимости данных актов для Великобритании, например, свидетельствует сам факт их обсуждения в Британском парламенте, в ходе которого рядом высокопоставленных чиновников внушалась мысль о перспективе продвижения России в Турцию, Иран и Индию. В реальности же укрепление позиций России в регионе предупредило аналогичную политику самой Британии, охарактеризованную достаточно образно словами К. Маркса, по мнению которого «необ-

⁹³ Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными, державами / Сост. Ф.Ф. Мартенс. – СПб., 1867. – Т. XI. – С. 422.

ходимость непрерывного расширения торговли – это рок, преследующий современную Англию, эта внутренняя необходимость принуждает английскую торговлю наступать на внутреннюю Азию с двух сторон: с Инда и с Черного моря»⁹⁴.

Экономические и политические интересы британской буржуазии, определявшие правительственный курс страны и осуществлявшиеся методом колониальной экспансии, были главной причиной резкой активизации политики Англии на Ближнем Востоке в 30-е гг. XIX века. Владение Кавказом, являвшим собой выгодный военно-стратегический плацдарм, давало возможность продвижения в Турцию, Иран, Среднюю Азию и в конечном итоге в Индию. В связи с этим в Лондоне решили, что настало время перейти от проводимой в первой трети XIX века с помощью Турции и Ирана политики вовлечения Кавказа в сферу английского влияния к активным действиям.

На страницах британской прессы 30-х годов XIX века весьма полно отразились устремления британской буржуазии и ее опасения по поводу единоличного русского господства на Ближнем Востоке. Следует, по-видимому, обратить внимание на деятельность известного британского дипломата и публициста Д. Уркарта – одного из наиболее активных сторонников экономического и политического проникновения Британии на Кавказ⁹⁵. В многочисленных памфлетах самого Д. Уркарта и других представителей его «школы» звучал один и тот же мотив о «незаконности» претензий России на Кавказ, который необходимо было, по его мнению, превратить в военно-стратегическую базу против России и одновременно в коммерческо-сырьевой придаток Великобритании. Хорошо понимая значение Индии для

⁹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. – Т.9. – С. 13; Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI–XIX веках. – С. 172.

⁹⁵ См.: Дегоев В.В. Россия и Кавказ первой трети XIX века. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1975. – С. 4-5; D.Urquhart. Diplomatiek and Commerce. – 1838. – № 4. – P.42.

Англии, Д. Уркарт настойчиво стремился убедить британское правительство в том, что неприкосновенность Индии зависит от того, сумеет ли Великобритания отделить Кавказ от России. «Кавказ, – внушал Д. Уркарт, – является главной преградой в русском наступлении на Индию, поэтому вероятная посягательница должна быть остановлена не на Каспии и Инде, а на кавказских берегах»⁹⁶. Его вывод звучал как рекомендация правящим кругам Великобритании: «помощь черкесам и Турции, сохранить безопасность Индии»⁹⁷.

Деятельность Д. Уркарта не ограничивалась лишь публицистикой. Например, уже в августе 1833 года (сразу же после опубликования в Англии Ункиар-Искелесского договора) им был представлен на рассмотрение британского правительства план экономического и политического обследования Балкан, Турции, Кавказа, Средней Азии. Особое место в реализации данного плана занимало вовлечение горцев в вооруженное противостояние России. С этой целью он еще до 1833 года, по свидетельству русского посла в Константинополе А.П. Бутенева, пытался «завести с горцами вредные сношения»⁹⁸. Летом 1834 года, прибыв на английском военном корабле «Туркуаз» под командованием капитана Лайонса в район Сухум-кале (Сухума), состоялась встреча Д. Уркарта с горцами. В ходе встречи он призвал горцев к усилению борьбы против России, заявив при этом, что прислан королем Англии, который желает знать все о Черкесии и главным образом то, какую помощь он может ей оказать⁹⁹. В Геленджике и Анапе Уркарт и Лайонс интересовались численностью гарнизонов, способами их снабжения, характером

⁹⁶ См.: Дегоев В.В. Указ. соч. –С. 4–5.

⁹⁷ См., там же.

⁹⁸ Акты Кавказской Археографической комиссии. – Т. 1–12. / Ред. А.П. Берже. –Тифлис, 1866–1904. –Т. VIII. –С. 894.

⁹⁹ АКАК, т. VIII. – С. 896; АВПР, ф. Турецкий стол (старый), д. 4607, л. 168–171.; ф. Канцелярия, д. 35, 1834 г., л.520-521; д.36; 1834 г., л.414-415; д.37, 1834 г., л. 217-221.

фортификационных сооружений, отношениями черкесов к русским, местными навигационными условиями и т.д. Все это свидетельствовало о подрывной и разведывательной деятельности Уркарта, нарушавшей уже не только установленные в ходе Кавказской войны таможенно-карантинные постановления, но и в целом суверенитет России. Учитывая тот факт, что они полностью получили одобрение влиятельного статс-секретаря министерства иностранных дел Великобритании лорда Г. Пальмерстона¹⁰⁰ следует говорить о хорошо спланированной антирусской акции британского правительства и в целом о политике Великобритании в регионе как конфронтационной и враждебной по отношению к России.

О напряженности и жесткости военно-политического противостояния в черноморском бассейне свидетельствует тот факт, что отношения России и Великобритании уже в середине 30-х годов XIX столетия находились на грани открытого вооруженного столкновения. Особого накала они достигли в ходе конфискации русскими властями английского судна «Виксен», совершавшего не только разведывательный, но и контрабандный рейс по побережью Черного моря и доставившего мятежным горцам Северо-Западного Кавказа оружие и порох, а, по сведениям бежавшего из плена канонира Анапского гарнизона, с судна выгружали, кроме соли, ружей и пороха, восемь пушек. Судно было задержано 22 ноября 1836 года командиром отряда судов Абхазской экспедиции контр-адмиралом С.А. Эсмонтом, который доложил, что мимо Геленджика на север последовало неизвестное судно. Захват «Виксена» вызвал протест британского правительства. В английских газетах началась антирусская кампания. Последовали и другие практические акции¹⁰¹.

¹⁰⁰ Hansard's Parliamentary Debates, 3-d series, v. XLIII. – London. – 1837-38. – P. 937.

¹⁰¹ См.: Скрицкий Н. Штурм с моря // Родина. – 1994. – №.3-4. – С.37.

Так, в одном из своих писем лорд Г. Пальмерстон признавал дело «Виксена» «крайне неприятным и опасным» и не исключал вероятности вооруженного конфликта. Аналогичное заявление он сделал и в парламенте в начале марта 1837 года. Документы также свидетельствуют о том, что британское правительство стремилось оказать нажим на Петербург путем максимального обострения ситуации. Например, уже в марте 1837 года посол Великобритании в Турции по поручению своего правительства просил султана пропустить через проливы британские военные корабли в Черное море и разрешить англичанам построить вблизи кавказских границ военно-морскую базу. Согласие Турции позволило бы Лондону резко повысить тон в диалоге с Петербургом по делу «Виксена». Турция не приняла это предложение, и обстановка значительно разрядилась¹⁰². По мнению ряда европейских дипломатов, суть затеи заключалась в том, что «Англия хотела убедиться, посмеют ли русские задержать судно, направляющееся к черкесским берегам, и если бы Россия обнаружила слабость, то в скором времени на Кавказ прибыли бы и другие корабли с оружием и боеприпасами»¹⁰³. В конечном итоге конфликт, связанный с шхуной, был окончательно урегулирован лишь после того, как английское правительство признало за Россией право на захват «Виксена» и отказалось от своих претензий¹⁰⁴.

Остроту англо-российским противоречиям придавало также и то, что британское правительство на протяжении всей первой половины XIX века не могло расстаться с планами образования независимой Черкессии под английским протекторатом. В ре-

¹⁰² См.: Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. – С. 148.

¹⁰³ См.: Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В. Указ. соч. – С. 140-141.

¹⁰⁴ См.: Татищев С. Внешняя политика Николая I. –СПб., 1887. –С.402, Бушуев С.К. Из истории внешнеполитических отношений в период присоединения Кавказа к России. –М.: Изд-во МГУ, 1955. – С. 37.

альности предполагалось не освобождение народов Северо-Западного Кавказа от господства России, а приобретение в регионе выгодного военно-стратегического плацдарма. «Черкесская» проблема также являлась одной из потенциальных причин возможного вооруженного конфликта с участием Великобритании. Таким образом, практически дважды в течение 30-х годов Россия находилась на грани войны с Великобританией из-за противоречий по кавказскому вопросу, что свидетельствовало о значимости региона для обеих держав.

Следует, очевидно, констатировать, что массированная деятельность британских официальных лиц, в конечном итоге, все же сыграла свою роль и уже после второго египетского кризиса (1839 год), в ходе которого турецкий султан обратился за помощью уже не к России, как обязывал его Ункиар-Искелесский договор, а к представителям в Стамбуле всех великих держав. Николай I был вынужден согласиться на «коллективную защиту Турции» и отказаться таким образом от преимуществ достигнутых в Ункиар-Искелесси. Подписанной в 1841 году Лондонской конвенцией права всех черноморских держав были ограничены, но направлено это было, прежде всего, против России. Ее флот оказался вновь заперт в Черном море. Турция же попала в полную зависимость от Великобритании. Позднее к ней был применен принцип вооруженного протектората Великобританией и Австрией, предполагавший, по сути, их вооруженное вмешательство на стороне Турции в случае войны с какой-либо державой (вновь имелась в виду, конечно же, Россия). Это и было реализовано в ходе Крымской (Восточной – в зарубежных источниках) войны, в которой России пришлось иметь дело не со слабой в военно-политическом отношении Османской империей, а с коалицией промышленно развитых европейских держав, к тому времени осуществивших также и перевооружение своих армий.

Крымская война явилась особым этапом противостояния европейских держав России, в том числе и на Кавказе. Британское правительство, например, не скрывало того, что одним из поводов вступления Великобритании в войну на стороне Турции было стремление очистить Кавказ от присутствия на нем России. Для ее союзника – Франции – война представлялась хорошим поводом для восстановления утраченного ею в начале века престижа военной державы. Кроме того, правительство Франции также не устраивал достаточно свободный режим прохода торговых и военных кораблей России через черноморские проливы. И даже Австрийская империя, несмотря на свои союзнические отношения с Россией, практически по тем же причинам, что и Франция, выступила на стороне антироссийской коалиции. Н.С. Киняпина, М.М. Блиев и В.В. Дегоев – авторы монографии «Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России», не без основания считают Крымскую войну «генеральной репетицией» империалистического раздела мира, которой, по их мнению, «предшествовал довольно длительный период накопления и обострения межгосударственных противоречий, среди которых доминировали русско-английские»¹⁰⁵. Авторами указанной работы показываются также и этапы нарастания данных противоречий, среди которых «Андрианопольский и Ункиар-Искелесский договоры, инцидент по поводу «Виксена», Лондонские конвенции 1840–1841 годов, безрезультатный визит царя в Англию в 1844 года, европейские революции 1848 года и, наконец, пролог Крымской войны – религиозный спор о святых местах»¹⁰⁶. Как видно, основная их часть непосредственно соотносится с проблемами кавказской политики России, что позволяет говорить о том, что борьба за влия-

¹⁰⁵ См.: Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В. Указ. соч. – С. 159.

¹⁰⁶ См., там же.

ние на Кавказе являлась одним из важнейших аспектов русско-английского соперничества на Ближнем Востоке и непосредственно способствовала развязыванию Крымской войны.

О сказанном выше свидетельствует также и то, что еще до вступления союзников в войну английский генерал А. Макинтош по заданию своего правительства «путешествовал» по Кавказу, собирая подробные данные о военных объектах и тщательно изучая политическую обстановку в регионе. Описывая цели этого вояжа, А. Макинтош предполагал, что они были связаны с тем, что Черкессии и Грузии предстоит стать районами важных военных операций. В связи с этим самим А. Макинтошем был дан правительству Великобритании ряд советов о том, как успешнее проводить боевые действия на Кавказе, чтобы отторгнуть его от России. Целесообразным он считал заключение союза с Ираном и северокавказскими горцами, необходимость захвата Военно-грузинской дороги, Сухума, Анапы и других черноморских крепостей¹⁰⁷. Обосновывая задачи войны вскоре после вступления в нее союзников, лорд Г. Пальмерстон писал: «Лучшей и самой эффективной гарантией европейского мира в будущем явилось бы отделение от России некоторых приобретенных ею окраинных территорий: Грузии, Черкессии, Крыма, Бессарабии, Польши и Финляндии ...». По мнению Г. Пальмерстона, высказанному им в июне 1854 года, удары следовало нанести по Грузии, Черкессии, Крыму. В решении непосредственно кавказского вопроса главное участие он отводил туркам и горцам под руководством английских офицеров¹⁰⁸.

Кавказ действительно был одним из перспективных операционных направлений в Крымской войне. Более того, в планах британского командования он рассматривался в качестве

¹⁰⁷ См.: Указ. соч. – С. 164.

¹⁰⁸ См.: Указ. соч. – С. 163.

основного направления действий. Британским командованием изначально разрабатывался и план операции по высадке десанта на его Черноморском побережье. Сошлемся на такой факт. В июле 1854 года группа английских и французских военных экспертов отправилась на корабле «Карадок» обследовать устье Дуная, Одессу, Крым, Анапу и все побережье Абхазии. Комиссии предстояло выбрать главный театр войны. В итоге поездки мнения в пользу Севастополя возобладали над остальными. За этот выбор Англию не раз критиковали зарубежные историки, считавшие Кавказ гораздо более подходящим объектом войны, как стратегически, так и политически. Но на решение о высадке в Крыму сильно повлияла позиция Наполеона III, которого, в отличие от англичан, не интересовал Кавказ, поскольку Франция не могла проводить в этом регионе столь же активную политику как Великобритания, а содействовать чрезмерному укреплению своей союзнице было явно не в ее интересах. Позиция руководства Франции, таким образом, в кавказском вопросе сводилась к следующему: если ей не суждено обладать в регионе колониями, то ими не должны также обладать ни Великобритания, ни Россия. Автор считает, что именно поэтому британский план высадки десанта на Черноморском побережье Кавказа реализован не был.

Союзники по антироссийской коалиции в Крымской войне возлагали большие надежды на использование народов региона против русской армии, с тем чтобы нанести России максимально возможный ущерб и не позволить ей вывести из региона наиболее боеспособные воинские части Кавказского корпуса. С этой целью была развернута широкая подрывная работа среди горцев региона, стимулирующая их вооруженные выступления против России. Эта их деятельность строилась одновременно по нескольким направлениям. Прежде всего, ак-

тивизировались связи антироссийской коалиции с горцами Северо-Западного Кавказа. Так, уже в июле 1854 года в Варне в штаб-квартире маршала А. Сент-Арно состоялся военный совет союзников, где присутствовали 50 черкесских князей во главе с Мухаммедом-Эмином (наиб Шамиля на Северо-Западном Кавказе). На совете представителями восставших горцев было выражено согласие воевать с Россией, для чего они просили только оружие и порох. Но в то же время разочарованием для союзников явилось то, что горцы Северо-Западного Кавказа решительно отказались спускаться с гор, чтобы сражаться с русскими на равнине, и, более того, выразили несогласие соединиться с турками, господство которых в регионе населением Кавказа также не воспринималось¹⁰⁹.

Наибольшие надежды союзники возлагали непосредственно на имамат Шамиля, как на основную военно-политическую силу, способную противостоять России на Северном Кавказе. О значимости данного военно-политического союза с горцами Дагестана и Чечни свидетельствует тот факт, что самому Шамилю после осады Тбилиси был присвоен титул генералиссимуса грузинских и черкесских войск и было также обещано по окончании Восточной (Крымской) войны присвоить титул короля закавказского¹¹⁰. Между Шамилем и командовавшим турецким гарнизоном в Карсе английским генералом У. Уильямсом была установлена переписка, в ходе которой выражалось обоюдное стремление воевать с Россией и установить в ходе этой борьбы союзнические отношения¹¹¹. Имела место также и

¹⁰⁹ См.: Матвеев О.В. Кавказская война на Северо-Западном Кавказе и ее этнополитические и социокультурные последствия. Автореф. дис. ... канд.ист.наук. – Краснодар, 1996.

¹¹⁰ Из письма Джемал-Эддина барону Николаи. См.: Муравьев Н.Н. Война за Кавказом. – Т.І. – С. 372.

¹¹¹ См.: Муравьев Н.Н. Война за Кавказом. – Т.І. – С.372; Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов. (Сборник документов) /Под ред. Ш.В. Цагарешвили. –Тбилиси, 1953.

переписка Шамиля с командующим турецким корпусом генералом Омер-пашой¹¹², свидетельствующая о том, что Шамиль готов будет к более активным действиям против Кавказского корпуса, как только кольцо русских войск вокруг его резиденции будет ослаблено.

Большим ударом для союзников стало взятие под командованием главнокомандующего Кавказским корпусом генералом Н.Н. Муравьевым крепости Карс (16 ноября 1855 года). Взятие крепости явилось крупнейшей победой русских войск. Это последняя значительная операция Крымской войны значительно повысила шансы России на заключение более благоприятного для нее мира. За взятие крепости Н.Н. Муравьеву был присвоен титул графа Карского. С тех пор он известен в истории как Н.Н. Муравьев-Карский.

Разбит был в Мингрелии и корпус Омер-паши, что фактически определяло полное поражение Турции на Кавказском театре военных действий. Это во многом предопределило исход Крымской войны. Но еще более важным было то, что оно предрешило исход войны Кавказской. По словам самого Шамиля, «уже тогда я понял, что оказался в ловушке, поэтому лихорадочно искал малейшую лазейку, через которую мог бы выйти на свободу. Когда узнал, что Турция с Россией подписали договор о мире, нашел верного человека, который доставил бы письмо французскому послу в Константинополе: «Мы находимся на исходе наших сил. У нас нет ни оружия, ни всего необходимого для продолжения войны против неприятеля, столь превосходящего нас численностью и снабжением и ведущего войну такими варварскими способами»¹¹³. Таким об-

¹¹² Омер-паша – турецкий генерал австрийского происхождения (до принятия ислама – Михаил Латош).

¹¹³ Ризванов Р. Дело имама Шамиля. – С. 220.

разом, с окончанием Крымской войны были обречены и сам имамат, и в целом движение горцев против России.

Следует заметить, что разочарование в развязке событий на Кавказском фронте постигло не только Шамиля, но и, например, классиков марксизма, которые с большой заинтересованностью следили за ходом Крымской войны. Ф. Энгельс не скрывал своего неудовлетворения по этому поводу в статье «Европейская война», опубликованной в газете «New York Daily Tribune» 4 февраля 1856 года. «Падение Карса является, действительно, самым позорным событием для союзников, — писал он, — располагая огромными военными силами на море, имея с июня 1855 года армию, численно превосходящую действующую армию русских, они ни разу не совершили нападения на наиболее слабые пункты России — на ее закавказские владения. Больше того, они позволили русским организовать в этом районе самостоятельную операционную базу, нечто вроде наместничества, способного держаться некоторое время при нападении превосходящих сил, даже если коммуникации с самой Россией окажутся прерванными»¹¹⁴.

Немаловажную роль в противостоянии России на Кавказе играло формирование так называемых добровольческих корпусов. Следует отметить, что предшествующая политика России по подавлению революционного движения в Европе, а также разгром польского восстания в 1830–1831 годах во многом благоприятствовали формированию подобных корпусов. Один из активнейших участников этих событий польский доброволец в составе войск имама полковник Т. Лапинский, в частности, в предисловии к одной из глав своей книги «Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских» отмечает:

¹¹⁴ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — М.: Госполитиздат, 1958. — Т.11.

«Пусть ценный труд откроет глаза населению Западной и Центральной Европы на опасность, которой угрожает каждая новая победа России и всякий дальнейший рост ее могущества священным благам свободы и гуманности»¹¹⁵. Для того чтобы сдержать «рост могущества России», предпринимались и конкретные меры. Так, уже в 1855 года формировалась польская дивизия для действия на кавказском фронте, которую должен был возглавить генерал В. Замойский. Но, по свидетельству самого Т. Лапинского, «едва лишь были заложены основы организации и собрана тысяча человек как заключение мира ... развеяла надежды поляков»¹¹⁶. Однако в последующем продолжалась работа по набору и подготовке добровольцев для войны с Россией на Кавказе. Сам Т. Лапинский вел переговоры с представителем султана о формировании уже польского корпуса для действия на Западном Кавказе совместно с черкесскими повстанцами. На Кавказ стекались сотни и тысячи добровольцев. В рядах имама против русских войск сражались не только польские добровольцы, но и австрийцы, венгры представители других народов Европы и даже русские дезертиры, иными словами, на Кавказе с Российской империей воевали все те, кто не доволен был ее внешней или внутренней политикой.

Противодействие закреплению России в регионе приобрело комплексный широкомасштабный характер и объединило на антироссийской основе всех ее противников – от европейских и региональных держав до представителей зарождавшегося в тот период революционного движения в Европе и жителей, аннексированных Россией в разное время территорий. Кавказ был именно тем местом, где объединились их стремления нанести

¹¹⁵ См.: Лапинский Т. Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. – Нальчик, 1995. – С.263.

¹¹⁶ См.: Лапинский Т. Указ. соч. – С.267.

военное поражение России. Лишь несогласованность действий союзников, а в еще большей степени полководческий талант генерала Н.Н. Муравьева и его выдающиеся административные качества сумевшего, с одной стороны, использовать эффективно боевой потенциал Кавказского корпуса и мобилизовать на борьбу с турками население оккупированных регионов, а с другой – не дать возможности горцам действовать более активно и согласованно с союзниками, не позволили реализовать антироссийской коалиции планы нанесения поражения России на Кавказе. Турция, потерпев поражение в Восточной Анатолии, вышла из войны. Одновременно с этим и Франция поддержала готовность России к мирным переговорам. Восточная (Крымская) кампания, таким образом, завершилась, хотя и поражением Российской империи, тем не менее, задачи на кавказском направлении, в частности, отбросить Россию за пределы Терека, достигнуты не были.

С окончанием Крымской войны Северный Кавказ перестает быть на некоторое время фактором международной политики. В Европе с тревогой и неудовольствием восприняли новость о прекращении войны на Восточном Кавказе. Граф Р. Аппоньи, австрийский посол в Лондоне, например, отозвался на нее, сделав следующее краткое резюме: «Отныне широкая дорога в Азию для русских открыта»¹¹⁷. Примерно также прокомментировала прекращение войны горцев Дагестана и Чечни против России и вся британская пресса.

С начала 60-х годов XIX века кавказская проблема вновь становится узловой и для британского правительства. Особенностью этой новой кавказской политики Британии явилась ставка на эмиграцию. Следует отметить, что это была вынуж-

¹¹⁷ См.: Кипяпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В. Указ. соч. – С. 201.

денная мера, поскольку реальной военно-политической оппозиции, противостоящей России в самом регионе, уже не существовало, а потенциальные противники из числа кавказского населения были депортированы с Черноморского побережья в основном за пределы России. В силу этого использование кавказской эмиграции британским правительством не могло сколько-нибудь существенно осложнить военно-политическую обстановку в регионе. Но зато это имело значительный международный резонанс и позволяло Великобритании шантажировать Россию. Для этого британское правительство использовало любую возможность. Так, члены черкесского меджлиса, прибывшие в Константинополь в составе горской делегации просить султана о материальной поддержке их борьбы, были срочно переправлены в Лондон, где они сразу же попали под опеку Д. Уркарта. Появление в Англии горских представителей вызвало сенсацию. Газеты охотно помещали пространные материалы о них. Был даже учрежден Черкесский комитет¹¹⁸. В атмосфере, насыщенной русофобскими идеями, рождается план повторить рейс «Виксена», в ходе которого Д. Уркарт и ряд других официальных лиц Великобритании намеревались отправить черкесских депутатов из Константинополя домой на британском корабле, надеясь тем самым либо доказать право свободного плаванья иностранных судов в Черном море, либо вновь поставить русско-английские отношения на грань вооруженного столкновения. В 1861 году при посредничестве британских официальных лиц горцы непосредственно обратились к королеве Виктории и Наполеону III с петициями о помощи в борьбе против России. С этого же времени в Константинополе началась подготовка новой военной экспедиции на Кавказ.

¹¹⁸ См.: Кипяпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В. Указ. соч. – С. 203.

А уже в феврале 1863 года одновременно в Константинополе и Лондоне развернулись кампании по сбору денег для этой экспедиции. Предполагалось отправить на британском корабле на Кавказ не только черкесских депутатов, но и груз оружия, с тем, чтобы вызвать Россию на конфликт. Не исключался еще один, самый «надежный» способ спровоцировать столкновение: послать к горцам военный пароход под черкесским флагом в знак демонстрации черкесской независимости. В Ньюкасле для провокационного вояжа была куплена шхуна «Чезапик». От реализации данного плана удержали лишь разногласия между самими организаторами экспедиции. В июле 1863 года на совещании в Константинополе удалось выработать решение: послать на Кавказ, кроме черкесских делегатов и оружия, также наблюдателей для формирования у горцев правительства и преодоления среди них внутренних усобиц. Все это имело в значительной степени демонстрационный характер и не могло серьезно осложнить положение России на Кавказе, практически завершившей подавление вооруженных выступлений горцев.

Активные провокационные действия британских и французских официальных лиц с опорой на кавказскую эмиграцию не могли не вызывать озабоченности у правительства России, только что пережившей войну и не оправившейся еще от поражения в Крымской войне. Более того, возможный новый вооруженный конфликт союзников воспринимался в Петербурге не как отвлеченная, а вполне реальная военная опасность. Очевидно, именно под углом зрения данной проблемы и следует рассматривать развитие событий на Черноморском побережье Кавказа на рубеже 50–60-х годов XIX века, в том числе и такую драматическую, как депортация горцев Северо-Западного Кавказа. Россия, потеряв право по условиям Парижского договора держать в Черном море свой военный флот, не

могла допустить создание на Черноморском побережье форпоста своих противников.

Кавказский вопрос оставался одним из основных в отношениях ведущих европейских государств и России вплоть до 70-х годов XIX века, т.е. до тех пор, пока первостепенной проблемой для ряда ведущих европейских государств не стала проблема обеспечения своей собственной военной безопасности. С появлением Германской империи Кавказ перестал интересовать большинство европейских государств, и прежде всего Австрию и Францию, против которых и была направлена прусская экспансия. А поскольку вновь понадобилась политическое влияние и военная помощь России кавказская проблема для Европы к концу XIX века перестала совсем существовать.

Политика России на Кавказе на рубеже XIX и XX столетий

Характеризуя интересы России на Кавказе с середины XIX века до 1917 года, следует отметить, что во внешнеполитической области они вызывались, прежде всего, поражением России в Крымской войне, итоги которой были закреплены условиями Парижского договора (1855 года). На практике это означало утрату Россией главенствующего положения в Европе.

Самыми тяжелыми условиями Парижского мира для России были статьи о нейтрализации Черного моря, о запрещении ей держать там военные корабли и строить крепости. Они лишали Российскую империю, державу черноморскую, возможности защиты своих южных границ при нападении враж-

дебных государств, корабли которых могли появиться в Черном море через Дарданеллы и Босфор (нейтрализация не распространялась на проливы)¹¹⁹. В связи с этим была разработана внешнеполитическая программа русского правительства, сформулированная А.М. Горчаковым в циркулярной депеше русским послам за границей от 21 августа 1856 года. В ней содержалось облетевшее весь мир выражение: «Россия не сердится, она сосредоточивается». Это означало, что Россия собирается с силами, сосредоточивает внимание на экономических и политических вопросах, связанных с внутренним развитием государства. В циркуляре указывалось, что Россия более не связывает себя прежними договорами и вправе действовать свободно¹²⁰.

Данная программа определяла внешнюю политику России 1856–1871 годов, направленную на борьбу за отмену ограничительных статей Парижского мира. Россия не могла мириться с положением, при котором ее черноморская граница оставалась незащищенной и открытой для нападения. Закавказью в реализации этих планов российского правительства отводилась важная роль. Прежде всего, царское правительство считало Закавказский регион своим форпостом на Черноморском побережье. Но наиболее существенным обстоятельством было то, что Кавказ являлся передовым плацдармом России в целом в Азии. Данная позиция, например, наиболее наглядно выражена словами русского военного теоретика и историка генерала Р. Фадеева: «Для России Кавказский перешеек вместе и мост, переброшенный с русского берега в сердце азиатского материка, и стена, которою заставлена Средняя Азия от враждебного влия-

¹¹⁹ См.: Киняпина Н.С. Внешняя политика России второй половины XIX века. – С. 12; Сборник договоров России с другими государствами (1356–1917). – М., 1952. – С. 23–43.

¹²⁰ Киняпина Н.С. Указ. соч. – С. 14.

ния, и передовое укрепление, защищающее оба моря: Черное и Каспийское»¹²¹.

В еще большей степени осознание значимости Кавказа произошло после войны с горцами. «Кавказская армия держит в своих руках ключ от востока. Это до того известно нашим недоброжелателям, что во время истекшей (Кавказской – *И.Б.*) войны нельзя было открыть английской брошюры, чтобы не найти в ней толков о средстве очистить Закавказье от русских»¹²². Английское правительство и в официальных документах не скрывало, что «кавказская проблема» – присутствие России на Кавказе являлась одной из основных причин Крымской войны.

В 1878 году, после окончания последней русско-турецкой войны, по условиям Берлинского конгресса к России отошло последнее ее приобретение в Закавказье – Аджария с крепостью-портом Батум.

Примечательно, что изначально предполагалось наложить на Турцию контрибуцию в размере 13 миллионов рублей¹²³. Но военно-политические соображения правительства Александра II взяли верх и взамен контрибуции Турция уступала Российской империи часть своей территории, в том числе и в Восточной Анатолии. Министр иностранных дел России Н.К. Гирс следующим образом прокомментировал данное решение: «Карс мы должны были взять как важный стратегический пункт, а Батум нам необходим для торговых целей, в остальном мы не очень заинтересованы»¹²⁴.

Действительно, воспользоваться военными преимуществами данного приобретения Россия не смогла, так как по усло-

¹²¹ См.: Фадеев Р.А. Шестьдесят лет Кавказской войны. –Тифлис, 1860. –С. 11.

¹²² См., там же

¹²³ См.: Сборник договоров России с другими государствами 1856–1917 гг. – М.: Госполитиздат, 1952.

¹²⁴ См.: Киняпина Н.С. Указ. соч. – С.14.

виям Берлинского конгресса Батум был превращен в мирный, открытый для всех судов порт, а крепостные укрепления его были уничтожены. Сам же Берлинский конгресс явился своего рода поражением России после ее победы над Турцией, поражением от европейских держав.

В 1862 году, практически одновременно с окончанием Кавказской войны, прекратило свое существование и последнее суверенное княжество в Закавказье – Мингрелия. В дальнейшем развитие региона шло уже под управлением русского наместника на Кавказе.

Политическое господство в регионе требовало закрепления России во всех других сферах жизнедеятельности, прежде всего, ее экономического доминирования в регионе. Реальная возможность этого появилась лишь во второй половине XIX века, с окончанием военных действий против горцев Дагестана и Чечни. Только тогда стало реальным освоение или же колонизация Южного Кавказа, спецификой которой была традиционно военно-политическая направленность, т.е. создание казачьих поселений. В целом экспансия, осуществляемая посредством распространения казачества, являлась традиционным инструментом военно-политической деятельности России. Возникнув стихийно в XV веке, на исходе XIX-го оно стало частью государственной политики. Один из первых проектов подобной колонизации Закавказья принадлежал наместнику на Кавказе графу И.Е. Паскевичу, предлагавшему в 1830 году «заселить свободные за Алазанью земли русскими переселенцами и образовать из них новое линейное казачье войско». Именно военно-колониальный аспект предопределил его привлекательность для правительства Николая I, хотя сам по себе проект был во многом не бесспорен даже для военных специалистов. Затянувшаяся Кавказская война отодвинула на неопределенный срок реализацию конкретных

мер по колонизации Закавказья по проекту Паскевича. В дальнейшем же реализации данных проектов в равной степени помешали как само экономическое состояние страны, так и военнополитические проблемы, обусловленные завоеванием и освоением Россией Средней Азии.

После реформы 1861 года с высвобождением значительного количества крестьян без земли появилась возможность заселения Закавказского края собственно крестьянами. Это предполагало более прочные основы колонизации, ибо заселение определялось не столько военным, сколько экономическим интересом.

Тем не менее, разработанный в данном направлении проект реализован также не был вследствие отрицательного отношения к нему М.Т. Лорис-Меликова – министра внутренних дел правительства Александра II, на которого и были возложены обязанности расселения крестьян. И поэтому так называемая миграционная волна российского крестьянства остановилась на Северном Кавказе. В Закавказье же закономерным следствием было сохранение доминирования в торгово-экономической сфере региона представителей титульных наций. В дальнейшем в колонизаторской политике центрального правительства приоритетной вновь стала тенденция создания линейных казачьих войск. Например, даже во время первой мировой войны существовал проект создания евфратского линейного казачьего войска. На практике для России данная тенденция означала наиболее дешевый и экстенсивный способ колонизации ее окраин.

Во внешнеполитическом плане с конца XIX века до кануна первой мировой войны для России вновь заметно возросло значение черноморских проливов. «Морской путь через проливы является для нас важнейшей торговой артерией», – писал вице-директор канцелярии МИД России Н.А. Базили в памятной записке «О целях наших на проливах». По его подсчетам, в

среднем за десятилетие (с 1903 года) вывоз через Босфор и Дарданеллы составил 34% всего вывоза России. Особенно большую роль играли проливы в русском хлебном экспорте. Накануне первой мировой войны от 60 до 70% всего хлебного экспорта шло через проливы¹²⁵.

В военно-политическом плане по вопросу проливов Россия занимала позицию: Босфор и Дарданеллы должны принадлежать или Турции или России. Обладание проливами какими-либо другими государствами не допускалось. И поэтому даже во время болгаро-турецкого конфликта, после занятия болгарскими войсками г. Андрианополя и вследствие этого непосредственной угрозы Стамбулу – правительством Александра III объявляется мобилизация и выражается готовность, в свою очередь, его оккупировать, с тем, чтобы это не было сделано Болгарией (к исходу XIX века окончательно ставшей союзницей Германии).

Значение Кавказа для России объяснялось, прежде всего, тем, что все сколько-нибудь значимые международные события отражались немедленно и в сопредельном ему регионе. В частности, с появлением в Европе нового центра силы – Германской империи и с началом ее экспансии на Восток на рубеже XIX–XX веков несколько сглаживаются противоречия в регионе между Великобританией и Россией. Их почти вековое соперничество в Персии сменилось своего рода партнерством. Теперь уже Россия и Великобритания, члены военно-политического блока Антанты, стремились не допустить в регион третью державу – Германскую империю. Вследствие этого в 1907 и 1915 годах были достигнуты русско-английские соглашения, юридически закрепившие разделение сфер влия-

¹²⁵ См.: Бовыкин В.И. Русско-французские противоречия на Балканах и Ближнем Востоке накануне первой мировой войны //Исторические записки /Отв.ред. А.Л. Сидоров. – М.: Изд-во АН СССР, 1957.

ния и определившие возможность контроля этих двух держав над всеми политическими и социально-экономическими процессами в Персии.

Данный период характеризуется также возобновлением попыток англичан превратить Иран в британский протекторат, как территорию, непосредственно прилегающую к британским владениям в Индии. Российское правительство преследовало в регионе иные цели, обусловленные наличием нефтяных концессий России в Иране, а также тем, что Россия стала накануне первой мировой войны основным экономическим партнером Ирана. Вследствие заключенных договоренностей с Великобританией и в 1907 году непосредственно с шахским правительством Россия получила возможность контролировать развитие военно-политической обстановки в северных провинциях Ирана, отличавшихся нестабильностью. Распространяя свою юрисдикцию на северные районы Ирана, российское правительство тем самым предпринимало меры для нераспространения революционных процессов из Ирана на соседний Азербайджан.

Безусловно, важным для России было также и то, что создавались гарантии безопасности самого Закавказья от вторжения турецких или германских войск. Поэтому, несмотря на объявленный с началом первой мировой войны правительством Ирана нейтралитет, его территория использовалась всеми участниками конфликта, в первую очередь, Россией и Великобританией. Накануне войны правительство Николая II надеялось, что Турция также сохранит свой нейтралитет.

Однако подписанный германо-турецкий договор, а также направление в Турцию «военной германской миссии Л. Сандерса с правами командующей инстанции»¹²⁶ определили Закавказье

¹²⁶ Гирс А.А. Австро-Венгрия, Балканы и Турция. Задачи войны и мира. – Пг.: Огни, 1917. – С.17.

как один из основных театров предстоящих военных действий. Правительство Турции в данном случае преследовало реваншистские цели — овладеть не только закавказским регионом, но и всем Кавказом, распространить свое влияние на мусульманские регионы Поволжья. Таким образом, противостоящий Антанте «Четвертной союз», в Закавказье, вследствие вовлечения в него Турции угрожал всему югу Российской империи.

Решение о вступлении Турции в войну против России оказалось для нее судьбоносным. Примечательно, что против этой войны выступал и сам султан Порты Махмуд V. Но поскольку власть султана в Турции после революции 1908 г. была лишь номинальной, то решение о войне с Россией принималось другими. В частности, лидерами правящей партии младотурков «Единство и прогресс» и непосредственно Энвер-пашой, убежденным сторонником германской ориентации. Тем не менее, номинальный глава государства оказался прав. На кавказском театре военных действий ударами Кавказской армии уже к началу 1915 года Турция была практически выведена из войны. А поскольку необходимость участия России в военных действиях была очень высокой, западные правительства во время первой мировой войны шли ей на все уступки. Таким образом, успехи России на кавказском театре военных действий позволили более чем через 100 лет вновь в российской политике поставить вопрос о реализации «греческого проекта» Екатерины II. В сентябре 1914 года в беседе с английским и французским послами министр иностранных дел России С.Д. Сазонов заявил, что при заключении мира русские должны обеспечить себе раз и навсегда свободный проход через проливы. Официальные требования России, связанные с османским «наследством», были изложены в меморандуме от 4 марта 1915 года. Согласно этому Документу, в состав Российской империи должны были войти

«Константинополь, европейские владения Турции до линии Энос – Мидия, часть азиатского побережья в пределах между Босфором, р. Сакаръей и подлежащим определению пунктом на берегу Исминдского залива, острова Мраморного моря и острова Имброс и Тенедос»¹²⁷.

Таким образом, стратегические интересы России в регионе обладание ею черноморскими проливами находились в стадии практического их разрешения. И только лишь Октябрьская революция 1917 года и выход из войны Советской России кардинально изменили и военно-политическую обстановку в регионе и позиции сторон по вопросу о проливах.

Кавказская политика Советского государства

Великая Октябрьская социалистическая революция, а также последовавшие за ней коренные изменения государственного строя России определили начало очередного этапа реализации ее интересов на кавказском направлении.

Для Советской России в условиях гражданской войны и интервенции вопрос стоял уже не о черноморских проливах, а об удержании собственно территории Закавказья, которое в 1918 году стала объектом притязаний всех воюющих сторон – от Турции и Германии до Великобритании и Соединенных Штатов. Правительство Советской России, подписывая Брест-Литовский договор, используя противоречия между странами Антанты и пойдя на максимальные уступки коалиции «Чет-

¹²⁷ См.: Восточный вопрос во внешней политике России конец XVIII – начало XX века / В.А. Георгиев, Н.С. Киняпина, М.Т. Панченкова, Е.И. Шеремет. – М.: Наука, 1978. – С. 48.

вертного Союза» в целом, сумело выработать оптимальный вариант послевоенного устройства на южном, кавказском направлении. При этом Советское правительство пожертвовало лишь завоеванными в ходе войны 1877–1878 годов территориями, в прошлом Карского и Эрзерумского пашалыков Турции, сохранив за Россией собственно Закавказье. Уступки объяснялись расчетом на то, что революционные процессы в Восточной Анатолии Турции приведут к власти в этом регионе просоветское правительство. И поэтому в последующем данные территории, так или иначе, должны были либо вновь быть присоединены к России, либо оставаться нейтральными.

Между тем Турция, избежавшая вследствие выхода Советской России из войны своего полного краха и раздела ее территории между европейскими державами¹²⁸, вновь активизировала боевые действия на кавказском направлении. Во многом этому способствовало то, что Кавказский фронт стал практически «открытым». Деморализованная революционными процессами Кавказская армия возвращалась в Россию. Ее личный состав нередко интернировался местными властями, а вооружение изымалось. Позиции самой армии на фронте в Восточной Анатолии занимались небоеспособными разрозненными армянскими и грузинскими формированиями (каждое только на своем направлении). Азербайджанские же формирования отказались вообще воевать против Турции.

Прямым следствием революционных процессов в центре России явилось возникновение в Закавказье самопровозглашенной в апреле 1918 года Закавказской Федеративной Республики. Образованный еще в апреле 1917 года Временным правительством Закавказский комиссариат (ОЗАКОМ) практически с самого

¹²⁸ См.: Сборник договоров России с другими государствами 1856–1917 гг. – М.: Госполитиздат, 1952. – С. 79.

начала своей деятельности взял курс на достижение сначала автономии, а затем и полной независимости Закавказья от России. После Октябрьской революции этот курс приобрел форму политического дистанцирования от Советской России.

Отметим, что сепаратистская политика в Закавказье местных органов власти – ОЗАКОМа, а впоследствии и закавказского сейма, явилась закономерностью, следствием слабой позиции России в регионе. Формальным же поводом для разрыва отношений сейма с Советской Россией стало подписание советской делегацией Брест-Литовского договора, по которому границы в Закавказье между Россией и Турцией определялись по условиям Андрианопольского (1828 года) договора. Турции возвращались территории в прошлом Карского и Эрзерумского пашалыков в Восточной Анатолии. Собственно в Закавказье Договор оговаривал лишь положение Аджарии, ее автономию и возможность самоопределения в государственном устройстве. Позиция закавказского сейма в данном вопросе была следующей: являясь самостоятельным субъектом международного права (хотя и непризнанным), только он вправе решать вопрос о границах в Закавказье. Прежде всего, это касалось права самостоятельного ведения переговоров с Турцией. В результате по инициативе закавказского сейма были начаты Трапезундская (в феврале 1918 года), а затем и Батумская (в апреле 1918 года) конференции. Обе они закончились безрезультатно вследствие позиции Турции, которая, с одной стороны, не хотела вступать в конфликт с Советской Россией, а с другой – стремилась максимально использовать ее Слабость же самого Закавказского комиссариата предопределила его распад в ходе Батумской мирной конференции в мае 1918 года по поводу заключения мира с Турцией. Решающее значение в этом плане сыграли противоречия между тремя составными частями Закавказской

Федерации, а также их различная позиция на переговорах с Турцией. Грузинская делегация в вопросе о турецких притязаниях на г. Батум рассчитывала на поддержку своих партнеров. Однако недовольство Армении Грузией ощущалось так же явно, как и ее недовольство Турцией. Азербайджан же отдавал предпочтение турецким единоверцам, а не своим христианским партнерам. Ревность по поводу ведущей роли, которую Грузия играла в Закавказской республике, была присуща и Армении, и Азербайджану.

В результате 26 мая 1918 года был созван Закавказский сейм, который объявил Федеративную Закавказскую Республику более не существующей. В тот же день грузинское Национальное собрание провозгласило независимую Грузинскую Демократическую Республику. Через два дня были провозглашены независимые Армянская и Азербайджанская республики.

Независимость новых образований оказалась еще более недолговечной, чем независимость Федеративной Закавказской Республики. В следующие несколько недель турецкие войска заняли большую часть Армении и Азербайджана. Независимая Армения перестала существовать даже номинально, а правительство Азербайджана стало марионеткой в руках турецкого военного командования.

Грузия избежала такой участи, лишь обратившись за помощью и защитой к союзнику Турции – Германии. 28 мая 1918 года был подписан германо-грузинский договор, по которому Грузия признавала границы, установленные в Брест-Литовске. При этом подразумевалось, что Германия обеспечит Грузии гарантии против турецкого вторжения. Ценой данного протектората Германии стало установление ее контроля над закавказской железной дорогой, по которой бакинская нефть отправлялась к Черному морю. Кроме того, Грузия согласилась предоставить на

время войны в распоряжение Германии все свое сырье, главным из которых был марганец. Укрепившись благодаря этому союзнничеству, Грузия 4 июня 1918 года заключила мирный договор с Турцией¹²⁹. В Тифлисе был размещен германский гарнизон. 27 августа 1918 года в Берлине было подписано дополнение к советско-германскому Брест-Литовскому договору, содержащее статью о согласии Советского правительства на признание Германией независимой Грузии. Таким образом, уже летом 1918 года Закавказье было поделено между Германией и Турцией и ни о какой независимости его республик не могло быть и речи. Армения была полностью оккупирована Турцией, а Грузия и Азербайджан, находившиеся под протекторатом Германии и Турции, независимость реализовывали лишь в той мере, в какой им это позволялось.

Распад блока держав Центральной Европы и их капитуляция по итогам Первой мировой войны осенью того же года привели к тому, что германская и турецкая оккупация Закавказья сменилась британской.

В целом, во внешнеполитической деятельности закавказских правительств отчетливо проявилось стремление проводить независимую от России политику, с опорой на ее традиционных противников в регионе.

Предлагая в частности военно-политическое сотрудничество Германии, грузинское правительство следующим образом ангажировало выгоды германо-грузинского альянса: «на Кавказский перешеек может перекинуться идея окаймления новой русской границы новыми же государственными образованияами, которые составляли как бы систему Брестского договора. ... Далее уже более конкретно предполагалось, что – буферное

¹²⁹ См.: Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии. – Тифлис, 1919. – С. 339-342.

государство в Закавказье представляло бы свой смысл и с точки зрения прочности германского влияния в Анатолии, и для «брестской» системы подступов к Индии, и охраны пути Каир – Калькутта»¹³⁰.

Идея буферного государства в Закавказье, вынашиваемая правительством Грузии, предполагала, таким образом, вытеснение России с Кавказского перешейка. Именно посредством этого, по мнению руководителей Грузии (Н. Жордания и др.), могла быть реализована независимость Грузии. Это было основой всего внешнеполитического курса. Поэтому после поражения Германии в первой мировой войне произошла быстрая переориентация в определении гарантов своей независимости на страны Антанты, которым данная идея была преподнесена уже как своеобразный «демократический щит». В области практической реализации это означало создание на линии границы с Советской Россией в районе селений Веселое и Пиленково (Абхазия) под наблюдением иностранных офицеров «укреплений с бетонированными, хорошо защищенными проволочными заграждениями окопами. Территория, совпадающая с Гагрским районом еще 18 ноября 1920 года была объявлена военным округом, а с 16 декабря в ней было введено военное положение»¹³¹.

Главная же цель закавказских правительств – добиться признания их республик странами Антанты и Лигой Наций – реализована так и не была. Все обращения с просьбой о признании их суверенными государствами не увенчались успехом. Даже Турция не признавала Азербайджан вплоть до 1920 года.

¹³⁰ См.: Авалов З.Д. Независимость Грузии. – Париж, 1921. – С.170.

¹³¹ См.: Дзиндзарая Г.А. Из истории установления советской власти в Абхазии // Исторические записки / Отв. ред. Е.Д.Греков. – М.: Изд-во АН СССР. – 1944. – Т.44. – С. 291; ЦГАКА, ф.109, д. 951, лл.26-27.

Данный факт позволяет сделать вывод, что Закавказье странами Антанты в перспективе рассматривалось как инструмент политики, направленной против Советской России. Ставка, делалась на А.И. Деникина с его Добровольческой армией, деклариовавшего идею «единой и неделимой России». Стремление закавказских правительств к независимости от России предопределило их конфронтационные отношения как с Советской Россией, так и с «белым» движением на юге.

Опираясь на поддержку сначала Германии, а затем и Великобритании, Грузия в 1918–1920 годах попыталась силой установить свою юрисдикцию над Абхазией и Южной частью Осетии. В июне 1918 года население Южной Осетии и Абхазии восстало против грузинской оккупации. Эти восстания при помощи немецких войск были подавлены. О степени жестокости их подавления свидетельствуют воспоминания непосредственных участников тех событий, а также зарубежных исследователей Кавказа. Так, возглавлявший подавление восстания в Осетии В. Джугели следующим образом описывал действия грузинских войск: «... Всюду вокруг нас горят осетинские деревни ... В интересах борющегося рабочего класса, в интересах грядущего социализма, мы будем жестоки. Я со спокойной душой и чистой совестью смотрю на пепелище и клубы дыма...»¹³². Аналогичным образом шло подавление восстания и в Абхазии.

При этом демократическое правительство Грузии не удовлетворилось аннексией Абхазии и Осетии. В июне 1918 года, воспользовавшись гражданской войной на юге России, грузинские войска захватили Adler, Сочи и Туапсе. 25 сентября 1918 года Грузия предъявила требования командующему Добровольческой армии А.И. Деникину о присоединении Сочин-

¹³² Джугели В. Тяжёлый крест. (Записки Народногвардейца.) С предисловием Е.П. Гегечкори. – Тифлис, 1920.

ского округа к Грузии. На эти требования А.И. Деникин отреагировал вполне адекватно, направив войска на черноморское побережье. К февралю 1919 года сочинское побережье было очищено от грузинских оккупантов. И только по требованию Великобритании Добровольческая армия А.И. Деникина была остановлена на границах с Абхазией.

Поражение армий А.В. Колчака, а затем А.И. Деникина, выход Красной Армии к Ростову заставили руководство государств-членов Антанты пересмотреть позицию относительно независимости закавказских республик. Закавказье стало объектом повышенного внимания практически всех ведущих государств – победителей в первой мировой войне: Великобритании, Франции и США.

В 1920 году, в район Закавказья направляется американская комиссия во главе с генерал-майором Дж. Харбордом (официальное ее название американская военная миссия для Армении). Она имела от президента В. Вильсона поручение «обследовать Турецкую Армению и все русское Закавказье со всех без исключения точек зрения, относящихся к американским интересам в этом районе. Иначе говоря, она должна была собрать материал для обоснования захвата Турецкой Армении и русского Закавказья Соединенными Штатами»¹³³. Содержание данной программы изложено было в так называемых «14 пунктах Вильсона». На них впоследствии и опиралось правительство дашнаков после своего поражения, отдавая Армению под протекторат США.

Советское правительство начала 20-х годов понимало, что иметь у своих границ слабые независимые государства с анти-советской направленностью – это значит примириться с наличием постоянного источника конфликтов и напряженности в

¹³³ См.: Миллер А.Ф. Турция, актуальные проблемы новой и новейшей истории. – М.: Наука. – 1983. – С.167.

регионе, иметь непосредственно военную опасность. Об этом со всей наглядностью продемонстрировал опыт образования независимых Польши, Финляндии и прибалтийских государств, политика которых с момента их образования сразу же приняла антисоветскую и антироссийскую направленность.

Поэтому правительство В.И. Ленина не могло признать независимость Закавказья. Значимость Закавказского региона для Советской России определялась также и тем, что это был второй по значимости (особенно индустриальный Азербайджан) центр революционного движения.

После того как Великобритания вывела войска из Баку, в Закавказье вновь образовался вакуум власти, в силу неспособности национальных правительств самостоятельно решать вопросы ни социально-экономического, ни политического характера.

Наиболее слабым звеном в этом плане оказался Азербайджан, поэтому правительство, оставшееся здесь у власти после ухода британских войск, в апреле 1920 года было свергнуто без особых трудностей в результате восстания в Баку. Военно-революционный комитет, который действовал от имени революционного пролетариата Баку, обвинил бывшее правительство в предательстве и обратился к Советскому правительству с призывом заключить «братский союз для совместной борьбы с мировыми империалистами».

Вслед за Азербайджаном советская власть была установлена в Армении, руководство которой из-за страха и ненависти, с которыми армяне относились к туркам, было традиционно про-российским. Поэтому восстановление российской власти теперь уже в форме советской в Азербайджане оказало на Армению огромное воздействие, и в середине февраля 1921 года революционный комитет призвал на помощь Советскую Россию и передал в руки Красной Армии дело спасения Армении.

В Грузии, оставшейся в конечном итоге без иностранных покровителей, установление Советской власти стало делом времени. Поводом для вторжения в Грузию явился пограничный конфликт с Советской Арменией зимой 1921 года. Воспользовавшиеся предоставленным случаем вооруженные формирования советских и грузинских большевиков пересекли границу. Обстановка для грузинского правительства осложнилась тем, что два дня спустя Турция предъявила ультиматум, требуя передачи ей двух районов, Ардагана и Артвина. Правительство Н. Жордания выполнило условия ультиматума, что, однако, не было вполне логичным, поскольку судьба самого правительства уже была предрешена. 25 февраля 1921 года в Тифлисе была провозглашена Советская власть и, соответственно, Грузинская Советская Социалистическая Республика.

Установление во всех трех государственных образованиях Закавказья советской власти создало предпосылки для реализации национальной политики в регионе. Между тем дальнейшие процессы здесь развивались вопреки ленинской позиции, которая была выражена в его письме С. Орджоникидзе от 2 марта 1921 года, в котором В.И. Ленин не только утверждал, что необходима «политика уступок по отношению к грузинской интеллигенции и мелким торговцам», но даже писал о значении «блока с Жордания или подобными ему грузинскими меньшевиками»¹³⁴. Тем не менее, коалиция с меньшевиками не была осуществлена из-за жесткой позиции по данному вопросу основных кураторов кавказской политики И.В. Сталина и С. Орджоникидзе, которые в вопросе о государственности закавказских республик были единодушны: Закавказье должно быть в составе России и само являть собой федеративное образование.

¹³⁴ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т. 42. – С. 367.

Закавказье явилось последней национальной окраиной бывшей Российской империи, где процессы национального самоопределения в конечном итоге завершились в ходе вооруженного противоборства, тем самым создав предпосылки для дальнейшего развития национальной политики молодого Советского государства.

Между тем вопрос о национально-государственном устройстве страны достиг такой остроты, что был вынесен для обсуждения и принятия решения в повестку XII съезда РКП (б), который в конечном итоге и закрепил ленинскую концепцию в качестве программы национально-государственного строительства. Но на практике претворение получила именно сталинская, несколько видоизмененная идея автономизации, с которой уже не могли согласиться некоторые республиканские партийные лидеры. Речь идет о так называемом «грузинском вопросе», в основе которого лежало несогласие партийного руководства Грузии в лице Ф. Махарадзе со сталинским планом, по которому все созданные республики входили в состав РСФСР. В Грузию по данному вопросу была направлена комиссия ЦК под председательством Ф. Дзержинского, которого В.И. Ленин, будучи изолирован в Горках от участия в подготовке союзного договора, лично просил урегулировать конфликт между республиканским и федеральным руководством. И хотя комиссия не смогла в полной мере урегулировать конфликт, компромисс, в конечном итоге, был достигнут и Закавказская федерация выступила совместно с РСФСР, БССР и УССР основателями Советского Союза. Существенным моментом, определившим во многом развитие политической обстановки в регионе (в том числе и в настоящее время), было так же и то, что до 1932 года в Закавказье существовала еще одна союзная республика – Абхазия.

Внешнеполитический аспект интересов Советской России и в последующем СССР с самого начала определялся комплексной блокадой. Такой же, какой она была до периода правления Петра I. Поэтому прорыв блокады (дипломатической, экономической и т.д.) являлся для Советской России стратегическим направлением всей системы национальных и военно-политических интересов. Закавказье в этом плане не было исключением. Напротив, именно это направление было наиболее уязвимым в системе «санитарного кордона» вследствие наличия здесь Ирана и Турции, стремившихся уйти из-под опеки западных стран.

В опубликованном 3 декабря 1917 года Обращении ко всем трудящимся мусульманам России и Востока советское правительство заявило, что «договор о разделе Персии порван и уничтожен»¹³⁵. 26 февраля 1921 года в Москве с правительством Персии был подписан дружественный договор. Для Советской России он означал прорыв дипломатической блокады страны, определенную гарантию необходимого и желанного мира на южных границах. Иранское правительство, вследствие Договора, запретило действие басмаческих формирований на своей территории. Для самого Ирана равноправный договор с Советской Россией означал также и денонсацию британского протектората, навязанного ему в 1919 году. Россия вновь, таким образом, становилась крупнейшим экономическим партнером Ирана.

Подписанный советско-иранский договор определял также и военно-политический аспект отношений. В частности, его 5-я статья гласила: «Если персидское правительство после предупреждения со стороны Российского Советского правительст-

¹³⁵ См.: Документы внешней политики СССР. – М., 1957. – Т. 1.

ва само не окажется в силе отвести нападение (третьих держав), Российское Советское правительство будет иметь право ввести свои войска на территорию Персии, чтобы в интересах самообороны принять необходимые военные меры. По устранению данной опасности Российское Советское правительство обязуется немедленно вывести свои войска из пределов Персии»¹³⁶. В 1946 году положения этой статьи были применены на практике.

Аналогичная политика реализовывалась и по отношению к Турции, с которой в ходе Московской конференции и подписанием 16 марта 1921 года договора были согласованы все спорные территориальные вопросы. Несмотря на то, что Брестский договор был денонсирован, в отношении Закавказья и Восточной Анатолии он не пересматривался. Более того, Турция и Советская Россия выступали одновременно гарантом автономии Аджарии, это было условием принадлежности данной территории Грузии. Все это обеспечивало стабильность и «добрососедство» сопредельных государств в регионе и исключение для Советского Союза военной угрозы с данного направления.

Таким образом, усилиями советского руководства Закавказье стало наиболее стабильным в политическом отношении регионом. Благодаря оказанной правительством В.И. Ленина поддержке ослабленным Турцией и Ирану, в предвоенные годы на южных границах СССР был создан «пояс безопасности», длительное время определявший военно-политическую обстановку в регионе. К примеру, первый президент Турции Кемаль Ататюрк, в течение всей жизни сохранявший симпатии к СССР, несмотря на то, что Турция являлась стратегическим союзником фашистской Германии, не позволил втянуть свою страну в анти-

¹³⁶ Независимая газета. – 1996, – 21 марта.

коминтерновский пакт. Во многом, благодаря этому, Турция, по существу, являясь союзным фашистской Германии государством, в войну против СССР не вступила. Аналогичная позиция была выдержана и правительством Ирана. В преддверии второй мировой войны Иран вновь объявил о своем нейтралитете.

Именно поэтому границы Советского Закавказья во время Великой Отечественной войны были относительно безопасными, поэтому в годы войны сюда направлялись важнейшие оборонные предприятия страны¹³⁷.

Анализ внешнеполитической деятельности советского правительства в регионе свидетельствует о том, что обеспечивались безопасность и стабильность не только в Закавказье, но и во всем сопредельном регионе. Как уже указывалось, Турция в ходе второй мировой войны представляла собой военную угрозу для СССР скорее номинальную, чем реальную. Следует также обратить внимание на тот факт, что местом проведения первой конференции участников антигитлеровской коалиции в 1943 года был именно Тегеран – столица Ирана, внешняя политика которого практически вплоть до конца первой половины 50-х годов базировалась на принципах традиционного нейтралитета.

И только после второй мировой войны, в период обострения отношений между СССР и ведущими странами мира, в процессе формирования так называемого «биполярного мира» отношения Ирана и Турции с СССР претерпели изменения. Прямым следствием «холодной войны» в Закавказье и сопредельных ему регионах стало, во-первых, вовлечение Ирана и Турции в антисоветские блоки СЕНТО («Багдадский пакт») и НАТО. Это означало фактическое участие сопредельных в За-

¹³⁷ См.: Купатадзе Э.С. Прием и размещение в Грузии эвакуированных промышленных предприятий, учреждений и населения в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Тбилиси, 1979.

кавказье государств в «холодной войне» против СССР. Причиной столь резкой политической переориентации руководства Турции и Ирана явилось наличие в указанных государствах просоветской оппозиции и возможностью вследствие этого повторения в этих странах революций, подобных иракской (1958 год). Данное обстоятельство заставило правительства Турции и Ирана искать более тесные военно-политические контакты с США. Это выразилось, в частности, в требовании к Соединенным Штатам вступить и возглавить, таким образом, блок СЕНТО. Но поскольку, это по ряду причин не устраивало американское руководство, военно-политическое сотрудничество США с Турцией и Ираном (по настоянию государственного секретаря США Д. Даллеса) было закреплено только лишь подписанием двусторонних военно-политических договоров (5 марта 1959 года)¹³⁸.

Как видно, военно-политическая обстановка в сопредельном Закавказью регионе в рассматриваемый период стала неблагоприятной для СССР. Само Закавказье с конца 50-х – начала 60-х годов представляло для СССР уже передовой рубеж обеспечения его военной безопасности. Это потребовало усиления в регионе военно-политической организации Советского государства – Закавказского военного округа, который стал, вследствие этого, округом 1-й категории, с возможным театром военных действий, включающим весь Ближний Восток вплоть до Египта. Еще более осложнило военно-политическую обстановку в регионе размещение в Восточной Анатолии американских ракет, радиус поражения которых включал основные жизненные и промышленные центры страны, в том числе и г. Москву.

¹³⁸ Так называемая, доктрина Даллеса – Эйзенхауэра, предусматривавшая оказание американской военной и экономической помощи реакционным режимам на Ближнем и Среднем Востоке. (См.: Советский Энциклопедический Словарь. – М: Советская Энциклопедия, 1990. – С.1554.

Внутриполитический аспект интересов Советского государства в Закавказье предполагал обеспечение политической стабильности в самом регионе. Это достигалось за счет поддержания относительно высокого уровня жизни населения. Существенно отличалась в Закавказье и практика национально-государственного строительства. В регионе как нигде обозначилась протекционистская политика центрального правительства. Сама Советская Федерация в Закавказье обретала конфедеративный характер. Об этом свидетельствует, например, не столько наличие в республиках Закавказья таких элементов государственности, как границы, конституция, флаг и т.д., сколько доминирование представителей титульных национальностей во всех наиболее значимых сферах жизнедеятельности, в том числе, в управлении, экономике, образовании и т.д. По сути дела, в рамках единого полиэтнического Советского государства шло скрытое строительство национальных государств.

Следствием этого явилось формирование национальной элиты и бюрократии, получивших неконтролируемый доступ к ресурсам власти и влияние на общество. Еще более ослабило позиции центра принятие новой редакции Конституции союзными республиками в 1978 году, где государственными языками в Грузии и Армении были соответственно определены: грузинский и армянский.

Решение союзного центра по вопросу статуса языка по существу было вынужденным следствием демонстрации и массовых выступлений, по этому поводу в Тбилиси в 1978 году. Данная уступка, характеризующая слабость в регионе советских государственных институтов, обнажила корни национализма, до тех пор скрытые в условиях авторитарного режима. Проблемы взаимоотношения центра и национальных регионов не были сняты, решение их было отложено на неопределенный

срок. Последующие процессы суверенизации и распад СССР непосредственным образом отразились на содержании интересов России на Кавказе и на ситуации в самом регионе.

В этом плане показательны то, что республики Закавказья (Азербайджанская, Армянская и Грузинская ССР), будучи в наибольшей степени национально обособленными от других республик Советского Союза и, прежде всего Российской Федерации, к концу 80-х годов XX обладали значительным потенциалом конфликтности и деструктивности. Данное обстоятельство и было использовано как лидерами националистических организаций ряда союзных республик, так и сформировавшейся в годы перестройки «демократической» оппозицией в столице СССР – Москве.

Непосредственно же сами истоки процессов дестабилизации обстановки в Закавказье берут свое начало в Азербайджане, находившимся под мощным идеологическим влиянием со стороны сопредельного Ирана. Тот факт, что на сопредельной территории находилась мощная азербайджанская диаспора, связанная с населением советского Азербайджана не только узами этнической общности, но и родственными связями, в значительной мере стимулировало ирредентистские настроения в республике. Но еще более значимым явился фактор конфессионального ренессанса в Азербайджане, начавшийся под влиянием исламской революции 1979 года в Иране. Показателен в этом плане тот факт, что пришедшее к власти в Иране мусульманское руководство во главе с аятоллой Хомейни фактически объявило войну не только США, поддерживавших свергнутого шаха Р. Пехлеви, но и СССР, который будучи сверхдержавой и осуществляя интервенцию в Афганистан, также был объявлен врагом исламского мира. По существу с начала 80-х годов в республике началась скрытая исламизация

населения Азербайджанской ССР, которое все больше стало идентифицировать себя, прежде всего, мусульманами, и только затем уже собственно азербайджанцами. Что же касается соотношения себя с единой общегосударственной общностью – советским народом, то издержки в патриотическом воспитании и слабость союзного центра, оказывавшего все меньшее влияние на политические процессы в национальных республиках, во многом дискредитировали идею общесоюзного гражданства. При этом, если идеи антисоветизма в Азербайджане в рассматриваемый период не получили своего яркого выражения, то лозунг «борьбы с иноверцами» был практически претворен на практике в ходе азербайджано-армянского конфликта.

Непосредственным же детонатором взрыва межэтнических противоречий явилась проблема Карабаха, где на протяжении столетий переплетались судьбы двух народов различного вероисповедания и где, как выше было отмечено, эксперимент 20-х годов с их национально-государственным размежеванием закономерно закладывал основы конфликтности и межэтнических противоречий. Более предметный анализ развития событий дает основания полагать, что карабахская проблема была искусственно раздута, а сами процессы – фактически спровоцированы руководством Азербайджана и Армении.

Позиция руководства Азербайджана объяснялось необходимостью упрочения своего положения в регионе, население которого более чем на 80% составляли армяне. Представители армянской диаспоры соответственно занимали и все руководящие посты, а также доминировали в социально-экономической сфере автономии. Необходимость изменения баланса в структурах руководящих органах являлась важнейшей задачей азербайджанского руководства, которое осознавало, что без изменения сложившегося баланса в управленческих структурах

не только не удастся укрепить в автономии позиции республиканского руководства, но и предотвратить уже начавшиеся дискриминационные процессы по отношению к азербайджанскому населению.

Что касается позиции руководства Армении, то для него, конечно же, планируемые изменения этнического состава руководства автономии являлись неприемлемыми. Поэтому конфликт между руководством двух союзных республик был вполне предопределен и закономерен. Точкой бифуркации в развитии конфликта и переводе и его в острую фазу вооруженного противоборства явилось событие, казалось бы, не имеющее никакого отношения к этноконфессиональным проблемам региона. Дело в том, что в отношении руководства Армении, начиная с 1988 года, планировались мероприятия аналогичные «узбекскому делу». Динамика развития событий в регионе дает полное основание увязывать данные события с планировавшимися кадровыми перестановками. Так, в газете «Правда» от 5 января 1988 года впервые были опубликованы материалы о недостатках в работе Компартии Армении, что по традиции политической практики того времени являлось своего рода сигналом к кадровым перестановкам. Предотвратить их могли только лишь знаковые политические события.

Таковым и оказался события в НКАО, конфликтный потенциал которой был в полной мере использован армянским руководством, посредством инициирования вопроса о восстановлении «исторической справедливости» и присоединения Карабаха к Армении. Примечательно, что в данном случае впервые в советской политической практике вопрос о самоопределении этносов был инициирован не органами государственной власти, а интеллигенцией, что поставило в тупик политическое руководство государства, провозгласившего в своих программных докумен-

тах об окончательном решении национального вопроса в Советском Союзе. Здесь же впервые было поставлено под сомнение и одно из основных положений советской Конституции, гарантировавшей право наций на самоопределение вплоть до выхода из состава СССР.

Рассмотренные выше процессы, имевшие своим следствием первый крупный на территории СССР этнополитический конфликт, закономерным образом инициировали дальнейшие кризисные процессы в других национальных республиках Союза на почве межэтнических противоречий и стремления к повышению статусной роли титульных этносов вплоть до образования независимых национальных государств.

В этом плане примечателен пример Грузии, долгое время остававшейся «островком стабильности» в Закавказье и являвшейся своего рода региональным центром, связанным с двумя другими республиками комплексом социально-экономических и политических связей. Данное обстоятельство позволяло руководству Грузии играть роль посредника в урегулировании армяно-азербайджанского конфликта, поддерживая одинаково добрососедские отношения с противоборствующими сторонами. Тем не менее, находясь в непосредственной близости от очага кризисности, Грузия закономерно подвергалась его дестабилизирующему влиянию и поэтому ее нейтральное положение в очаге нестабильности не могло продолжаться сколь угодно долго, тем более, что в ее приграничных районах с Азербайджаном (Марнеульском и Гардабанском) проживала значительная диаспора азербайджанцев, а в Болнисском и Ахалкалакском (сопредельном Армении) – диаспора армян, что создавало предпосылки к эскалации возможного вооруженного конфликта между данными диаспорами на территории Грузии. Кроме того, начиная с осени 1988 года, постепенно начали формироваться деструк-

тивные процессы уже в самой Грузии, инициированные деятельностью радикальных грузинских националистов, которые, не имея перед собой ярко выраженного объекта противоборства, направили потенциал этнической деструктивности уже на сам союзный центр под лозунгами возрождения истинно «грузинских ценностей и чистоты грузинской нации».

Особую роль в этом плане сыграл и внешний источник инициирования грузинского сепаратизма. Так, например, в период с 16 по 22 ноября 1988 года в Грузии в рамках культурного обмена находилась делегация, возглавляемая министром культуры Эстонии. В ходе визита данной делегации в республике прошла фактическая презентация брошюры «Эстония говорит нет Конституции», в которой излагалась позиция радикального крыла эстонской интеллигенции, взявшей курс на обретение независимости Эстонии. Важнейшим итогом данного «культурного обмена» явилась организованная 22 ноября членами Хельсинской группы во главе с М. Костава и З. Гамсахурдиа голодовка студентов у Дома правительства с аналогичными требованиями.

Тем не менее, несмотря на ярко выраженный национализм в Грузии, призывы лидеров организаций сепаратистского толка в ходе манифестации не смогли вызвать в республике антисоветские настроения, а их призывы о независимости Грузии не воспринимались серьезно. Тем более, что антисоветизм в республике принимал, откровенно антирусский характер, что казалось немыслимым для преобладающей части титульного населения республики в силу наличия многовековых исторических и культурных связей двух народов. Не удалась и попытка грузинских националистов организовать массовые выступления студенчества в память об установлении советской власти в Грузии 25 февраля 1989 года. И лишь 9 апреля 1989 года, после 5-ти дневного

массового митинга, собранного оппозицией под формальным предлогом выразить протест против решения части абхазской интеллигенции обратиться к союзному руководству с просьбой о выведении Абхазской АССР из состава Грузии и вхождения ее в состав РСФСР, грузинским радикалам удалось переориентировать общественное мнение титульного населения республики на антисоветизм.

Так, уже с 8 апреля политические лозунги манифестантов приобрели качественно иное содержание и содержали уже не только и не столько требования пресечь деятельность сепаратистов в абхазской автономии, сколько лозунги антисоветского и сепаратистского содержания, декларирующих идеи выхода Грузии из состава СССР, введение на территорию Грузии войск НАТО и др.

Таким образом, в результате данной акции была достигнута важнейшая цель сформировавшейся грузинской оппозиции – консолидация населения во имя реализации этнократических идей. При этом был найден простой, но эффективный путь их реализации – провокация. Радикальной грузинской оппозиции удалось спровоцировать массовые беспорядки и ожесточенное сопротивление манифестантов органам правопорядка. В данном случае была достаточно эффективно реализована технология «инициирования народного гнева», разработанная спецслужбами США и взятая повсеместно на территории СССР на вооружение националистическими организациями. Но еще более эффективно была реализована другая технология – эскалации кризиса и перевод его в фазу вооруженного конфликта. Главное, что преследовалось в ходе реализации данных технологий, – создать образ врага и направить в его адрес весь негативный конфликтный потенциал населения. Таковым в данном случае объявлялось союзное руководство, которое не только не

в состоянии обеспечить территориальную целостность Грузии, но и якобы оказывает поддержку абхазским сепаратистам. Взрыву этносепаратизма в республике во многом способствовало наличие жертв по итогам пресечения несанкционированного митинга 9 апреля 1989 года. И хотя до сих пор материалы расследования тбилисских событий Тбилиси так и не обнаружены, тем не менее, представляется возможным констатировать, что жертвы, так же как мифологизация самих событий необходимы были, в первую очередь оппозиции. Данный факт она использовала для инициирования «народного гнева», который был направлен в необходимое для этнорадикалов русло, а также дискредитации органов власти (и союзных и республиканских) и силовых структур, прежде армии. Именно поэтому основными виновниками событий 9 апреля были определены военнослужащие во главе с командующим КЗакВО генерал-полковником И.Н. Родионовым, применившие, по мнению подготовленной соответствующим образом общественности, неадекватное насилие по отношению к мирному населению. Особую роль в этом плане сыграли СМИ (и республиканские, и общесоюзные), которые растиражировали крылатую фразу о том, что «дюжий десантник гнался за 70-летней старушкой и на 3-ем километре добил ее саперной лопатой». При этом авторов данной идеологемы несколько не смутил ни сам факт ее абсурдности, ни очевидный вред наклеивания ярлыка «каратели» на военнослужащих. Примечательно, что сама фраза «неадекватное насилие», в последующем на протяжении 90-х годов XX столетия характеризовавшая российскую политику в ходе проведения контртеррористических операций на Северном Кавказе появилась именно тогда в 1989 году.

Не вызывает сомнения и то, что данная акция планировалась, как знаковое событие. Об этом свидетельствуют не толь-

ко содержание лозунгов, но и тех практических мероприятий, которые осуществлялись этнорадикальной оппозицией по подготовке и осуществлению силового противодействия органам правопорядка и войскам, привлеченным для пресечения беспорядков. Все это свидетельствует о том, что события, произошедшие в Грузии в начале апреля 1989 года, являли собой не просто массовые беспорядки на этнической основе, а открытое проявление этносепаратизма.

В последующие годы данное выступление на официальном уровне было признано как одно из первых проявлений возрождения национального самосознания, демократизации общества, а его организаторы в самой Грузии были объявлены национальными героями. Главный же итог произошедших событий заключается в том, что грузинскими этнорадикалами была продемонстрирована возможность и способность мобилизовывать на реализацию этнократических идей огромные массы людей, а также возможность успешного противостояния органам государственной власти.

Феномен Грузии и в целом всего Закавказья в данном случае заключался в апробации и реализации первых сепаратистских устремлений. Это повлекло за собой дальнейшую эволюцию сепаратизма в остальных национальных республиках Союза, где сначала осторожно, а затем по нарастающей и все более настойчиво стали озвучиваться антисоветские, антирусские и в целом антироссийские лозунги.

Глава 2.

КАВКАЗСКИЕ ВОЙНЫ РОССИИ

Вооруженные конфликты на Северном Кавказе в начале XIX века

Важнейшим событием, предопределившим вовлеченность России в войны на Кавказе, как выше было отмечено, стало присоединение к Российской империи Восточной Грузии (царство Картли и Кахетии). С одной стороны, это свидетельствовало об усилении позиций России, в том числе и на Кавказе, а с другой – об окончании господства в регионе двух других региональных держав – Персии и Турции.

Качественно новое содержание после присоединения провинций в Закавказье приобрели также отношения Российской империи с горцами Северного Кавказа. Прежде всего, изменения во взаимоотношениях произошло с той их частью, для которой набеговая система являлась наиболее традиционным видом жизнедеятельности и доходного промысла, поскольку объектом этого промысла столь же традиционно выступала Грузия и другие территории Кавказа с христианским населением, в том числе и казачьи поселения в Ставрополье и на Кубани.

Присоединенные кавказские провинции России оказались отделенными от России землями Чечни, Дагестана и Северо-Западного Кавказа. Это одно из важнейших обстоятельств, предопределивших неизбежность вооруженного столкновения России с горцами Кавказа. Территория Северного Кавказа представляла собой своеобразный анклав, разделяющий российские провинции. В условиях XIX века это было недопустимым явлением, поэтому Россия должна была или уйти из Закавказья, или же присоединить Северный Кавказ. Довольно точно сложившуюся в данный период военно-политическую обстановку в регионе охарактеризовал К. Маркс. «Кавказские горы, – писал он, – отделяют южную Россию от богатейших провинций Грузии, Мингрелии, Имеретии и Гурии ... Таким образом, ноги гигантской империи отрезаны от туловища»¹³⁹. Это определяло закономерным стремление России воссоединить одну из своих провинций с метрополией.

В планах царского правительства предусматривалось, таким образом, воссоединение Закавказья с Россией. Но, в отличие от аннексии закавказских провинций, где эти процессы были восприняты благожелательно со стороны местного населения, на Северном Кавказе экспансия приняла военно-силовой характер. Это объяснялось тем, что Россия в реализации данной задачи «столкнулась с огромным количеством никому не подчинявшихся, разрозненных и враждовавших между собой патриархально-родовых обществ, принадлежавших к одной или совершенно разным языковым и этническим группам, исповедовавших разные религии, находившихся на разных уровнях социальной организации и поэтому плохо поддававшихся управлению»¹⁴⁰. За-

¹³⁹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-ое. – Т.9. – С. 408.

¹⁴⁰ См.: Дегоев В.В. Кавказ в международно-геополитической системе XVI–XIX веков. //Независимая газета. – 1997. – 16 октября.

дача, которая на первый взгляд казалась несложной и реализуемой в короткий срок и с помощью незначительных средств, на практике оказалась не достижимой в течение длительного времени. Процессы присоединения Северного Кавказа происходили на протяжении десятилетий и сопровождались открытым вооруженным сопротивлением определенной части горцев Северного Кавказа, для которых их присоединение к Российской империи знаменовало коренное изменение образа жизни, и, прежде всего, искоренение такого важнейшего, сложившегося на протяжении столетий явления, как набеги.

Столкнувшись с ожесточенным сопротивлением горцев в первом десятилетии XIX в. и оказавшись одновременно вовлеченной в целую серию войн, в том числе с Турцией и Ираном на Кавказе, Россия на время была вынуждена отложить реализацию задачи его присоединения. И лишь после окончания наполеоновских войн 1799–1815 годов, то есть тогда, когда для России была решена главная задача – обеспечение ее безопасности на западном, европейском направлении, было начато целенаправленное и систематическое продвижение вглубь Северного Кавказа, сопровождавшееся ожесточенными военными действиями с горцами региона.

Вооруженное сопротивление военно-силовой политике России на Кавказе приобрело комплексный широкомасштабный характер и охватило значительную часть территории региона. Более того в войну были вовлечены практически все этнические группы населения, в том числе и пророссийски настроенные народы региона (кабардинцы, осетины и др.), которые неоднократно в своей истории заявляли о своем стремлении и добровольном вступлении в подданство Российской империи и вполне обоснованно считались ее оплотом на Северном Кавказе. И хотя вооруженные антироссийские восста-

ния в регионе носили эпизодический, разрозненный характер, они нередко происходили практически одновременно в Осетии, Кабарде, Чечне, Дагестане и других районах Кавказа. Вследствие этого, войсковой группировке России на Северном Кавказе пришлось вести боевые действия в основном в условиях полной блокады по всем направлениям. Очевидно, что в условиях комплексного противостояния в регионе, значительная часть населения которого обладала отменными военными навыками и привычкой к набегам, неминуемо должен был произойти «взрыв», выходящий за рамки разрозненных восстаний. Таковым и стала Кавказская война – событие, практически на столетие определившее развитие политических процессов в регионе народов Кавказа и самой Российской империи.

Обращает на себя внимание сам феномен Кавказской войны – одной из наиболее продолжительных по времени и ожесточенных по характеру войн России. Бесспорно то влияние, которое война оказала на развитие политических процессов в самой Российской империи. Весь XIX век для России прошел под знаком войны с горцами.

Тем не менее, Кавказская война является одной из наименее изученных и исследованных войн Российского государства, несмотря на то, что этому событию посвящено наибольшее количество научных исторических исследований по Кавказу, как в дореволюционной историографии, так и в работах отечественных авторов советского и более позднего периодов.

Следствием подобного восприятия российским обществом событий Кавказской войны прошлого столетия является ее неоднозначная и нередко произвольная трактовка, приобретающая, в зависимости от конъюнктурного, социально-политического заказа, тот или иной характер и содержание. Дискуссионность кавказской проблематики определяется, по крайней мере, уже

различным толкованием самого понятия «Кавказская война», являющегося, по мнению ряда отечественных историков, достаточно условным термином, характеризующим скорее ее географические, а не сущностные особенности.

Наиболее обобщенное определение данного явления представлено в Советской Военной Энциклопедии, в которой Кавказская война (Кавказские войны) определяется «как комплекс военных действий, связанных с присоединением Чечни, Горного Дагестана и Северо-Западного Кавказа к царской России и ее борьбой против турецкой и иранской экспансии, поощряемой Англией и другими западными державами, и необходимостью в связи с этим закрепления стратегических позиций Русского государства в этом регионе»¹⁴¹.

Отметим, что в отечественной историографии данная точка зрения является только лишь обобщенной и до недавнего времени официальной. В то же время она не является общепринятой в научных кругах и по своему содержанию достаточно спорна.

Более определенным является авторство самого термина «Кавказская война», принадлежащее непосредственному ее участнику, русскому военному историку, генералу Р.А. Фадееву, первому применившему его в работе «Шестьдесят лет Кавказской войны»¹⁴². И хотя сам генерал Р.А. Фадеев считал этот термин также достаточно условным, не отражающим всю суть данного явления, тем не менее, авторский отход от крайностей в оценках событий предопределил долговременное его использование.

Фактическая терминологическая неопределенность и дискуссионность проблем, связанных с Кавказской войной (войнами), в свою очередь, затрудняет определение ее временных

¹⁴¹ См.: Советская Военная Энциклопедия /Под ред. Н.В. Огаркова. – М.: Воениздат, 1987.

¹⁴² Фадеев Р.А. Шестьдесят лет Кавказской войны. – Тифлис, 1860.

рамок, выявление основных сущностных положений, характера, причин и т.д.

В настоящее время в отечественной исторической науке по проблематике кавказской военной политики России наиболее распространенными являются две противоположные точки зрения. Ряд историков, среди которых, например, такие известные ученые-кавказеды, как М.М. Блиев, В.Б. Виноградов, В.Г. Гаджиев, В.В. Дегоев и ряд других ученых, отстаивают положения исторической закономерности вовлечения кавказских народов в политику России¹⁴³.

Иной точки зрения придерживаются Х.-М. Ибрагимбейли, Г.А. Джахияев, С.М. Шамилев и другие¹⁴⁴, отождествляющие Кавказскую войну с национально-освободительным движением горцев Чечни и Дагестана (или всего Кавказа), подчеркивая при этом колониальный характер политики России в регионе.

О принципиальном характере развернувшейся по проблемам Кавказской войны дискуссии свидетельствует тот факт, что в 1989 году состоялась Всесоюзная научная конференция «Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20–50-х годах XIX века»¹⁴⁵, на которой доминировали суждения, отстаивавшие национально-освободительную концепцию кавказских войн и соответственно колониальный характер политики России. В состоявшейся на конференции дискуссии были подвергнуты острой критике работы М.М. Блиева и ряда других ав-

¹⁴³ См.: Виноградов В.Б., Гриценко Н.Б. Навеки в России. – Грозный, 1981; Гаджиев В.Г., Байбулатов Н.К., Блиев М.М. Вхождение Чечено-Ингушетии в состав России //История СССР. – 1980. – №5. – С. 48-63; Бузуртанов М.О., Виноградов В.Б., Умаров С.Д. Навеки вместе. – Грозный, 1981.

¹⁴⁴ См.: Ибрагимбейли Х.-М. Народно-освободительная борьба горцев Северного Кавказа под руководством Шамиля против царизма и местных феодалов //Вопросы истории. – 1990. – №6; Шамилев С.М. Борьба народов Северного Кавказа за национальную независимость по руководством Шамиля. – М.: ГА ВС, 1993.

¹⁴⁵ См.: Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20-50 гг. XIX в.: Материалы Всесоюзной научной конференции, 20-22 июня 1989 г. – Махачкала, 1989.

торов, не придерживающихся концепции национально-освободительной войны на Кавказе. Х.-М. Ибрагимбейли, например, охарактеризовал точку зрения М.М. Блиева и его коллег как возвращение к дворянской историографии¹⁴⁶. Примечательно в этом плане то, что, обвиняя в конъюнктурности своих оппонентов, Х.-М. Ибрагимбейли сам стал заложником стереотипов, применяя для характеристики позиций своих оппонентов такие термины, как дворянская, реакционная, и им аналогичные формулировки, подвергая сомнению научность позиций не только своих современных оппонентов, но и всей дореволюционной кавказской историографии. Обращает внимание на себя тот факт, что позиция Х.-М. Ибрагимбейли, одного из ведущих кавказоведов страны, получила достаточно сильное развитие именно на рубеже 80–90-х годов, в ходе роста национального самосознания народов СССР и развития процессов их суверенизации, и стала фактически официальной на протяжении всего последующего десятилетия. Значение ее заключается также и в том, что данная концепция является в конечном итоге идеологическим обоснованием сепаратистских тенденций на Северном Кавказе.

В то же время научная концепция профессора М.М. Блиева, увязывающая противостояние на Кавказе с объективными процессами развития Российского государства и народов региона, долгое время оставалась в тени. Хотя справедливости ради следует отметить, что именно в этот период им в соавторстве с профессором В.В. Дегоевым была издана книга «Кавказская война»¹⁴⁷, в которой на богатом фактологическом материале обоснована их позиция и взгляды на кавказскую военную политику России в прошлом веке.

¹⁴⁶ См., Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20-50 гг. XIX в.: Материалы Всесоюзной научной конференции, 20-22 июня 1989 г. – Махачкала, 1989. – С.19.

¹⁴⁷ Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. – М.: Изд-во Росет, 1994.

По нашему мнению, развитие политических процессов в регионе, непосредственно обусловленных издержками суверенизации, на практике продемонстрировало недостаточную обоснованность положений и выводов представителей концепции «национально-освободительной борьбы народов Кавказа».

Пожалуй, переломной в освещении кавказской политики Российского государства явилась состоявшаяся в мае 1994 года в Краснодаре научно-практическая конференция, посвященная уже непосредственно проблемам, связанным с Кавказской войной и ее оценкой в свете текущей политики России на Кавказе¹⁴⁸. На конференции были представлены взгляды ученых-кавказоведов, представляющих различные научные школы. Но, пожалуй, наиболее существенным ее результатом явилось обращение к отечественной историографии дореволюционного периода, ее объективная оценка с точки зрения происходящих событий, извлечение уроков и выводов. В этот же период были изданы и работы дореволюционных авторов – историков Кавказской войны¹⁴⁹, что позволило более объективно и комплексно оценить историю русско-кавказских отношений.

Таким образом, можно констатировать, что в отечественном кавказоведении до сих пор нет единой точки зрения на Кавказскую войну. А дискуссия, посвященная терминологической проблематике, продолжает иметь место вплоть до настоящего времени. Вследствие этого, продолжают появляться и новые научные суждения относительно кавказской военной политики России и вооруженного противостояния ей горцев Северного Кавказа. Так, например Ф.Л. Тройно считает, что «термином «Кавказская война» можно и должно обозначать масштабное

¹⁴⁸ См.: Кавказская война: уроки истории и современность: Материалы научной конференции / Отв. ред. В.Н. Ратушняк. – Краснодар, 1995.

¹⁴⁹ См.: Потто В.А. Кавказская война. В 5 т. – Ставрополь, 1993.

историческое явление, происходившее в 1830–1860-х годах в Чечне, Дагестане и на Северо-Западном Кавказе». При этом, по мнению автора, не нужно бояться в определении Кавказской войны в каждом из этих регионов придавать России активный характер. Россия была империей, хотя и империей специфической, «колониальной державой ... без колониального порабощения»¹⁵⁰.

В качестве наиболее исходного и наиболее обобщенного термина, отражающего все многообразие военно-политических процессов в регионе в исследуемом периоде, действительно следует, по-видимому, использовать термин «Кавказская война». Но наряду с этим, необходимо также иметь в виду, что с полным основанием могут также использоваться и такие ее определения, как «межкавказская» или «общекавказская» война. Принципиально важным, на наш взгляд, является тот факт, что неправомерно отождествлять ее лишь с национально-освободительным движением народов Северного Кавказа. Война на Кавказе представляет собой намного более сложное социально-политическое явление, объединяющее в себе не только антирусские выступления горцев Дагестана, Чечни и других народов Кавказа, но и военно-политическую деятельность на Северном Кавказе гораздо большего спектра участников, в том числе региональных и европейских держав, их скрытое и явное комплексное противостояние кавказкой политике России.

В силу выше обозначенных позиций заслуживают своего внимания наиболее крупные вооруженные выступления на Северном Кавказе: восстание шейха Мансура (1785–1787 годы), зарождение и начало вооруженного противостояния России мюри-

¹⁵⁰ См.: Тройно Ф.Л. Кавказская война и судьбы горских народов // В кн. Кавказская война: уроки истории и современность: Материалы научной конференции / Отв. ред. В.Н. Ратушняк. – Краснодар, 1995.

дизма (конец 20-х – начало 30-х годов XIX столетия) и непосредственно война с горцами Дагестана и Чечни под руководством имама Шамиля. По нашему мнению, несмотря на их видимую общность и преемственность, каждое из вышеперечисленных антироссийских вооруженных выступлений происходило в свой конкретный исторический период и преследовало свои строго определенные цели и задачи, отличные по своему замыслу, перспективам, средствам и способам их достижения.

Антироссийская направленность была одним из немногих факторов, объединяющих данные выступления. Что касается степени определенности целей, по-видимому, лишь у имама Шамиля они были выражены концептуально, в то время, как у Мансура и Гази-Мухаммеда они в отношении комплексного и широкомасштабного вооруженного противостояния России лишь проектировались. А второй имам Дагестана и Чечни Гамзат-бек вообще избегал открытого вооруженного столкновения с войсками Кавказского корпуса. Неоднороден был также и состав участников данных вооруженных выступлений.

В отличие от целей и устремлений руководителей восстания горцев, цели военной политики самой России были более конкретны. Они предусматривали выполнение еще петровской программы закрепления России на Кавказе и реализовывались последовательно, на протяжении практически двух столетий. В этой связи, по-видимому, следует оговориться, что это касается лишь стратегических замыслов российского руководства. На уровне же текущих и среднесрочных задач цели военной политики России были также подвержены изменениям в зависимости от складывающейся военно-политической обстановки в регионе.

С уверенностью можно констатировать тот факт, что главная стратегическая цель кавказской политики России заключа-

лась не в покорении и истреблении горцев Северного Кавказа, поскольку это противоречило самой сути ее государственной идеологии – мессианству, исповедуемому на протяжении столетий. Цели политики России на Кавказе заключались, главным образом, в вовлечении народов региона в орбиту своей политической, военной и экономической деятельности, а также в обеспечении безопасности тех из них, которые подвергались беспрестанным вооруженным набегам.

Характеризуя кавказскую политику России, один из первых советских историков М.Н. Покровский в книге «Дипломатия и войны России в XIX веке» писал, что война с горцами «в тесном смысле непосредственно вытекала из персидских походов. Ее значение было чисто стратегическое, всего менее колониационное»¹⁵¹. С этим утверждением, по-видимому, нельзя не согласиться, поскольку колониальный характер политики России в корне отличался от аналогичной политики, например, европейских держав. Прежде всего, это касается целей. Если в основе колониальной политики европейских государств лежало достижение материальных выгод, посредством эксплуатации экономических ресурсов колоний, то для России важнейшим фактором было обеспечение ее военной безопасности. А на практике это выглядело примерно следующим образом: если за британским солдатом обязательно шел торговец, то за солдатом русским (особенно на Кавказе) – следовал казак, т.е., по существу, тот же солдат, только более приближенный к земле, к хозяйственной деятельности.

На внешнюю стратегическую составляющую кавказской политики России обращают внимание также и отечественные кавказоведы советского периода, среди них, например, и авторы

¹⁵¹ Покровский М.Н. Дипломатия и войны России в XIX веке. – London: Overseas Publications LTD, 1991.

фундаментальных научных трудов по истории Северного Кавказа: Н.С. Киняпина, Н.А. Смирнов, А.В. Фадеев¹⁵² и другие.

Бесспорно, данные исследования представляют собой значительную кавказоведческую базу. Но в них, по нашему мнению, достаточно основательно показывается лишь одна из сторон Кавказской войны – внешняя. Другая ее составляющая, раскрывающая политические процессы непосредственно на Северном Кавказе, является менее изученной.

Попытками выявить внутренние истоки Кавказской войны отличаются работы М.М. Блиева, В.В. Дегоева¹⁵³. По их мнению, например, причины активного вооруженного антироссийского противоборства на Северном Кавказе, очевидно, следует искать в тех социально-политических процессах на Северном Кавказе, которые совпали по времени со структурными изменениями в политической, экономической и духовной сферах жизнедеятельности региона. На рубеже XVIII и XIX веков на Северном Кавказе начался процесс активного государственного образования и самоидентификации населения региона по этническим и конфессиональным признакам. Именно этим объясняется отсутствие на начальном этапе ярко выраженной антирусской направленности выступлений горцев, которая скрывалась руководителями движения до тех, пор пока их силы не были объединены под знаменем мюридизма. Это дало, в частности, основание профессору М.М. Блиеву полагать, что движение горцев в целом не носило антирусскую направленность, поскольку даже «сам Шамиль, перечисляя главные задачи войны, нигде не упомянул о войне

¹⁵² Киняпина Н.С. Внешняя политика России первой половины XIX века. – М.: Высшая школа, 1963; Фадеев А.В. Кавказ в системе международных отношений 20-50-х годов XIX века. – М.: Изд-во АН СССР, 1956; Фадеев А.В. Россия и Кавказ первой трети XIX века. – М.: Изд-во АН СССР, 1960.

¹⁵³ См.: Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. – М.: Изд-во Росет, 1994; Блиев М.М. Кавказская война: социальные истоки и сущность // История СССР. – 1983. – №2.

с Россией. В России воплощался образ врага, и только»¹⁵⁴. По его мнению, термин «национально-освободительное движение» применительно к Кавказской войне появился позднее — в советский период из чисто политических побуждений¹⁵⁵.

По нашему мнению, процессы консолидации этнически разобщенного Северного Кавказа в единое государственное образование явились важнейшим фактором, определившим политическую обстановку в регионе, в том числе и вооруженное противостояние. Движущей силой и идеологией данного процесса явилась религия. На практике шла трансформация клерикального по сути и, конечно же, антироссийского по своему характеру движения в объединение на государственных началах по военно-феодальному, теократическому признаку. Именно в свете этого обстоятельства и следует рассматривать причины Кавказской войны, которая со стороны горцев протекала не против какой-либо определенной силы (в том числе и России), а за завоевание политической власти в регионе на государственном уровне или, употребляя современную терминологию, за самоопределение нации.

Непосредственно же вооруженная борьба в регионе была следствием процессов, обусловленных столкновением прямо противоположных интересов России и горцев Кавказа. Россия стремилась объединить в составе империи весь Кавказ и тем самым, во-первых, воссоединить свои южные провинции с Закавказьем, во-вторых, обезопасить их от набегов горцев и, в-третьих, снять военно-политическую блокаду. Все это противоречило интересам горцев Северного Кавказа, находившихся в процессе самоидентификации и поиска оптимальной модели образования своей государственности.

¹⁵⁴ Перевернутый мир бесконечной войны. Круглый стол //Родина. — 1994. — №3-4. — С. 19.

¹⁵⁵ См., там же.

Другим важным фактором, обусловившим напряженность в русско-кавказских отношениях, явилось также и то, что кавказская политика России и ее практическая военно-силовая реализация в корне противоречили идеологии нового религиозного движения и традициям народов региона, на протяжении столетий не являвшимися подданными какой-либо региональной державы. Подданство было формальным и чисто номинальным.

Третьим фактором, ставшим причиной военно-политического противостояния на Кавказе, явилось то, что именно Россия представляла собой единственную реальную силу, способную сдержать распространение воинствующего ислама на всю территорию Северного Кавказа, насильственно насаждавшего радикальные шариатские нормы.

Четвертым фактором, определившим генезис и эволюцию зародившегося радикального религиозного течения, явилась антифеодальная борьба беднейших слоев населения региона против старой знати. По существу, изначально на это и была направлена идеология самого движения, по крайней мере, в понимании первого имама Дагестана Гази-Мухаммеда. Характерно, например, его признание в процессе подготовки первой крупной военной акции мюридов – подчинения Аварии: «Аварские ханы не хотят признавать законы шариата. Значит, необходимо лишить их власти над правоверными»¹⁵⁶. Другими словами, имело место насильственное перераспределение власти между старой феодальной верхушкой региона и формирующейся новой этнократической элитой.

Отличительной чертой политических процессов на Северном Кавказе в начале 20-х годов XIX столетия стало также резкое обострение противоречий между Россией, изменившей

¹⁵⁶ Цит. по: Потто В.А. Кавказская война. В 5 т. – Ставрополь, 1993. – Т. 5. – С.137.

свой политический курс в регионе с опорой на местных феодалов и старшин, и представителями горских народов, выступавших в равной степени против собственных феодалов и российской администрации.

Пятым фактором явилось то обстоятельство, что с зарождением мюридизма (антироссийская направленность которого являлась его идеологической основой) России был объявлен газават идеологом этого движения Магометом Ярагским. По существу, России фактически был брошен вызов, и поэтому ей не оставалось ничего другого, как принять объявление войны и победить в ней.

Таким образом, следует констатировать, что сущность вооруженного противостояния на Северном Кавказе была обусловлена целым комплексом противоречий, конфронтационными по своей сути интересами, военно-силовой практикой и исторической традицией их реализации, а также объективными процессами развития России, ее территориальной экспансией на кавказском направлении и процессами самоидентификации этноконфессиональных образований региона. Саму Кавказскую войну следует определять как вполне закономерное и объективное явление, обусловленное асинхронным развитием двух междоцивилизационных центров силы.

Другая, не менее важная проблема исследования кавказской военной политики России связана с определением временных рамок Кавказской войны. Она является столь же дискуссионной как и определение сущностных аспектов войны. Прежде всего, это касается ее начального этапа, поскольку общепризнанным и бесспорным фактом завершения Кавказской войны стало подавление последнего очага вооруженного сопротивления горцев на Северо-Западе Кавказа в 1864 года в урочище Кбаада (Красная поляна).

Что касается начальной даты Кавказской войны, то ряд отечественных историков, например, сходятся на том, чтобы определить ее 1817 годом, непосредственно увязывая эту дату с появлением на Кавказе генерала А.П. Ермолова, который с назначением его на должность главнокомандующего Кавказским корпусом «принял решение о продвижении в глубь горских территорий и построении крепостей с последующим созданием сети дорог»¹⁵⁷. Это, по их мнению, положило начало полномасштабной колонизации региона Россией, следствием которой стала ответная реакция – вооруженное противодействие местного населения.

В отечественной историографии точка зрения, определяющая, что именно активная военно-силовая политика Ермолова положила начало Кавказской войне, является основной и в определенной степени официальной. Датирование начала Кавказской войны 1817 годом вошло практически во все справочники и энциклопедии.

Безусловно, период проконсульства генерала Ермолова на Кавказе знаменовал собой активизацию, прежде всего, российской военной политики, но это совсем не означает, что именно Россией, а точнее А.П. Ермоловым, была развязана Кавказская война. Это, по нашему мнению, не соответствует действительности, поскольку активизация политики России в данный период, жесткие меры по подавлению антироссийских вооруженных восстаний были лишь адекватным ответом на сами эти восстания. Что же касается инициирования нестабильности в регионе акциями самой русской военной администрации, то, очевидно, что состояние нестабильности, вооруженные столкновения с горцами на Северном Кавказе имели место задолго до А.П. Ер-

¹⁵⁷ См.: Попов В.В. Национальная политика Российского государства. – М.: ВУ, 1996.

молова. И уже одно это обстоятельство не позволяет считать 1817 год началом Кавказской войны. Его «нововведением» стала лишь практика регулярных репрессивных акций по отношению к горцам, совершавшим набеги на российскую территорию. Это свидетельствовало о том внимании, которое стало уделяться русской администрацией обстановке в регионе, о жесткой последовательности генерала А.П. Ермолова в реализации политики ее стабилизации. Таким образом, по мнению автора, неправомерно определять политику А.П. Ермолова, особенно на начальном ее этапе, как исходную дату Кавказской войны.

Интересна, в данной связи, и другая точка зрения, увязывающая начало Кавказской войны с получением «2 июля 1825 года командиром Отдельного кавказского корпуса и главноуправляющим Грузией генерала от инфантерии А.П. Ермоловым ... тревожного известия о вспыхнувшем в Чечне мятеже». Понимая всю значимость произошедшего, предвидя его возможные последствия, наместник, в целях локализации и подавления восстания, лично возглавил экспедицию по «усмирению Чечни». Решительными и вместе с тем жестокими мерами восстание было подавлено. Его локализация на определенное время сняла угрозу распространения волнений горских народов на значительную территорию Кавказа, и, прежде всего, на Дагестан. Очевидно, что это было одно из первых крупных вооруженных столкновений горцев с русскими войсками в 1-й четверти XIX в., но, тем не менее, увязывать его с началом Кавказской войны также нецелесообразно, по крайней мере, по причине того, что данному вооруженному выступлению в Чечне предшествовали аналогичные восстания в Кабарде в 1821 году, и еще ранее в Каракайтаге – в 1819 году и т.д.

Так, в частности, в 1823 году во главе с Ермоловым была осуществлена экспедиция в Чечню и Горный Дагестан с целью

предотвращения вооруженных выступлений против России. И хотя экспедиция в определенной степени носила демонстрационный, а не репрессивный характер, она в полной мере себя оправдала. Ее главное значение заключалось в том, что именно в данный период в кюринском селении Яраг зарождался мюридизм и уже прозвучало из уст его идеолога муллы Магомета слово «газават» – призыв к войне с Россией. Демонстрация силы Кавказского корпуса на целые семь лет оттянула открытое вооруженное выступление мюридов против России, удержав целые селения и общины от их поддержки.

В целом же, все вышеуказанные даты определения начала Кавказской войны носят условный характер и достаточно спорны, поскольку очевидна их привязка лишь к одному из знаменательных событий. По мнению автора, для более точного определения временных рамок Кавказской войны следует обратиться к наиболее ранним вооруженным антироссийским выступлениям в регионе с тем, чтобы определить генезис и предпосылки самой войны.

Особое внимание в этом плане привлекает восстание шейха Мансура (Ушурмы), находящегося за рамками официальных дат Кавказской войны, но, тем не менее, непосредственно с нею связанного в качестве ее предвестника. Хотя, по мнению, например, Х.-М. Ибрагимбейлы, восстание Мансура и является непосредственно началом Кавказской войны.

Безусловно, данная точка зрения заслуживает внимания, в силу того, что, во-первых, выступление шейха Мансура действительно было одним из первых крупных и достаточно организованных вооруженных выступлений в регионе, направленных против закрепления России на Северном Кавказе.

Во-вторых, данное восстание впервые (с объявлением Мансуром газавата русским) приняло религиозный характер. Этим

актом Ушурма заявил о себе как о духовном лидере мусульман Кавказа. В последующем его идеология была воспринята имамами Дагестана и Чечни.

Но все же, по мнению автора, этих аргументов недостаточно, чтобы определить данное вооруженное выступление как начало Кавказской войны, поскольку нет очевидной непрерывающейся связи между восстанием Ушурмы и последующими выступлениями имамов Чечни и Дагестана, например Гази-Магомеда и Шамиля.

Показательно также и то, что Мансур вел боевые действия не только против русских войск, России, но и против Турции. Особенность нового движения, по словам одного из первых биографов Мансура Г.Н. Прозрителева, заключалась в том, что «пророк шел против мусульманского мира и даже против войск Падшаха и уничтожал турецкие гарнизоны. Все были грешниками, кто не шел за новым пророком, и подлежал истреблению»¹⁵⁸. Первые боевые действия отрядов Мансура связаны с осадой турецкой крепости Битлису. В целом же его конечной целью являлось, по словам самого шейха, завоевание Константинополя¹⁵⁹. Лишь с 1785 года Мансуром фактически была начата война против России, во время осады в июле-августе того же года Кизляра – стратегически важной для России крепости на Центральном Кавказе.

Следует отметить, что восстание шейха Мансура практически сразу же привлекло внимание к нему русского правительства. Первые сведения о шейхе в Петербурге были получены от генерала А.А. Пеутлинга, который 8 марта 1785 года сообщал: «За рекою Сунжою, в алдынской деревне сказался предсказатель

¹⁵⁸ См.: Прозрителев Г.Н. Шейх Мансур (Материалы для новой истории Кавказской войны). – Ставрополь, 1912. – С. 2.

¹⁵⁹ См., там же. – С.3.

о будущих событиях, преклоняющий, в невежестве по грубой слепоте суеверный народ к повиновению к себе»¹⁶⁰.

Для русского правительства значимость данного восстания определялась, прежде всего, тем, что происходило оно в преддверии очередной русско-турецкой войны (1787–1791 годов), а боевые действия с горцами Мансура зачастую происходили в непосредственной близости от турецких владений в регионе. Поэтому русские власти на Кавказе изначально рассматривали Ушурму как турецкого агента. Князь Г.А. Потемкин-Таврический еще в своем первом ордере на имя П.С. Потемкина от 26 апреля 1785 года, в связи с началом деятельности Ушурмы, спрашивал: «Нет ли каких сторонних тут подстреканий?»¹⁶¹. Екатерина II была аналогичного мнения и предполагала, что «правительство султана, узнав «об известном бродяге, горские народы возмущающем ... решило составить там себе партию во вред нам»¹⁶².

Представляет интерес и сама личность первого духовного идеолога Кавказской войны, к каковым, безусловно, может быть отнесен шейх Мансур. В отечественной историографии, вплоть до настоящего времени, нет однозначного ответа на его происхождение и главное – на причины и мотивы, побудившие его возглавить антироссийские выступления в регионе.

Традиция неоднозначного подхода к оценке личности шейха, его происхождению относится к уже концу XVIII века, т.е. современному его деятельности периоду.

Большинство отечественных историков, причем, как дореволюционного, так и современного периода Н.Ф. Дубровин, В.А. Потто, Н.А. Смирнов и другие¹⁶³ в работах по данной

¹⁶⁰ Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI–XIX веках. – С. 138.

¹⁶¹ ЦГАДА, разр. XXIII. д.13, ч. 10, л.426; Смирнов Н.А. Указ. соч. – С. 143.

¹⁶² Цит. по: Лесин В. Шейх Мансур //Родина. – 1994. – № 3-4. – С.58.

¹⁶³ См.: Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. – СПб., 1877; Потто В.А. Кавказская война. В 5 т. – Ставрополь, 1993; Смирнов Н.А. Указ. соч..

проблеме сходятся на кавказском происхождении Ушурмы – шейха Мансура.

Тем не менее, в отечественной историографии начала XX века более распространенной была историческая версия об итальянском происхождении шейха. Авторство данной версии принадлежит директору архивной комиссии Ставропольской губернии Г.Н. Прозрителеву, который в книге «Шейх Мансур», ссылаясь на документы архива Сицилийского короля, привел иную биографию шейха, назвав при этом и его настоящее имя – Джиовани Батиста-Боэти¹⁶⁴. Вплоть до настоящего времени эта версия, как и документы из архива Сицилийского короля, не подтверждены другими документами, но в то же время никем и не опровергнуты. Таким образом, данная версия имеет право на существование и предполагает необходимость отдельного научного исследования.

Само же восстание под руководством Мансура, очевидно, целесообразно считать не началом, а лишь предвестником Кавказской войны. Имел место, по крайней мере, целый ряд факторов, которые не дали восстанию перерасти в крупномасштабную войну против России. Прежде всего, это локальный характер самого восстания. Не позволяет вооруженное выступление Мансура считать началом Кавказской войны также и социальный состав его участников. Оно было обусловлено во многом случайными обстоятельствами и не отражало в полной мере всю этноструктуру региона или хотя бы ее значительную часть. Восстание не было поддержано ни одним из государственных или этнических образований региона. А в Кабарде и Осетии оно вызвало прямое противодействие со стороны коренного населения. По мнению Н.А. Смирнова, «религиозная

¹⁶⁴ См. : Прозрителев Г.Н. Указ. соч. – С. 10.

проповедь Ушурмы имела особенный успех среди наиболее отсталых в экономическом отношении и политически забитых горских народностей»¹⁶⁵. Не было данное восстание также и достаточно массовым, поскольку оно не имело своего постоянного состава, а численность зависела от целого ряда обстоятельств, прежде всего успехов или поражений самого Ушурмы в сражениях с русскими войсками. Например, уже при первом неудачном штурме крепости Кизляра 15-20 июля 1785 года начался массовый отход горцев от шейха. А по свидетельству одного из агентов коменданта Кизляра Али Алхасова, уже к октябрю 1785 года у шейха оставалось «войска не более трехсот и то совсем не из знатных, а из бродяг разных деревень»¹⁶⁶.

Таким образом, восстание шейха Мансура можно считать лишь одним из эпизодов военно-политического противостояния горцев Северного Кавказа России, не связанного непосредственно с событиями Кавказской войны и не являющегося ее определенным этапом. Руководствуясь же принципом первенства (кто первый поднял оружие против России), очевидно, следует определить, что специфика Кавказа, его объективная вовлеченность в войны и конфликты выводит данную проблему далеко за рамки военно-политического противостояния XVIII-XIX веках. Например, таким же образом, к началу Кавказской войны можно отнести и разгром отрядов стрельцов воевод Бутурлина и Хворостина в конце XVI века или же участие дружинников Святослава в боях за Семендер и Таматарху (Тмоторакань) в X веке и т.д.

Главным результатом восстания шейха Мансура, непосредственно увязывающим его с Кавказской войной XIX века, явилось то, что Ушурмой был эффективно использован религиозный фактор. Это стало в последующем тем фундаментом,

¹⁶⁵ См.: Смирнов Н.А. Указ. соч. – С. 138.

¹⁶⁶ См., там же. – С. 140; ЦГАДА, разр. XXIII, д.13, ч.10, л.372.

на котором зиждились корни воинствующего ислама в его кавказской интерпретации – мюридизма. И уже в начале XIX века эстафету идеологического обоснования вооруженного противостояния России перенял другой мусульманский проповедник мулла Магомет из дагестанского селения Яраг. Его активная деятельность началась в 1823 году, и именно он по праву считается основателем кавказского мюридизма. Магометом Ярагским первым также в XIX веке были произнесены и слова газават, означавшие призыв к священной войне против России.

С момента формирования мюридизма и следует, очевидно, считать начало Кавказской войны, поскольку была создана та реальная вооруженная сила, которая в последующем и противопоставила себя России на Кавказе. Сама проблема мюридизма в отечественной историографии исследована достаточно основательно в работах советских авторов С.К. Бушуева, Н.А. Смирнова, Х. Хашаева и других¹⁶⁷. Большое внимание ему было уделено и в исследованиях дореволюционных историков Кавказа Н.Ф. Дубровина, В.А. Потто и Р.А. Фадеева¹⁶⁸.

Вот как описывает, например, зарождение этого движения В.А. Потто в книге «Кавказская война»: «Мулла Магомет рассылает своих последователей – мюридов, которые с деревянными шашками в руках и с заветом гробового молчания обходят горы и аулы Казикумыка. В стране, где семилетний ребенок не выходил из дома без кинжала на поясе, безоружные, встречаясь с прохожими, ударяли по земле три раза деревянными шашками и с безумной торжественностью восклицали: «Мусульмане – га-

¹⁶⁷ См.: Смирнов Н.А. Мюридизм на Кавказе. – М.: Изд-во АН СССР, 1963; Он же. Характерные черты идеологии мюридизма. – М., 1956; Хашаев Х. Движущие силы мюридизма в Дагестане. – Махачкала, 1956; Фадеев А.В. Мюридизм как орудие агрессивной политики Турции и Англии на Северо-Западном Кавказе в XIX столетии // Вопросы истории. – 1951. – №. 9.

¹⁶⁸ См.: Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. – СПб., 1877; Потто В.А. Кавказская война: В 5 т. – Ставрополь, 1993; Фадеев Р.А. Шестьдесят лет Кавказской войны. – Тифлис, 1860.

зават! Газават!». Мюридам было дано только одно это слово, на все остальные вопросы они отвечали молчанием. Впечатление было необычайное; их принимали за святых, охраняемых роком, и горцы ... стали тысячами стекаться на поклонение к мулле Магомету»¹⁶⁹.

Только жесткая и бескомпромиссная позиция наместника на Кавказе генерала А.П. Ермолова, проявленная им в ходе подавления чеченского восстания, не позволила уже в 1825 году этому теократическому по своей сути движению перерасти в единое вооруженное выступление. Вплоть до начала 30-х годов это движение так и оставалось в рамках религиозной пропаганды. И, по крайней мере, на определенное время данная проблема для России была снята.

Вновь с особой остротой она проявилась лишь тогда, когда начавшаяся в 1826 году война с Персией и последовавшая сразу же за ней война с Турцией (1828–1829 годы), надолго отвлекли внимание командования Кавказского корпуса от событий на Северном Кавказе. Именно в этот период здесь набрало силу экстремистское теократическое движение – мюридизм, сыгравшее важнейшую роль в организации антироссийского сопротивления на Северном Кавказе.

Очевиден тот факт, что мюридистское движение, которое призывом своего идеолога Магометом из аула Яраги в 1823 году объявило священную войну не только России, но и всем тем, кто не поддерживал мюридов в их антироссийском вооруженном сопротивлении, не было и не могло быть национально-освободительным. Главной целью преследуемой мюридами в процессе вооруженного сопротивления России было не освобождение народов Северного Кавказа, а их подчинение ислам-

¹⁶⁹ Потто В.А. Указ. соч. – Т. 5. – С. 22-23.

ской теократической верхушке, стремившейся к узурпации всей власти в регионе посредством насильственного распространения норм шариата и образования исламского теократического государства, без каких-либо национальных или культурных различий (по принципу – один аллах, один имам, один народ). Характерно, что этот тоталитарный, по своей сути, лозунг широко используется и в наше время северокавказскими экстремистами. Единственной силой, способной противостоять этим экстремистским замыслам, была Россия, поэтому против нее и был направлен основной идеологический и вооруженный вектор деятельности мюридского движения.

Вооруженную деятельность мюридов возглавил провозглашенный Магометом Ярагским имамом Дагестана и Чечни Гази-Мухаммед (часто его называли еще и Кази-мулла). В 1829 году ему удалось поднять на газават против русских значительную часть населения Дагестана.

Принципиально важным в оценке деятельности Гази-Мухаммеда является то, что он так же, как и ранее шейх Мансур, в организации антироссийского восстания использовал наиболее действенный фактор консолидации горцев – ислам, который в силу специфики региона, его социально-экономических и политических проблем в ряде местностей Северного Кавказа в XIX века принял воинственный, радикальный или, как теперь говорят, фундаменталистский характер. При этом Гази-Мухаммед понимал, что победить Россию в открытом противостоянии невозможно без консолидации и вовлечения в борьбу против нее всех или большинства горских народов. Поэтому первые его военно-политические акции были направлены не непосредственно против России, а на повсеместное и зачастую насильственное распространение норм шариата среди горцев, как важнейшего идеологического фактора антироссийского воору-

женного восстания. Именно таким, военно-силовым, образом шло, например, распространение шариата в Аварском и Мехтулинском ханствах, Андийском и Гумбетовском обществах, ряде других территориальных образованиях Дагестана.

Другим важнейшим аспектом деятельности руководства мюридистского движения явилось стремление к достижению сильной политической власти на уровне государственного образования, которое нужно было захватить или покорить. Выбор по целому ряду причин пал на Аварское ханство – наиболее развитое и влиятельное в регионе, часть населения которого во главе с его правителями принесла присягу на верность России, другая же часть – восприняла нормы шариата. В этом плане Гази-Мухаммеду был нужен поучительный пример расправы с верными России феодальными владетелями. Выбор Аварского ханства объяснялся также и тем обстоятельством, что Гази-Мухаммед (также как и последующие имамы – Гамзат-бек и Шамиль) был аварцем по национальности.

В мае 1830 года с 8-тысячным отрядом мюридов Гази-Мухаммед сделал первую (неудачную) попытку захватить столицу Аварии – аул Хунзах. Оборону Хунзаха возглавила ханша Паку-бике. Именно от нее мюриды во главе с Гази-Мухаммедом потерпели поражение. Большого оскорбления на Кавказе нанести новоявленному имаму было невозможно. Поэтому сразу же после неудачной осады Хунзаха большинство мюридов, разочаровавшись в имаме и в идеях им проповедуемых, покинуло движение.

Таким образом, на первоначальном этапе движение мюридов еще не представляло собой достаточно значимую военно-политическую силу, что позволяло русскому командованию, выражаясь словами генерала А.П. Ермолова, «средствами малыми отвратить худые следствия». Но именно этого военная администрация на Кавказе и не сделала, упустив тем самым

наиболее благоприятный момент в пресечении деятельности экстремистского движения, открыто объявившего войну России. Одной из причин этого явилась исключительная нерешительность и боязнь ответственности сменившего А.П. Ермолова на посту главнокомандующего Кавказским корпусом фельдмаршала И.Ф. Паскевича, который не мог без ведома императора самостоятельно принять решение на подавление восстания. В этом и заключается первый негативный по своим последствиям урок, который получила русская армия на Кавказе, а именно: своевременное непринятие мер по пресечению признаков опасности значительно увеличивает ее масштабы.

В 1830 году, после хунзахских событий, военный министр России А.И. Чернышев доложил Николаю I об обстановке в Дагестане. По итогам доклада император отдал военному ведомству и лично И.Ф. Паскевичу секретные распоряжения относительно движения Гази-Мухаммеда. По мнению Николая I, военное подавление движения мюридов необходимо было включить в общий план покорения горцев. Вместе с тем российский император понимал, что широкомасштабные карательные меры на Северном Кавказе способны вызвать всеобщее недовольство местного населения и подъем движения Гази-Мухаммеда. Поэтому в своем секретном распоряжении он поручил И.Ф. Паскевичу объявить горцам, что российское правительство гарантирует им полную веротерпимость и свободу вероисповедания в настоящем и будущем, а также «внутреннее благоустройство с сохранением всех их выгод и преимуществ». Иначе говоря, Николай I доводил до горцев Северного Кавказа свой главный политический принцип, согласно которому он не только «строго и неизбежно наказывает восстающих против его власти и умеет усмирять нарушителей своих обязанностей», но и решает мирным путем вопросы «благоустройства» горцев.

Такой подход нанес ощутимый удар по мюридистскому движению и еще больше увеличил отток его участников, поскольку на некоторое время у горцев была подорвана вера в необходимость дальнейшей вооруженной борьбы с Россией. С Кази-муллой остались лишь жители его родного аула Гимры, а представители других «вольных» обществ фактически покинули имама. Вскоре проблематичной для имама стала и поддержка со стороны гимринцев. Поскольку непосредственно в Гимры был направлен отряд барона Г.В. Розена, угрожавшего репрессиями восставшему местному населению. Из Гимры барону выслали старшин, которые принесли присягу на верность России. Тем самым, как посчитал Г.В. Розен, источник восстания был ликвидирован. Об этом и было доложено в Петербург, а отряд был возвращен на зимние квартиры в район Владикавказа. Это, как показало развитие дальнейших событий, явилось следующей стратегической ошибкой кавказского командования. Поскольку оно, объявив войну движению, тем не менее, не предприняло никаких решительных мер по пресечению восстания и исключению его признаков в последующем.

Русское военное командование в лице генерала Г.В. Розена, таким образом, проявило удивительное легкоеверие и неадекватно отреагировало на достаточно распространенный в тот период тактический прием мюридов – лицемерное проявление покорности. Капитан Генерального штаба Д.А. Милютин по этому поводу писал, что «тут не было ничего другого, кроме коварного средства, употребляемого горцами в крайности, чтоб только избавиться от бедствий войны, ибо, не придавая никакой цены вынужденной присяге перед неверными, они готовы были снова к враждебным действиям, лишь только отряд наш оставлял горы»¹⁷⁰. Именно

¹⁷⁰ Милютин Д.А. Краткая записка о Кавказских делах и желаемом образе действий в этом крае //Известия императорской Николаевской военной академии. – № 43, июль 1913.

это, в конечном итоге и произошло. Возвращение отряда Г.В. Розена было истолковано не иначе, как проявление слабости России. И поэтому Гази-Мухаммеду достаточно легко удалось убедить мюридов в том, что барон Г.В. Розен не вступил в Гимры только лишь из-за страха и что им теперь «нечего бояться русской славы и должно идти на них смело». При этом имам уже указывал на Тарки и Андреевскую деревню как на новые направления дальнейших военно-политических действий.

Выбор этих населенных пунктов объяснялся тем, что там располагались российские войска, с которыми можно было уже помериться силами. Имам разворачивал острие своего движения уже непосредственно против России, осознавая при этом, что борьба с огромной державой не могла принести успеха. Но в тот период война с Россией, запрещавшей набеги, а теперь еще и лишавшей имама перспектив захвата Аварского ханства, должна была подтолкнуть к участию в движении тех, кто накануне отошел от Гази-Мухаммеда. Кроме того, по расчетам имама, война с Россией давала не только политико-идеологический, но и материальный стимул. И поэтому через неполных два месяца, прошедших со дня поражения под Хунзахом, имам стал вновь набирать военную силу, а в 1831 году он одерживает первую значимую победу в Дагестане, захватив столицу его ведущего государственного образования г. Тарки. В последующем Гази-Мухаммед осадил крепости Бурную и Внезапную, а затем взял и Дербент. Бои разгорелись также на подступах к крепости Грозная и к Владикавказу. Под властью Гази-Мухаммеда, таким образом, оказалась значительная территория Северо-Восточного Кавказа (Чечня и часть Дагестана). В этот период российским военно-политическим руководством был допущен еще один стратегический просчет – в период наиболее острого кризиса движения мюридов не была обеспечена его полная локализация и исключение влияния на на-

селение региона. Закономерным результатом этого просчета стало полное восстановление сил мюридизма и распространение его влияния на значительную часть региона. Недооценка значимости вооруженного восстания и пренебрежение мюридами как серьезными противниками являлось главной отличительной чертой деятельности военно-политического руководства России и кавказского военного командования того времени.

И только лишь в 1831 года, т.е. на исходе второго года активной военно-политической деятельности Гази-Мухаммеда, когда под мюридами был уже фактически весь Северный Дагестан и Северо-Западный Кавказ, военно-политическое руководство России осознало всю опасность их деятельности, и попыталось предпринять радикальные меры по подавлению восстания. С этой целью ставший к тому времени главнокомандующим Кавказским корпусом генерал Г.В. Розен вновь предпринял поход в Чечню и Дагестан, население которых принудил прекратить сопротивление. Гази-Мухаммед под натиском российских войск отошел в горы и там в первом крупном сражении в районе его родного аула Гимры потерпел поражение и сам погиб в бою. Тяжелое ранение в этом же бою получил и ближайший сподвижник Гази-Мухаммеда – Шамиль. Таким образом, первое крупное сражение мюридов с регулярными русскими войсками окончилось его сокрушительным поражением, что свидетельствовало о слабости корней мюридистского движения на данном этапе, его неорганизованности и неспособности противостоять в открытом сражении регулярным русским войскам.

Поражение в районе аула Гимры нанесло чувствительный удар по мюридизму. Горцы стали покидать движение, оказавшееся к тому же и обезглавленным. И последующие два года отличались относительной стабильностью в регионе, вплоть до провозглашения новым имамом Гамзат-бека, который, обра-

тившись к местным обществам с воззванием, обещая «богатую добычу и славу будущим участникам» его походов, фактически продолжил деятельность Гази-Мухаммеда. Свои экспансионистские мероприятия Гамзат-бек также начал с Хунзаха, покорить который в свое время не удалось его предшественнику. Столица Аварского ханства, таким образом, становилась не только крепостью, которой необходимо было овладеть с точки зрения военной целесообразности, но и символом возрождения мюридизма. Под Хунзахом решалась дальнейшая судьба и восстания, и в целом мюридистского движения.

Подойдя в 1834 году с 10-тысячным войском к Хунзаху, Гамзат-бек предъявил ультимативные требования – установление в ханстве шариата и участие в походах против русских. Ханша соглашалась на распространение шариата, но отвергла совместные военные походы на русские города и «русскую линию».

Защитники Хунзаха в конечном итоге потерпели поражение, но еще большее поражение в этом сражении потерпело командование Кавказским корпусом и в целом политика России на Кавказе.

Русское кавказское командование проигнорировало судьбу своего стратегического союзника в регионе, падение которого во многом предопределило потерю Россией влияния не только в Аварии, но и на большей части Северного Кавказа. В августе 1834 года семья аварского правителя Абу-Нусалхана, в том числе и его мать, легендарная ханша Паку-бике, за отказ выступить против России по указанию Гамзат-бека была полностью истреблена. После чего Гамзат-бек объявил самого себя новым аварским ханом.

Это явилось важнейшим просчетом для русского командования, предопределившим последующее кризисное развитие военно-политической обстановки в регионе. Потеря стратеги-

ческого союзника, являвшегося к тому же последним оплотом России в этой части Дагестана, значительно ослабляла позиции русских войск и оставляла их уже один на один с массовым антироссийским движением.

Новый имам мюридов Гамзат-бек так же, как и прежний, утверждал свою власть не только пропагандой идей мюридизма, но и силой оружия. В последующем на протяжении всей своей деятельности Гамзат-бек был озабочен укреплением личной власти и всячески стремился уйти от столкновения с русскими войсками, поэтому период его руководства характеризуется отсутствием активных боевых действий и вооруженных столкновений с Россией. Укрепление личной власти, а по существу, ее узурпация не могло не вызывать раздражения как в самом ханстве, так и в движении мюридов, и в конечном итоге Гамзат-бек в результате заговора был убит в том же году представителем аварской знати Хаджи-Муратом.

По настоящему боевые действия горцев с регулярными войсками разворачиваются лишь с началом активной деятельности третьего по счету имама Дагестана и Чечни – Шамиля, с именем которого и связываются основные события Кавказской войны.

В целом, можно сказать, что первый период вооруженного противоборства на Кавказе характеризуется целым комплексом стратегических просчетов и тактических ошибок русского военного командования на Кавказе. Оно недооценило опасность первых признаков антироссийского вооруженного восстания, негативную роль мюридизма как важнейшего идеологического фактора консолидации восставших, и, наконец, их военно-политической экспансии, подорвавшей в регионе роль и влияние России. Другими словами, русское военное командование на Кавказе в начале 30-х годов фактически своими руками создало себе противника, подавлять вооруженное сопротивление которого предстояло на протяжении последующей четверти века.

Война России против имамата Шамиля

В конце 1834 году движение горцев возглавил новый (третий) имам Шамиль, который, в отличие от своих предшественников, обладал качествами не только духовного (как Гази-Мухаммед) и военного (как Гамзат-бек) вождя, но и соединил в себе оба эти качества. Более того, Шамиль, в отличие от своих предшественников, был высокоодаренным и образованным человеком, обладал качествами государственного деятеля. Все это свидетельствовало, по крайней мере, о том, что с этого периода России противостоял умный, грамотный, решительный и стойкий руководитель восставших горцев, значительно превосходивший по личным качествам не только своих предшественников, но и некоторых военачальников Кавказского корпуса.

Поэтому неслучайно большинство исследователей Кавказской войны именно с периодом Шамиля и связывают основные события вооруженного противостояния горцев Дагестана и Чечни политике России на Кавказе.

Именно ему, в конечном итоге, удалось реализовать главную цель движения мюридов – создать теократическое государственное образование, которое вошло в историю как имамат Шамиля.

Деятельность Шамиля по руководству антироссийским движением осуществлялась по нескольким направлениям.

Во-первых, Шамиль, в качестве преемника Гази-Мухаммеда, особое значение придавал консолидации народов Северного Кавказа. Понимая невозможность открытого противостояния Российской империи и ее военной организации на Кавказе, имам основные усилия на данном этапе сосредоточил на объединении в борьбе против России всех народов региона. Особая роль в консолидации горских народов Шамилем так же, как и

прежними имамами, отводилась религии. Это делалось посредством введения норм шариата, явившихся наиболее эффективным средством по мобилизации горцев на вооруженную борьбу против России. С помощью религиозной пропаганды Шамилю удалось население восточного Кавказа «слить в один народ, готовый исполнять все его приказания ... прекратив междоусобные брани и родовые неприязни»¹⁷¹. В то же время данная консолидация не везде происходила одинаково добровольно и под воздействием только религиозной пропаганды, в ряде случаев она достигалась угрозами или непосредственно наказанием и истреблением горцев, не пожелавших отказаться от адатов и подчиняться шариатским нормам. Об этом свидетельствуют, в частности, письменные обращения самого Шамиля. Например, в обращении к обществу Антль-Ратль он пишет: «Мусульмане! Поспешите вместе с нами служить и чтить святую волю единого бога. Знайте, что «русские могут быть победителями, избави боже вас от такой мысли. Ежели вы удалитесь от бога и будете следовать советам неверных и повиноваться русским, поверьте, что кровь ваша и всё ваше достояние будет принадлежать нам, беглецам, и с нами участвующим»¹⁷².

Аналогичное послание было направлено и к обществу Кенак: «Ныне вы должны раскаиваться богу сердечным раскаянием и идите для возвышения веры и восстановления шариата его, хотя из каждого общества по двадцати человек, а в противном случае будет учинено на вас, что должно учинить на неверных»¹⁷³. Следует отметить, что имам не ограничивался лишь грозными посланиями и периодически совершал набеги на селения, принявшие подданство России.

¹⁷¹ Покровский М.Н. Дипломатия и войны России XIX века. – С.224.

¹⁷² См.: Ризванов Р. Дело имама Шамиля. – Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1992. – С. 211.

¹⁷³ Там же.

Тем не менее, несмотря на массированную пропаганду идей мюридизма, а также возможные репрессии по отношению к народом, не принимавшим нового учения, на довольно значительной территории Кавказа, особенно в его центральной части (Осетии и Кабарде), власть имамата так и не удалось утвердить в течение всей Кавказской войны.

Другое направление военной политики Шамиля заключалось в координации своей деятельности в борьбе против России с политикой ее противников – Турции и ряда европейских стран. По словам самого Шамиля, «вступив в войну с такой огромной империей, как Россия, я вынужден был искать надежных союзников. Свои услуги неоднократно предлагал турецкий султан, но в его словах я чувствовал неприкрытую корысть. Поэтому просил о помощи косвенной. В 1843 году направил ему письмо: «Теперь неверные стали сильнее против нас, и наше положение сделалось стеснительное, а потому мы все вместе просим тебя доставить нам помощь и принять нас под тень своего крыла. Если добра не сотворишь, то нет сомнения в неизбежной гибели этого народа, даже детей наших: какой ответ ты дашь благословенному пророку на том свете, когда он станет взыскать с тебя за удержание помощи своей от нас, заслуживавших таковую по вере»¹⁷⁴. Спустя 10 лет, в 1853 году, в новом послании Шамиль вновь просит у султана защиты и покровительства: «Мы, ваши подданные, получив от вашего величества осчастливившую нас бумагу, которая показалась неожиданно сошедшей с неба благодатью, приняли смелость обратиться со всеподданнической просьбой к порогу великого халифа, царю нашего мира, в той надежде, что мы, беззащитные, не будем отталкиваемы от всемилостивейшего нашего

¹⁷⁴ См.: Ризванов Р. Дело имама Шамиля. – Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1992. – С. 211.

султана и будем приняты в числе прочих его подданных под его могучее покровительство»¹⁷⁵. В этих посланиях к турецкому султану Абдул-Меджиду красной нитью проходит мысль о необходимости совместной борьбы с Россией. В то же время Шамиль отдавал себе отчет в том, что власть Турции в регионе также окажется колониальной, и поэтому далее переписки и обещаний продолжать воевать с Россией во взаимоотношениях с турецким правительством он не шел. Сам же факт переписки Шамиля с султаном дал основание в последующем советским историкам 40-х – начала 50-х годов обвинить Шамиля как ставленника Турции¹⁷⁶.

Третье направление деятельности Шамиля предполагало создание основ государственности горцев Дагестана и Чечни. Были выработаны и функционировали своеобразные устои государственности движения мюридов. Под властью Шамиля в этот период находились территории всего Северо-Восточного Кавказа, включавшие в себя практически весь Дагестан и Чечню. Для управления этой обширной территорией в имамате была проведена административная реформа, заключавшаяся в разделении ее на отдельные области. Для управления этими провинциями лично Шамилем назначались его наместники (наибы) из наиболее преданных и близких ему соратников. Таким образом, в имамате формировалась новая знать, по своим качественным характеристикам соответствовавшая в полной мере военной аристократии. Каждый наиб обладал практически неограниченной властью, не только военной и политической, но и судебной. Он мог даже смещать или назначать кадиев (судей). Безграничная власть наибов предполагала их

¹⁷⁵ Цит. по: Смирнов Н.А. Указ. соч. – С.213; Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов. (Сборник документов). – С. 367.

¹⁷⁶ См.: Фадеев А.В. Мюридизм как орудие агрессивной политики Турции и Англии на Северо-Западном Кавказе в XIX столетии // Вопросы истории. – 1951. – № 9.

безоговорочное подчинение имаму как в военных, так и в административных делах. «В горском обществе-войске, пропитанном духом войны, они были одновременно и генералами и губернаторами. Главной рекомендацией для получения этой должности являлись личная преданность Шамилю, соблюдение норм шариата, полководческие и организаторские способности, отвага. Социальное происхождение при этом не имело значения, поскольку подразумевалось, что перед аллахом все равны»¹⁷⁷.

Центральный административный аппарат имамата составляли канцелярия Шамиля и верховный совет. Канцелярия включала в себя наместника (заместителя имама), судью (кадия), писаря-секретаря, казначея, переводчика, трех чиновников (назыров), один из которых ведал вопросами снаряжения и снабжения армии, другой – общественным скотом, третий – общественным хлебом. Верховный совет состоял из 6 постоянных членов под председательством Шамиля, ему же принадлежал и решающий голос в совете, особенно по военным вопросам¹⁷⁸.

Имамат представлял собой не только совокупность этно-территориальных образований Кавказа. По существу это было войско-государство, аналогом которого являлись в средневековье европейские рыцарские ордена. На протяжении всей Кавказской войны имамат представлял собой единый военный лагерь, ориентированный в основном на войну с Россией. Для этого была проведена мобилизация всего боеспособного населения подконтрольных мюридам районов Чечни и Горного Дагестана. Все мужское население в возрасте от 15 до 50 лет обязано было нести военную службу. Войска были сформированы

¹⁷⁷ См.: Блиев М.М., Дегоев В.В. Указ. соч. – С.386.

¹⁷⁸ См.: Блиев М.М., Дегоев В.В. Указ. соч. – С.387-388.

в тысячи, сотни и десятки. Ядром армии Шамиля стала легкая конница, главную часть которой составляли, так называемые, муртазеки (конные бойцы). Каждые 10 дворов Шамиль обязал выставить одного муртазека. Было налажено изготовление артиллерийских орудий, пуль, пороха. Подвижные, приспособленные к действиям в горах войска мюридов легко выходили из боя и ускользали от преследования.

Таким образом, Шамиль в полной мере зарекомендовал себя как выдающийся политик, полководец и государственный деятель. Более того, современники Шамиля указывают на его удивительную образованность, что позволило, например, М.М. Блиеву и В.В. Дегоеву охарактеризовать его как первого историка Кавказской войны¹⁷⁹. Учитывая выдающиеся личные качества имама как государственного деятеля, русское командование на Кавказе на протяжении практически всей Кавказской войны преследовало цель привлечь его к совместному управлению регионом. Особое место в этом плане занимает встреча Шамиля с генералом Ф.К. Клюки фон Клюгенау, в ходе которой обсуждался вопрос о возможности встречи имама с Николаем I в Тифлисе, совершавшим в этот период инспекционную поездку в Кавказскую армию. В ходе данной встречи поднимался вопрос о возможности верховного управления Шамилем Северным Кавказом под неременным протекторатом России. Миссия генерала Ф.К. Клюки фон Клюгенау окончилась безрезультатно вследствие фанатизма одного из сопровождавших Шамиля наибов, не позволивших закончить встречу рукопожатием генерала и имама. Это была та точка бифуркации в истории Кавказской войны, определившая ее дальнейшее развитие.

¹⁷⁹ См.: Блиев М.М., Дегоев В.В. Указ. соч. – С. 199.

Четвертое направление предполагало непосредственно организацию и ведение военных действий против России. В этом плане примечательно следующее: если Гази-Мухаммед старался уклониться от прямых столкновений с русскими войсками, а в период правления Гамзат-бека вообще столкновений мюридов с русскими войсками не было, то боевые действия при Шамиле в полной мере приняли антироссийскую направленность. Более того, с момента прихода к власти Шамиля они приобрели особенно большой размах, систематизированный и ожесточенный характер, распространившись на всю территорию Северо-Восточного Кавказа. Это позволяет данное событие трактовать если не как начало Кавказской войны, то, очевидно, как начало определенного, особенно значимого события кавказской истории. Таковым, по мнению автора, и является война горцев Дагестана и Чечни под руководством имама Шамиля против России.

После разгрома у аула Гимры в 1832 году и гибели первого имама Гази-Мухаммеда, движение мюридов долгое время не могло оправиться. Активные военные действия возобновились лишь с назначением имамом Шамиля, после того как 18 октября 1834 года, русские войска штурмом взяли Старый и Новый Гочатль (главную резиденцию мюридов) и вынудили отряды мюридов отступить из Аварии. В результате этого нового поражения Шамиль вынужден был заключить перемирие с русской военной администрацией на Кавказе. В то же время окончательной победы достигнуто не было, и в результате сложилась уникальная ситуация, при которой ни одна из противоборствующих сторон не обладала значительным перевесом, необходимым для нанесения поражения другой.

Более того, уже в ноябре того же года Шамилю удалось взять реванш над русскими войсками при сражении у его род-

ного аула Гимры. Малозначительный конфликт закончился тем, что русский отряд под командованием генерала Ланского не выдержал натиска мюридов и покинул Гимры. Поражение русского отряда значительно подняло авторитет Шамиля в глазах горцев. Последующее развитие военно-политической обстановки в регионе можно охарактеризовать как состояние своеобразного вооруженного нейтралитета между русскими войсками и вооруженными формированиями мюридов. В этом заключался еще один стратегический просчет кавказского военного командования, поскольку данное состояние (ни войны, ни мира) было выгодно, прежде всего, Шамилю, который последовательно и целенаправленно, не вступая в открытые столкновения с русскими войсками, осуществлял активную военную экспансию против внутренних районов Дагестана. Посредством насаждения шариата и власти имама, эта экспансия уже к 1836 году привела к тому, что Шамиль подчинил себе все «вольные дагестанские общества» от Чечни до Аварии.

Что касается русского командования, то оно, в отличие от Шамиля далеко не лучшим образом распорядилось периодом временного затишья в Дагестане и Чечне. В практику действий частей Кавказского корпуса были введены регулярные карательные экспедиции, которые крупными силами преследовали, как правило, малозначительные цели. Д.А. Милютин, анализируя эти экспедиции, сделал вполне обоснованный вывод о том, что «мы не воевали с горцами, мы постоянно их наказывали»¹⁸⁰.

Таким образом, на протяжении целого ряда лет действия войска Кавказского корпуса в регионе носили в сущности оккупационный характер, с сопутствующими ему репрессиями против местного населения. Все это в значительной мере ослабляло

¹⁸⁰ См.: Блиев М.М., Дегоев В.В. Указ. соч. – С. 199.

войска Кавказского корпуса, поскольку боевым частям приходилось выполнять несвойственные им полицейские функции. Это, с одной стороны, развращало войска, а с другой, – формировало среди местного населения крайне негативное отношение к русским и подталкивало к переходу на сторону имама, увеличивая тем самым силы основного противника России.

Война с горцами, таким образом, принимала затяжной позиционный характер, при которой власть русской администрации распространялась только лишь на равнинные земли, Шамиля – в горах. Данное положение не могло продолжаться сколь угодно долго.

В конечном итоге к 1836 году Шамиль настолько почувствовал свои силу и значимость, что решил на равных вступить в переговоры с представителями русского командования на Кавказе. В результате переговоров было достигнуто соглашение о перемирии. Русское командование расценило это соглашение как большой успех. Главнокомандующий Кавказским корпусом генерал Г.В. Розен представил в своем рапорте в Петербург данное соглашение как окончательную капитуляцию Шамиля.

Сам же Шамиль расценивал соглашение с русским военным командованием исключительно как свою победу. Поскольку, договариваясь с кавказским командованием, он выступал уже в качестве самостоятельного владетеля «горного царства», вступившего в официальные отношения с «соседним государством», в данном случае с Россией.

Русское командование, таким образом, само того не желая, узаконило власть Шамиля в Дагестане, возвысило его в глазах горцев и в значительной мере подорвало свое собственное влияние в регионе. Негативный аспект еще более усилило намерение императора Николая I лично встретиться с Шамилем и его ближайшими сподвижниками для переговоров о

«полной покорности» и прекращении войны в горах. Царское правительство планировало пойти на уступки имаму и отдать под его власть часть Дагестана с тем, чтобы завершить любой ценой затянувшийся вооруженный конфликт на Кавказе. Позиция эта была заведомо проигрышная, поскольку она еще более укрепляла Шамиля в его стремлении к полному владычеству на Кавказе. И отказ Шамиля встретиться с царем достаточно откровенно свидетельствовал об этом.

В 1837 году период временного затишья закончился. Вновь в Чечне и в Северном Дагестане развернулись боевые действия, начавшиеся с занятием в 1837 году отрядом генерала К.К. Фези аулов Хунзах, Унцукуль и части аула Тилитль. Из-за больших потерь и недостатка продовольствия русский отряд оказался в тяжелом положении, и 3 июля 1837 года генерал К.К. Фези вновь заключил с Шамилем перемирие, которое также оказалось непродолжительным. Уже в следующем 1838 году Шамиль вновь развернул активные военные действия в Дагестане и Чечне, и к концу 1839 года в результате интенсивной экспансии ему уже подчинялись значительные территории в Северном Дагестане и часть Чечни.

Обострение военно-политической обстановки связано также и с тем, что в сентябре 1837 года Кавказ посетил император Николай I, оставшийся недовольным общим состоянием дел. В результате этого главнокомандующий Кавказским корпусом генерал Г.В. Розен был смещен и на его место назначен генерал Е.К. Головин. Общая политическая установка императора заключалась в том, чтобы как можно скорее одним мощным ударом подавить восстание горцев.

Затянувшийся конфликт на Кавказе не только отвлекал на себя значительную часть экономических, политических и военных ресурсов государства, но и все больше становился меж-

дународной проблемой России. Особую значимость кавказский вопрос приобрел в этот период во взаимоотношениях России с Великобританией, которая, с одной стороны, требовала, чтобы южная граница Российской империи проходила по Тереку, а с другой, – продекларировала свое стремление к созданию на Северном Кавказе независимого государства – Черкессии под британским протекторатом.

Осознав всю значимость кавказской проблемы, а также бесперспективность политического урегулирования конфликта, правительство Николая I решилось в 1839 году на проведение крупномасштабной военной операции против мюридов с тем, чтобы нанести сокрушительное поражение имаму. С этой целью было предпринято двухстороннее наступление на Северный Кавказ. На правом фланге десантный отряд генерала Н.Н. Раевского возвел ряд укреплений на Черноморском побережье. На левом фланге действовали Дагестанский отряд самого генерала Е.К. Головина и Чеченский – графа П.Х. Граббе. 20 апреля отряд генерала Е.К. Головина после упорного боя занял Аргун. Постепенно русские войска вытесняли горцев, и уже к лету 1839 года последние были загнаны в горы, отрезаны от своих равнинных, продовольственных районов и обречены были на изолированное полуголодное существование. В распоряжении Шамиля оставалось только одно укрепленное убежище – аул Ахульго. В этой крепости он был заперт войсками генерала П.Х. Граббе, которому, по словам М.Н. Покровского, «помогала вся конница Дагестана, т.е. дружины враждебных Шамилю ханов и беков»¹⁸¹. После 80-ти дневной осады резиденция Шамиля 22 августа 1839 года была взята, сам он с семьей мюридами едва спасся. В России торжествовали победу, но через восемь месяцев имам

¹⁸¹ Покровский М.Н. Указ. соч. – С. 224.

вновь объявился среди верных ему мюридов, а через полтора года он вновь стал «полновластным повелителем всего восточного Кавказа»¹⁸².

Поворотным пунктом в этом плане стало восстание в Чечне, поводом для которого стало введение кавказским командованием военно-административного управления для Чечни и Северного Дагестана. Как показал дальнейший ход событий, это решение было неверным и вредным по своим последствиям. Стремление как можно скорее поставить под контроль России горцев, у которых еще свежа была память о владычестве имама, сыграло дестабилизирующую роль. Характерно, что в высших кругах Петербурга обстановку на Северном Кавказе понимали лучше, чем в ставке главнокомандующего Кавказским корпусом. Еще в конце 1839 года военный министр А.И. Чернышев рекомендовал кавказской администрации на время оставить прежний образ правления и не вмешиваться в сложившуюся систему суда горцев. Эти рекомендации были проигнорированы, поскольку командование стремилось как можно скорее зафиксировать и узаконить сложившееся положение, не взирая ни на какие издержки, а тем более на зреющее массовое недовольство проводимыми административными реформами. Вся Чечня была наполнена слухами «о намерениях администрации обратить все население в рабство». Особым поводом для восстания явилось решение о разоружении населения. Вспоминая об этих событиях, Шамиль отмечал: «Я не без удовлетворения следил за попытками разоружить чеченцев и ожидал в любой момент восстания в Чечне». Чеченцы рассматривали насильственное изъятие оружия как страшное унижение, восстали и обратились за помощью к имаму.

¹⁸² Покровский М.Н. Указ. соч. – С. 224.

Таким образом, достигнутый успех военной кампании в Дагестане был сведен на нет ошибками в административном управлении. Вместо того чтобы привлечь население районов, находившихся под властью имама, кавказское командование силовыми методами решило насаждать неприемлемый для горцев порядок управления. Это сыграло решающую роль в продолжении вооруженного противостояния в регионе и восстановлении сил и влияния Шамиля.

Последующее пятилетие стало периодом самых больших военных успехов Шамиля.

Важнейшим событием этого периода войны стало сражение у реки Валерик, в результате которого Шамилю вновь было нанесено поражение и русские войска заняли Чечню. Однако, окончательной победы достигнуто не было, и, в целом, операции на Северо-Восточном Кавказе велись с переменным успехом. Горная местность совершенно не благоприятствовала действиям крупных масс войск и их обозов. В конечном итоге русское командование на Кавказе пришло к важному выводу: «Чем больше войск, тем больше затруднений и медленности».

Имамат же Шамиля, напротив, укреплялся в военно-политическом отношении, и уже с 1842 года горцы активизируют свою деятельность, нанося ощутимые поражения набегам мелкими партиями крупным воинским контингентам, нарушая коммуникации между ними. Более того, с начала 1843 года они в полной мере перешли к наступательным действиям, и в итоге к лету этого же года все русские укрепления в Дагестане и Чечне были разрушены и взяты, часть гарнизонов была истреблена, часть попала в плен. Связь между северным и южным Дагестаном была нарушена. Военные успехи Шамиля оказали значительное влияние на население региона, подняв на борьбу с Россией целый ряд общин. Так, по свидетельству

А.А. Керсновского, «весь Восточный Кавказ вспыхнул как порох. Авария была потеряна»¹⁸³. До 700 русских солдат и офицеров и десять русских орудий оказались в руках горцев. Сам командующий русскими войсками в Дагестане Ф.К. Клюки фон Клюгенау был заперт в Хунзахе (столица Аварского ханства) и с большим трудом был освобожден войсками князя Аргутинского¹⁸⁴. Обращает на себя внимание, в этом плане, тактика, избранная Шамилем против крупных воинских соединений: не биться лоб в лоб, а заманивать вглубь, в горы. В результате бесславно заканчивались в рассматриваемый период практически все направляющиеся против горцев военные экспедиции.

Главное, что определяло характер и тактику действий русских войск в этот период, являлось стремление одним сокрушительным ударом покончить с Шамилем. К этому обязывала воля императора, и частая смена командующих Кавказским корпусом объяснялась крайним недовольством Николая I, который не понимал, почему почти 200-тысячная группировка русских войск ничего не может сделать с 20-тысячным корпусом мюридов. Не понимал, потому, что война на Кавказе приобрела совсем иной, не схожий с войнами на европейском театре военных действий, характер. На Кавказе русским войскам противостояла не классическая европейская армия (и не подражание ей в виде турецкой или персидской), а иррегулярные формирования, своего рода вооруженная организация народа. А сама война, таким образом, обрела характер партизанской. Оценивая характер военных действий в Дагестане с начала 30-х до середины 40-х годов Ф. Энгельс, например, более чем восторженно отзывался о тактике горцев. По его мнению, «в борьбе за Кавказ, которая из всех войн этого типа принесла

¹⁸³ См.: Керсновский А.А. Указ. соч. – Т. 2. – С. 97.

¹⁸⁴ См.: Покровский М.Н. Указ. соч. – С. 224.

жителям гор наибольшую славу, горцы своими относительными успехами были обязаны наступательной тактике, которой они преимущественно придерживались при обороне своей территории... Сила сопротивления горцев заключалась в их непрерывных вылазках со своих гор на равнины, во внезапных нападениях. Иначе говоря, горцы были легче и подвижнее, нежели русские, и использовали это преимущество»¹⁸⁵.

Русские войска на Кавказе действительно проигрывали мюридам имама практически по всем направлениям: они были хуже вооружены, их тактика действий не учитывала горный характер театра военных действий. Достаточно сказать, что сомкнутый строй и удар в штыки традиционно оставались для русских войск общепринятым построением и наиболее распространенным тактическим приемом. Эта была общепринятая для европейских армия система ведения боевых действий. Горцы же этой системы нисколько не придерживались. Не имея штыков, они кидались в рукопашную только в самом крайнем случае. Обычная же их тактика была всецело построена на применении ружейного огня.

Становилось все более очевидным, что война с горцами принимает иной характер. Речь шла о новой для русской армии по форме, но старой по содержанию партизанской войне, где вместо наступления используется просачивание, где победа достигается распылением и истощением сил противника, а не его уничтожением.

В конечном итоге русское командование на Кавказе пришло к важному выводу: «Чем больше войск, тем больше затруднений и медленности». Горная местность совершенно не благоприятствовала действиям крупных масс войск и их обозов.

¹⁸⁵ См.: Энгельс Ф. Горная война прежде и теперь. Маркс К., Энгельс Ф. Изд. 2-ое. – Т.12.

Характерна в этом плане оценка хода военных действий в Дагестане с начала 30-х до середины 40-х годов XIX века английскими историками У. Алленом и П. Муратофф, по мнению которых, «на молниеносные набеги мюридов русские отвечали неуклюжими экспедициями»¹⁸⁶.

В конечном итоге Николай I начинал осознавать, что трудные проблемы Кавказа требуют новых подходов и решать их должны наиболее одаренные, компетентные и авторитетные люди с широкими полномочиями. Поэтому в 1845 году он назначил своим наместником на Кавказе и главнокомандующим Кавказским корпусом умного, решительного и пользовавшегося высоким авторитетом в армии генерал-лейтенанта М.С. Воронцова, предоставив ему по существу неограниченную власть в гражданских и военных делах.

В то же время император не расставался со своим убеждением, что Шамиля можно разбить одним ударом, если для этого удачно выбрать место и время. Как следовало из предначертанного им плана кампании 1845 года, главным шагом к подрыву господства имама должен быть захват «центра его владычества». Николай I, таким образом, игнорировал уроки всех прошлых военных кампаний на Кавказе, свидетельствовавшие о том, что взятие резиденции Шамиля ничего не давало, поскольку любой малодоступный аул мог стать новым «центром его владычества»¹⁸⁷.

М.С. Воронцов, находившийся в курсе событий на Кавказе, считал необходимым коренное изменение тактики действий войск Кавказского корпуса. Это мнение окрепло в нем после бесед с А.П. Ермоловым, к которому он специально заехал в

¹⁸⁶ См.: Блиев М.М., Дегоев В.В. Указ. соч. – С. 481, Alien W.E.D. and Muratoff P. Caucasian Battlefields. Cambridge, 1953. – P. 52.

¹⁸⁷ См.: Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. – С. 481

Москву перед отбытием к месту назначения. А.П. Ермолов находил порочной существовавшую систему боевых действий на Кавказе, при которой русские войска ежегодно проводили наступательные кампании в соответствии с заранее намеченными (часто Петербургом) целями, наносили поражения мюридам, захватывали аулы, приводили горцев к присяге, чтобы затем опять вернуться на свои опорные базы, малочисленные, отдаленные друг от друга, соединенные уязвимыми коммуникациями. Внешне казавшиеся успешными, эти экспедиции на самом деле были почти безрезультатными: после ухода русских власть Шамиля тут же восстанавливалась. Добиваясь тактических успехов в ряде операций, русское командование, тем не менее, проигрывало в главном – оно постепенно все больше утрачивало контроль над большей частью региона. Поэтому Ермолов предлагал отказаться от бесплодных сезонных кампаний и перейти к планомерной целенаправленной стратегии, предусматривавшей прорубку лесов, строительство широкой сети крепостей и дорог между ними, постепенное, методичное продвижение в глубь Дагестана и прочное закрепление на новых территориях. Рассчитанная на длительную перспективу, она не сулила немедленного успеха и требовала терпения, которого в Петербурге не всегда хватало. Воронцов был в принципе согласен с Ермоловым, но, тем не менее, был вынужден выполнять предначертанный императором план заставить Шамиля сражаться по общеевропейским канонам военного искусства и принять генеральное сражение. Понадобилась кровавая даргинская драма, чтобы эта иллюзия Николая I рассеялась окончательно, после чего император уже не вмешивался в руководство военной кампанией на Кавказе.

Даргинская операция занимает особое место в истории Кавказской войны, поскольку именно она оказала решающее

влияние на последующий ход вооруженного противоборства в регионе.

В начале лета 1845 года, выполняя указание Николая I, Воронцов во главе Дагестанского и Чеченского отрядов (около 10 тыс. солдат) начал наступление на аул Дарго – резиденцию имама. Шамиль отступал с оборонительными боями, заманивая противника за собой, и возле высокогорного аула Анди произошло ожесточенное сражение, в котором участвовало до 6 тыс. мюридов. Русскими войсками аул был взят, но никакого преимущества это не давало, поскольку Шамиль, предполагая такой исход, еще накануне сжег близлежащие селения, а жителей увел с собой.

Понимая всю бесперспективность дальнейшей операции, М.С. Воронцов, тем не менее, решил штурмовать Дарго, который теперь становился скорее символом победы, чем реальным стратегическим пунктом. Овладев с боями перевалом на подступах к резиденции имама, русские войска спустились в Дарго, но достигнутая цель оказалась ловушкой, блестяще подготовленной имамом. Разрушенный аул, покинутый жителями, представлял собой прекрасную мишень для артиллерийского и ружейного обстрела с окружавших его возвышенностей, с которых русские войска и начали методично растреливаться. Шамиль наглядно продемонстрировал талант стратега горной войны. Отрезанный от своих баз и практически полностью лишенный поддержки, отряд М.С. Воронцова вынужден был с боями прорываться из Дарго. Речь при этом шла уже не о сопротивлении мюридам, а о прорыве любой ценой. Более трети численности отряда потеряли русские войска в ходе этой операции, явившейся ценой за амбиции петербургских стратегов и их непонимание характера и специфики войны на Кавказе.

Для русского же командования поход в Дарго был тяжелейшим уроком и последней данью прежней стратегической системе, бесполезной и пагубной в условиях войны на Кавказе. Даргинский поход многому научил и самого генерала М.С. Воронцова. Наместник Кавказа понял, что путь к победе ведет только через медленную войну, постепенное закрепление за собой отвоеванных земель, строительство укрепленных поселений и вырубку лесов. Получив свободу действий, М.С. Воронцов приступил к стратегии медленного, но верного продвижения вглубь Дагестана и Чечни. Прежде всего, он считал необходимым окружить территорию имамата с севера, востока и юга цепью укреплений. Особое значение придавалось прокладке дорог, соединявших все эти военные пункты в единую систему. Таким образом, М.С. Воронцовым была разработана и постепенно реализовывалась комплексная блокада Шамиля в горных районах и отсечение его от равнинной Чечни.

Плоды этой системы постепенно давали себя знать. Целый ряд признаков указывал на то, что «блистательная эпоха» Шамиля приближалась к закату. Мюридам все реже удавались крупные походы, которые все чаще для них оборачивались столкновениями с русскими войсками. Это, как правило, означало для мюридов значительные людские потери, материальные убытки, истощение сил и не сулило добычи, составлявшей главную цель их военных занятий. Главное же преимущество горцев – мощный и стремительный натиск, нейтрализовался упорным сопротивлением, что резко снижало боевой дух горцев. Поэтому, как отметил один из наиболее опытных кавказских генералов Ф.К. Клюки фон Клюгенау, если набег горцев не дает немедленного успеха, то они, «утратив первый пыл», теряют дух и начинают расходиться по домам. Это было характерно для всего мюридистского движения. Русское командование, лишив мюридов

возможности совершать набеги с целью наживы, тем самым нанесло достаточно ощутимый урон движению.

«Новая система» Воронцова вынуждала Шамиля больше заботиться об оборонительных мероприятиях. С этого периода о гегемонизме и политико-идеологической экспансии Шамиля за пределы имамата уже не могло быть и речи. Для него теперь остро встала проблема сохранения существующих границ имамата, справляться с которой становилось все труднее и труднее, поскольку Воронцов настойчиво продолжал сжимать его территорию кольцом укреплений, а русские войска методично продвигались вперед, занимали равнины, основывали новые форпосты, соединяли их дорогами, оттесняли мюридов в горы. Шамиль, запертый в горы, лишенный возможности к активному сопротивлению, вынужден был безучастно наблюдать за собственной блокадой.

Позднее Шамиль, высоко оценил систему Воронцова, признав, что с 1845 г. в стратегии войны Россия вышла на верный путь¹⁸⁸. А личный биограф Шамиля М. Тахир, вспоминая о событиях конца 40-х годов заявил о том, что с «этого времени дела и предприятия Шамиля начинают быть безуспешными».

К концу 40-х годов обозначились и другие кризисные явления в развитии имамата, свидетельствовавшие о начале его заката. Наместники (наибы) имама в Чечне, Горном Дагестане и в ряде других регионов Северного Кавказа, подконтрольных Шамилю, превратились в крупных феодалов и стали жестоко эксплуатировать подвластное население. Обострились также внутренние противоречия, выразившиеся в том, что основная социальная база имамата – крестьянство стало отходить от

¹⁸⁸ См.: Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. – С.489.

Шамиля. Чечня, по мнению М.Н. Покровского, поддержала Шамиля не для того, чтобы променять один деспотизм на другой. «Она готова была временно подчиниться военной диктатуре Шамиля, но для государства мюридов с его своеобразной пуританской дисциплиной сравнительно зажиточная и мало склонная к аскетизму Чечня представляла плохую почву»¹⁸⁹. Имамат начал рассыпаться изнутри. Шамиль сумел завоевать власть, но удержать ее в течение длительного времени посредством жесткой регламентации всех сфер жизнедеятельности горских народов он не смог.

В 1848 году войска Шамиля потеряли Гербегиль, в 1849 году они потерпели поражение при штурме Темир-Хан-Шуры и попытке прорыва в Кахетию. На Северо-Западном Кавказе в этот же период было подавлено выступление черкесских племен во главе с наместником Шамиля Мухаммед-Эмином. В 1852 году Большая и Малая Чечня были отторгнуты от Шамиля, что в значительной мере лишало его источников продовольствия. Русские войска прочно закрепились на границе Центрального и Приморского Дагестана, а укрепление Лезгинской линии ослабило позиции имама и в Южном Дагестане, и к 1853 году Шамиль оказался полностью блокирован в Горном Дагестане, а отход от него значительной части населения этого региона еще более ослабил его позиции. Под властью Шамиля в Горном Дагестане оставались лишь несколько аулов, а численность мюридов не превышала 400 человек.

Сложилась ситуация, при которой можно было бы говорить о полном поражении имама и о завершении, таким образом Кавказской войны. Этого однако, не случилось, поскольку начавшаяся летом 1853 года русско-турецкая, ставшая впо-

¹⁸⁹ См.: Покровский М.Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. – С.224-225.

следствии Крымской, война дала новый импульс вооруженной борьбе горцев против России.

Анализ хода войны с горцами свидетельствует о том, что неудачные военные кампании русских войск и в целом сложившаяся социально-политическая обстановка в регионе предполагали необходимость изменения системы военных действий против горцев. Самое существенное заключалось в том, что необходимо было изменить систему управления регионом. Это в полной мере осознавалось самой военной администрацией на Кавказе. Более того, имела место своеобразная оппозиция колониальной политике царского правительства в лице Н.Н. Муравьева, Н.Н. Раевского, Д.А. Милютина и других представителей кавказской военной администрации, отстаивавших необходимость изменения всей военной политики России в регионе. Д.А. Милютин, например, еще в 1840 году в записке в высшие инстанции «О средствах и системе утверждения русского владычества на Кавказе» отмечает невозможность его осуществления лишь в результате военных действий, которые «должно сочетать с определенной политикой, обеспечивающей «моральное влияние» русского правительства на горские народы»¹⁹⁰. Аналогичную позицию занимал и генерал Н.Н. Муравьев – один из наиболее авторитетных критиков «ермоловской» системы покорения Кавказа. Показательно в этом плане то, что еще в 1841 году британский статс-секретарь министерства иностранных дел Великобритании лорд Г. Пальмерстон неожиданно посоветовал Петербургскому кабинету «придерживаться в отношении горцев политики, во многом совпадающей с предложениями Н.Н. Раевского и Д.А. Милютина. В беседе с русским послом Ф.И. Брунновым Г. Пальмерстон выразил мнение,

¹⁹⁰ См.: Дневник Д.А. Милютина. 1873-1875. – М., 1947. – Т. I. – С. 10-11.

что война – не лучший способ покорения черкесов; будучи образом их жизни, она их нисколько не страшит, а вот мирный быт разоружает и в конце концов укрощает. Цивилизуясь и приучаясь удовлетворять насущные нужды через торговлю, они постепенно оставят свои «дикие привычки»; и тогда завтра из них нетрудно будет сделать то, что сегодня не удастся силой оружия»¹⁹¹.

Все более очевидным становился тот факт, что использование силовых методов и крупных воинских контингентов для урегулирования военно-политической обстановки являются малоэффективными в борьбе против горцев. Война принимала партизанский характер. Россия все больше и больше втягивалась в Кавказскую войну, неудачи в которой поглощали не только военные, материальные и финансовые ресурсы, но и в значительной степени деморализовали войска Кавказского корпуса. Системный кризис в целом в Российской империи, в ее военной сфере сказался также и на качестве воинских частей, задействованных на Кавказе. Практически все последующие после Ермолова командующие Кавказским корпусом в реализации военной политики делали ставку на увеличение его численности, а не на совершенствовании тактики и стратегии ведения боевых действий. Это было отмечено, в том числе и самим Николаем I, поэтому очередное требование наместника графа М.С. Воронцова об увеличении численности Кавказского корпуса стало основанием его замены на этом посту генералом Н.Н. Муравьевым. Таким образом, происходила не просто замена командующих корпусом, а изменение подходов в реализации всей военно-административной политики России на Кавказе, поскольку Н.Н. Муравьев являлся открытым противником

¹⁹¹ См.: Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. – С. 450.

военно-силовых мер. Новый главнокомандующий Кавказским корпусом понимал бесперспективность военно-силовых акций против местного населения, поэтому сделал ставку на утверждение договорных отношений и нейтралитет горцев, предусматривая при этом и возможность привлечения самого Шамиля к управлению Кавказом. Этому во многом способствовало также и то, что активным союзником Н. Муравьева выступил Джемал-Эддин¹⁹², старший сын Шамиля, «возвращенный из аманатов», который «сохранил чувство преданности к отцу и благодарности к покойному Государю. Переписка, которую молодой Шамиль вел с ближайшим к местопребыванию его в горах генерал-майором бароном Л.П. Николаи, по словам самого Н.Н. Муравьева, указывала, что он все это время не изменился в чувствах преданности к Государю»¹⁹³.

Цель Н.Н. Муравьева заключалась в завершении войны не военными, а политическими мерами, посредством привлечения горцев к развитию торгово-экономических отношений в регионе. Следует отметить, что отчасти Н.Н. Муравьеву удалось реализовать свой замысел в том плане, что период его наместничества был одним из наименее активных в процессе функционирования имамата. Главным достижением данной политики явилось то, что войскам Кавказского корпуса не пришлось вести боевые действия на два фронта. С Шамилем не было достигнуто перемирие, однако этот период характеризовался своеобразным затишьем в Горном Дагестане и Чечне, что позволило сосредоточить основные усилия Кавказского корпуса на Карском и Мингрельском направлениях, наиболее опасных в регионе в период Крымской (Восточной) войны.

¹⁹² Джемал-Эддин до возвращения на Кавказ состоял на службе поручиком Владимирского полка, которым в свое время командовал Н.Н. Муравьев.

¹⁹³ См.: Муравьев Н.Н. Война за Кавказом в 1855. – СПб., 1877. – С. 10.

Следует отметить, что сам Шамиль в данный период не терял надежды на воссоединение с турецкими войсками, о чем свидетельствует, например, его переписка с турецкими командующими, действовавшими на Кавказском театре военных действий: Ибрагим-пашой (в 1853 году) и Омер-пашой (в 1854 году), с английским советником при турецкой армии в Карсе генералом У. Уильямсом и с самим турецким султаном¹⁹⁴.

В августе 1853 года он попытался прорвать Лезгинскую линию у селения Новые Закаталы, но вновь потерпел неудачу. В ноябре 1853 года турецкие войска были разбиты при Баткадыкларе, а попытки черкесов захватить Черноморскую и Лабинскую линии были отражены. Летом 1854 года турецкие войска перешли в наступление на Тифлис, одновременно отряды Шамиля, прорвав Лезгинскую линию, вторглись в Кахетию, захватили Цинандали, но были задержаны грузинским ополчением, а затем разбиты подошедшими русскими войсками. Это была последняя значительная военно-политическая акция Шамиля, после которой крупные вооруженные выступления им уже практически не предпринимались. Разгром же в 1854–1855 годах русскими войсками турецкой армии под Карсом и в Мингрелии окончательно рассеял надежды Шамиля на помощь извне.

Таким образом, были созданы предпосылки для того, чтобы с наименьшими издержками перевести военно-политические отношения с горцами Шамиля в область договорных. Очевидно, к этому был готов и сам Шамиль, разочаровавшийся в возможной помощи со стороны Турции и ее союзников, а также в самой возможности продолжения войны с Россией. Однако, перехода в мирное русло развития отношений русской военной администрации и горцев имамата не получилось, а со

¹⁹⁴ См.: Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI–XIX вв. – С.210–211.

смертью Николая I произошла очередная переориентация в кавказской политике России. Этому способствовали несколько обстоятельств. Во-первых, субъективного характера: генерал Н.Н. Муравьев-Карский в очередной раз оказался в опале уже у нового императора Александра II и был отозван с Кавказа. На его место в 1856 году был назначен генерал А.И. Барятинский, так же, как и М.С. Воронцов, в полной мере исповедовал «ермоловскую» систему военно-политической блокады горцев.

Во-вторых, России, а точнее, ее руководству после поражения в Крымской войне необходима была военная победа, способная поддержать пошатнувшийся авторитет самодержавия. Достигнуть военную победу можно было лишь на Кавказе над начинавшим уже агонизировать движением мюридов.

В-третьих, кавказское направление являлось стратегически важным для последующей политики России, где решались ее важнейшие геополитические цели, достигнуть которые, имея перед собой «неусмиренный Кавказ», было невозможно.

К 1858 году кольцо русских гарнизонов сомкнулось вокруг горной резиденции Шамиля – аула Ведено, где у имама были сосредоточены до 12 тысяч мюридов. В апреле 1859 года Ведено пал. Шамиль с 400 мюридами укрепился в ауле Гуниб, здесь 25 августа произошел последний бой имама. 26 августа 1859 года Шамиль решил прекратить борьбу. В этот день он вышел на встречу к князю Барятинскому, который встретил его в роще, в полутора верстах от Гуниба. Шамиль обратился к князю со следующими словами: «Я тридцать лет дрался за религию, но теперь народы мои изменили мне, а наибы разбежались. ... Поздравляю вас с владычеством над Дагестаном и от души желаю государю успеха в управлении горцами, для блага их»¹⁹⁵.

¹⁹⁵ Цит. по: Степанов С. Имам Шамиль //Родина. – 1994. – №3-4. – С.43.

Поражение Шамиля фактически означало конец организованного вооруженного сопротивления России. Таким образом, определяя временные рамки Кавказской войны, следует оговориться: если под ней понимать вооруженное сопротивление под руководством Шамиля, то оно ограничивается рамками 1834–1859 годов, если же брать в целом движение мюридизма – то, соответственно, временными рамками 1823–1864 годов.

20 ноября 1859 года капитулировали также основные силы черкесов (до 2 тыс. человек) во главе с Мухамед-Эмином на Северо-Западном Кавказе. Только на Черноморском побережье оставались отдельные очаги сопротивления. В 1859–1862 годах продолжалось продвижение русских войск в глубь гор, и в 1863 году они заняли территорию между реками Белая и Пшиш, к середине апреля 1864 года – все Черноморское побережье и территорию до реки Лаба. Занятие 21 мая 1864 года русскими войсками урочища Кбаада (Красная поляна), где находилась последняя база черкесов, завершило историю Кавказской войны. Хотя отдельные очаги вооруженных выступлений продолжали иметь место вплоть до конца 1884 года, на общем войсковом сборе в Сочи в этот же день (21 мая 1864 года) было объявлено об окончании войны.

Поражение Шамиля привело к тому, что значительная часть горцев Западного Кавказа выразила готовность подчиниться Российской империи. Многолетнее противостояние подорвало социальную, политическую и материальную основу вооруженных движений горцев, направленных против России. Но оставалась их идеологическая основа, поэтому практически одновременно с прекращением активного вооруженного сопротивления и разгрома мюридизма, на Кавказе зарождаются другие аналогичные радикальные религиозные течения, на-

пример, такие, как панисламизм с ориентацией на Иран и пантюркизм с ориентацией на Турцию.

Рассмотрение феномена Кавказской войны будет неполным без обращения непосредственно к личности самого Шамиля. Сложная и противоречивая по своей сути, именно она явилась генератором вооруженного сопротивления на Кавказе в течение практически 30-летнего периода.

Надо полагать, что Шамиль действительно являлся духовным, политическим и военным вождем горцев. Более того, во многом именно благодаря его личностным качествам Кавказская война приняла затяжной и ожесточенный характер. Поскольку Шамиль оказался не только военным, но и политическим и духовным руководителем движения сопротивления, во многом под его влиянием формировались цели и задачи войны, ее характер, сущность.

Примечательно, что личность имама, его историческая судьба в определенной степени схожа с судьбой другого кавказского правителя «проконсула Кавказа» генерала А.П. Ермолова, с которым судьба свела его лишь однажды, да и то не на Кавказе, а в Москве.

Когда имама в преддверии его почетной ссылки в г. Калугу привезли в Москву и спросили, что он хотел бы посмотреть: Кремль, Оружейную палату или Большой театр, Шамиль ответил: «Сначала я должен увидеть генерала Ермолова»¹⁹⁶.

Проконсул Кавказа и имам Дагестана и Чечни встретились 23 сентября 1859 года. Это была их первая и последняя встреча. Конечно же, едва ли она носила дружеский характер. Но эта была встреча двух властителей Кавказа, находившихся по разные стороны его «хребта».

¹⁹⁶ См.: Дойников Ю.В. Ты раскаиваться не будешь //Щит и меч. – 2008. – № 10.

Неслучайно поэтому личность и деятельность Шамиля в отечественной историографии, так же как и А.П. Ермолова, оцениваются в отечественной историографии неоднозначно, а характеристики от негативного восприятия до апологетики меняются в зависимости от политической конъюнктуры.

Показательно в этом плане то, что, несмотря на признание Кавказской войны после Великой Октябрьской социалистической революции прогрессивным явлением, отношение к личности самого Шамиля в отечественной историографии было по-прежнему сдержанным.

Своеобразный перелом в освещении его образа произошел в советской историографии в 1934 году после публично произнесенных слов И.В. Сталина: «Что же вы ничего не пишете о Шамиле? Он же был герой»¹⁹⁷. В результате этого появился целый ряд работ, освещавших с положительной стороны вооруженную борьбу имама против царской России и обосновывавших историческую значимость антиколониальной борьбы. В этом, безусловно, был элемент конъюнктурности. После 1944 года, вследствие депортации ряда народов Кавказа, произошел очередной перелом в освещении исторической роли и значения Шамиля. Наиболее распространенной и долгое время доминировавшей точкой зрения стала позиция М.Д. Багирова, который в статье «К вопросу о характере движения мюридизма и Шамиля» охарактеризовал Шамиля как ставленника Турции¹⁹⁸.

С последующей реабилитацией депортированных народов в конце 50-х годов XX столетия образ Шамиля долгое время находился в тени, поскольку официальная установка отечествен-

¹⁹⁷ См.: Перевернутый мир бесконечной войны. Круглый стол // Родина. – 1994. – № 3-4. – С.20.

¹⁹⁸ См.: Багиров М.Д. К вопросу о характере движения мюридизма и Шамиля // Большевик. – 1950. – № 13. – С. 21-22.

ной исторической науки заключалась в обосновании роли России в консолидации народов СССР.

С началом 80-х годов в связи с ростом национального самосознания, попытками восполнить пробелы в национальной истории остро встали проблемы истории вооруженного сопротивления в России, в том числе и на Кавказе. На фоне исследования этих проблем, а также в свете развития современной обстановки в регионе вновь происходит идеализация образа имама Шамиля. В этой связи уместно констатировать следующее: для того чтобы составить неверное представление о ком-либо или о чем-либо его обязательно следует идеализировать. Это в полной мере относится и к личности Шамиля, которого никак нельзя отнести ни к категории кавказских Робин Гудов, ни, тем более, к категории вождей национально-освободительного движения. Созданная Шамилем система управления имаматом отличалась крайне жесткой регламентацией и авторитаризмом. Народы, подвластные имаму, испытывали на себе еще больший гнет, чем со стороны «колониальных властей» или подвластных им местных правителей. Так, в частности, освободив народы Чечни и Горного Дагестана от власти русской администрации, Шамиль обложил их налогами, значительно более превосходящими прежние. Это и вызывало протесты северокавказского населения против Шамиля и проводимой им и его наибами политики. В то же время нельзя не отдать должное Шамилю как выдающемуся государственному и военному деятелю, обладавшему в этой области незаурядными способностями.

Таким образом, отношение к Шамилю в отечественной науке далеко не однозначное и определялось в зависимости от изменений в национальной политике государства и, соответственно, политической конъюнктуры, что не является критерием научности. Поэтому личность имама Шамиля, его деятель-

ность, по всей видимости, являются одной из наиболее перспективных проблем исторических исследований.

Анализ хода Кавказской войны, в целом вооруженного противоборства России горцев Дагестана, Чечни и Северо-Западного Кавказа свидетельствует о том, что она выходит за рамки обычного вооруженного противостояния между двумя определенными субъектами. Это действительно сложное социальное и военно-политическое явление, которое отражало всю палитру отношений, интересов и практических мер по их реализации. Вооруженное противостояние на Северном Кавказе приняло общекавказский характер. Об этом свидетельствует, по крайней мере, разнородный состав участников противостояния как с одной, так и с другой стороны. Это объясняется тем, что наряду с антироссийскими вооруженными выступлениями имела место и многовековая политическая ориентация на Россию более значительной части народов Северного Кавказа и их государственных образований, таких как: Осетия, Кабарда, Аварское ханство, Тарковский шамхалат и т.д., а также факт участия в борьбе против Шамиля формирований кавказских ополченцев, так называемой местной кавказской милиции.

С другой стороны, Кавказская война непосредственно связана с военно-политической экспансией России на Кавказ, явившейся, в свою очередь, объективным и закономерным следствием ее политического и экономического развития. Для самой России Кавказская война была обусловлена не только стремлением обладать той или иной территорией, но и необходимостью обеспечить стабильность и безопасность своих южных рубежей. Непосредственно вооруженное сопротивление утверждению России на Кавказе имело также объективный и закономерный характер. Во-первых, потому что Российское государство обладало в тот период наибольшей в

регионе военно-политической мощью. Во-вторых, Россия своей экспансией в регион действительно нарушала традиционный для народов Северного Кавказа характер жизнедеятельности, и прежде всего так называемую набеговую систему, долгое время культивировавшуюся в регионе и как, следствие этого, – разновидность работорговли.

Значение военно-политической экспансии России на Кавказ заключается также и в том, что она, в свою очередь, прекратила военно-политическую экспансию горских народов на север – в направлении сельскохозяйственных районов России и на юг – на территорию Грузии. Поэтому нельзя категорически утверждать то, что антироссийские выступления горцев, и тем более мюридистское движение, являлись только национально-освободительным движением, поскольку в ходе их вооруженных выступлений предполагалось насильственное утверждение своей власти, идеологии и крайне радикальной формы ислама народам не только христианским, но и мусульманского вероисповедания.

Военно-политическое противостояние на Кавказе России, Ирана и Турции

В отличие от противостояния с горцами Кавказа вооруженное противоборство с Турцией и Ираном уходит корнями в самое начало кавказской политики России, ее истоки. Уже с первых ее военно-политических акций в период царствования Ивана Грозного и Персия, и Турция обнаружили полное неприятие активности России в любой форме ее проявления. Все последующие акции Российского государства, будь-то признание поддан-

ства Кабарды, строительство городков на Сунже и Тереке, каспийский поход Петра I, политика Потемкина – Екатерины II по вовлечению кавказских народов в сферу влияния Российской империи и другие политические акции, немедленно отражалась обострением в русско-персидских и русско-турецких отношениях. Объясняется это тем, что формально Северный Кавказ на протяжении столетий находился под протекторатом Турции и Персии, являвшихся его религиозными и культурными центрами, поэтому влияние их в регионе было достаточно сильным.

В отличие от Северного Кавказа, Закавказье на протяжении длительного периода представляло собой владения этих двух держав. 29 мая 1555 года после 40-летней войны между Османской и Персидской империями был подписан Амасский договор¹⁹⁹, согласно которому вся территория Закавказья была поделена на их владения. Восточная Грузия (Картли и Кахетия), восточная часть южногрузинского государства Самцхе-Саатабаго, Восточная Армения, Шеки, Ширван и Карабах отошли к Ирану (Персии), а Имеретинское царство, Гурийское и Мингрельское княжества, западная часть Самцхе-Саатабаго и Западная Армения – Турции.

Особую значимость в развитии событий на Кавказе, особенно в его северной части, имел религиозный фактор. Необходимо отметить, что народы Северного Кавказа по-разному и в разное время приходили к выбору своей религии. Изначально значительная часть населения региона исповедовала христианскую религию, получившую свое распространение на Центральном и Западном Кавказе. В то же время исламская религия была принята в Дагестане, распространившись здесь вследствие арабской экспансии в VII веке. Вайнахские народы, и прежде

¹⁹⁹ Договор известен по названию г. Амассия (Амасья).

всего чеченцы, определялись с выбором религии довольно долго, и лишь с конца XVII века ислам получил распространения в ареалах их расселения. По этому поводу генерал А.П. Ермолов, например, как об упущенном историческом шансе пишет о факте исламизации ряда кавказских народов, предопределивших в последующем их жесткую военно-политическую конфронтацию России. По его мнению, русское правительство совершило ошибку, когда «допустило мусульманскую веру водвориться, явились озлобленные против христиан священнослужители; Порта с намерением таковых подсылала ... Люди, прежде нам желавшие добра, охладели, неблагонамеренные сделались совершенными злодеями»²⁰⁰.

Турция и Персия неоднократно пытались установить над регионом более полный военно-политический контроль. Османской империи в конечном итоге удалось закрепиться только лишь на территории Северо-Западного Кавказа. Власть Персии распространялась в основном на Северо-Восточный Кавказ. В то же время Дагестан в составе Тарковского шамхалата. Аварского ханства, Каракайтагского уцмийства и ряда других образований представлял собой комплекс достаточно сильных военно-феодалных владений, поэтому при необходимости мог оказать вооруженное сопротивление захватчикам. Об этом наглядно свидетельствует разгром в Дагестане в 1742 году непобедимого до тех пор шаха Надира, после которого Персия надолго отказалась от попыток силового подчинения Дагестана, довольствуясь при этом его признанием номинального подчинения.

Северный Кавказ был также и объектом вооруженного противоборства Персии и Турции, в ходе целого ряда их взаимных войн, практически не прекращавшихся на протяжении XVI–XVIII веков.

²⁰⁰ Записки А.П.Ермолова. 1798–1826 гг. – М: Высшая школа, 1991. – С.283.

Данное положение было достаточно выигрышным для России, которая выступала в регионе «третьей силой» и реализовывала, таким образом, свои интересы на Кавказе. В этой связи необходимо подчеркнуть важную особенность всей кавказской политики России, которая не завоевывала регион, а отвоевывала его у Турции и Персии. Практически все русско-турецкие, а с начала XIX века, и русско-персидские войны, договоры России с Персией и Турцией в той или иной мере касались государственных образований Северного Кавказа.

Другая особенность военно-политической обстановки на Кавказе определялась тем, что Турция являлась одновременно соперником и России, и Персии, между которыми нередко возникали вследствие этого союзнические отношения. Так, еще в конце XVI века шахом Годабендом после поражения Персии в 1586 году московскому царю были обещаны Баку и Дербент в обмен на помощь России в борьбе против Турции, с тем чтобы они не достались Оттоманской Порте.

В двадцатых годах XVIII столетия в результате каспийского похода Петра I Россией в регионе были приобретены прикаспийские провинции Дербент и Гилян, добровольно уступленные шахским правительством, не способным контролировать развитие ситуации в данных провинциях, в целях недопущения их турецкой оккупации. В то же время между Персией и Турцией ни разу за всю историю их отношений не было достигнуто союза для ведения совместной войны против России.

В конечном итоге в начале XIX столетия власть Персии и Турции в регионе оставалась лишь номинальной и в большей степени декларативной, но не реальной. Это не могло быть приемлемым для государств претендующих на ведущую роль в регионе и явилось основанием того, что уже начало XIX века

ознаменовалось вновь обострением русско-турецких и русско-персидских отношений.

В 1803 году Центральный и Восточный Кавказ становится в центре военно-стратегических планов завоевательной политики Ирана. По расчетам шаха Фетх-Али, в русско-иранской войне Кабарда, Осетия, Ингушетия и Чечня вместе с другими районами Кавказа должны были отойти к Ирану. В 1804 году вопреки сложившейся традиции мирного сосуществования на Кавказе начинается война с Персией, продолжавшаяся 9 лет и закончившаяся подписанием Гюлистанского договора (24 октября 1813 года). Согласно договору, Персия признавала переход к России Дагестана, Картли, Кахетии, Мегрелии, Имеретии, Гурии, Абхазии и части современного Азербайджана, где находились ханства Бакинское, Карабахское, Гянджинское, Ширванское, Шекинское, Дербентское, Кубинское. К России отошла также часть Талышского ханства. По договору России предоставлялось исключительное право иметь свой военный флот на Каспийском море.

Практически одновременно с русско-иранской войной в 1806–1812 годах России пришлось вести в регионе войну также и против Турции, ревностно следившей за действиями России на Кавказе и возобновившей под влиянием Великобритании и Франции притязания на утраченные ею в конце XVIII века районы Черноморского побережья. Тем самым она также стремилась взять реванш за поражение в войнах XVIII века и отвоевать уступленные России территории на Черноморском побережье, восстановить, таким образом, свое лидирующее положение на Северном Кавказе. Итогом данной войны стало подписание Бухарестского договора (28 мая 1812 года), по условиям которого Турция наряду с территориями на балканском направлении, уступала также и часть провинций на Кавказе.

Статья 6 Договора, в частности, предписывала Турции все пункты на Кавказе, «оружием... завоёванные». Такая редакция статьи явилась основанием для возвращения взятых в бою Анапы, Поти и Ахалкалаки, но одновременно и поводом для удержания Сухума и других пунктов, приобретённых Россией в результате добровольного перехода в русское подданство владетелей Западной Грузии. Тем самым Россия впервые получила морские базы на Кавказском побережье Чёрного моря²⁰¹.

И Турция, и Персия большие надежды в противостоянии России возлагали на антироссийские вооруженные выступления горцев. Более того, в ряде случаев эти выступления непосредственно инициировались Турцией и Персией. Обращает на себя внимание синхронность антироссийских внешнеполитических акций. Например, характерно, что на Северном Кавказе практически одновременно получали распространение призывы иранского шаха²⁰² и турецкого султана²⁰³ к старшинам и правителям региона с призывами к священной войне – газавату против России.

В фирманах, например, шаха Фетх-Али русские крепости Кизляр и Моздок упоминались не иначе, как пограничные пункты персидских владений. Как только началась война, шах обратился с фирманом «К кабардинским, чеченским и осетинским князьям, бекам, узденям, старшинам и народу». Все население региона должно было «позаботиться о том, чтобы со всех точек закрыты были им (русским – *И.Б.*) проходы, так что,

²⁰¹ См.: Внешняя политика России XIX и начала XX в. – Т. 6. – Сер. 1. – М., 1962. – С. 406-17.

²⁰² Фирман Фетх-Али шаха владетелю Табасарани // Акты Кавказской Археографической комиссии. – Т. V. – С. 151-152; Фирман Баба хана владетелям и старшинам каракайтагским и другим от 1811 года // ЦГИА Грузии, ф. Особо важных дел, д.2, л. 36,40; Владетелю Табасарани // Акты Кавказской Археографической комиссии. – Т.V. – С. 151-152.

²⁰³ Воззвание Юсуф Зия наши к Сурхай хану казикумыхскому от 15 зиль-кааде 1221 (сентябрь 1806 г.) // Акты Кавказской Археографической комиссии. – Т. III. – С. 528-529.

если бы они вторично вздумали перешагнуть в эту сторону, то были бы истреблены вами»²⁰⁴.

Аналогичным образом активизируется и деятельность турецкого правительства. Для реализации своих планов и привлечения к борьбе с Россией горских народов весной 1804 года султанская Турция использовала еще оставшиеся у нее укрепленные пункты на Черноморском побережье Кавказа, особое место среди которых занимала крепость Анапа. Через анапского пашу направлялись в Кабарду и другие районы Центрального Кавказа турецкие агенты, призывавшие «владельцев» Северного Кавказа выступить против России. В одном из писем к горцам, например, сообщалось, что паша получил от султана «на пяти кораблях войско, снабженное достаточным провиантом, оружием и всеми нужными принадлежностями, получив при этом повеление, чтобы все магометане единодушно на поражение неверного врага нашего себя употребили»²⁰⁵. Анапский паша также обещал, что все, кто выступит против России, будут награждены турецким золотом. «Многочисленные эмиссары турецкого правительства, – писал В. Потто, – снабженные султанскими фирманами, щедро одаривали деньгами и снабжали оружием влиятельных лиц, подстрекая горцев к поголовному восстанию против нас»²⁰⁶.

Однако деятельность ирано-турецких агентов не имела достаточного успеха среди горцев Северного Кавказа, и особенно на Центральном Кавказе, в Кабарде и Осетии, без которых доминирование в регионе было невыносимым. Представители Кабарды, например, следующим образом ответили на призыв турецкого султана: «Мы испытали уже несколько раз обольще-

²⁰⁴ См.: Акты Кавказской Археологической комиссии. – Т. II. – С. 804-805, 807, 822.

²⁰⁵ См.: ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6164, ч. 59. л. 9-10.

²⁰⁶ См.: Утверждение русского владычества на Кавказе. – Тифлис, 1904. – Т. III. – Ч. 1. – С. 80.

ние турецким золотом и довели себя до совершенного разорения так, что ежели бы не столько была милосердна Россия, то мы давно в корне были бы истреблены и при теперешних наших обстоятельствах, когда бог нас наказал и моровая язва истребила почти половину народа, до того дошли, что если бы Россия не помогла нам хлебом, то бы мы и последние все померкли голодной смертью»²⁰⁷.

Сложившаяся военно-политическая обстановка в регионе требовала от царского правительства реализации не только военно-оборонительных функций, но и стабилизации внутривнутриполитической обстановки на всем Северном Кавказе. В первую очередь это касалось необходимости нейтрализации попыток Персии и Турции в их стремлении вовлечь народы региона в вооруженную борьбу с Россией. Это достигалось привлечением крупных феодальных владетелей региона к совместному управлению Кавказом. Россия долгое время не претендовала на суверенитет феодальных образований Северного Кавказа, довольствуясь лишь их лояльностью и службой самих владетелей, заключавшейся в основном в недопущении вооруженных выступлений против России в их провинциях. Это позволило кавказскому командованию сконцентрировать основные силы Кавказского корпуса в Закавказье непосредственно на линии противостояния с Персией и Турцией. Таким образом, шло постепенное накопление сил и средств для более активной политики в регионе и сосредоточение усилий на отражении возможной внешней агрессии со стороны двух других региональных держав. В этих условиях России удалось, по достаточно точному замечанию Ф. Энгельса, создать на Кавказе сильную «операционную базу, нечто вроде наместничества, способного

²⁰⁷ См.: АКАК. – Т. III. – С. 651.

держаться некоторое время при нападении превосходящих сил, даже если коммуникации с самой Россией окажутся прерванными»²⁰⁸.

Оценивая значение кавказского наместничества как самостоятельную военно-политическую операционную базу России, Ф. Энгельс, очевидно, был прав. Но в то же время им не учитывался и другой фактор, в еще большей мере способствовавший укреплению позиций России в регионе, а именно пророссийская ориентация значительной части населения Центрального Кавказа, и, прежде всего, его ведущих государственных образований – Кабарды и Осетии, для которых власть России в регионе была не только желанной, но и условием их существования и развития. К тому же в начале XIX века стала давать свои плоды и политика Екатерины II, в результате которой большинство владельцев Северо-Восточного Кавказа принимали подданство России добровольно, а не под воздействием их вооруженного завоевания. Более того, побеждая в войнах с Турцией и Персией, Россия приносила освобождение кавказским народам от культурно-идеологического, религиозного и экономического гнета.

Не был учтен Ф. Энгельсом также и другой фактор: Кавказский корпус долгое время сознательно формировался солдатами и офицерами – представителями суворовской школы, привыкшими побеждать не числом, а умением. Во многом именно эти обстоятельства позволили России в ходе практически непрерывавшихся на протяжении первой трети XIX века войн вести успешную военно-оборонительную политику, сдерживая натиск Персии и Турции на Кавказе.

Особым этапом в политике России в отношении региональных держав явилась деятельность на Кавказе генерала

²⁰⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – М.: Госполитиздат, 1958. – Т.11.

А.П. Ермолова, его активная политика долгое время удерживала правительства Ирана и Турции от притязаний на кавказские провинции.

Особенно характерна жесткая позиция А.Ермолова, не допускавшая шантажа России войной со стороны Персии, являвшейся в тот период наиболее опасным противником России. Об этом достаточно образно пишет и сам Ермолов в письме к А. Закревскому по итогам своего Персидского посольства: «Происходило так, что я объявил министрам персидским, что если малейшую увижу я холодность или намерение прервать дружбу, то я для достоинства России не потерплю, чтобы они первые объявили войну, тотчас потребую (границ) по Араксу и назначу день, когда приду в Тавриз»²⁰⁹. К тому же, А.П. Ермолов сумел внушить персидским чиновникам, что является еще и потомком Чингисхана, что вызвало еще более трепетное уважение к нему²¹⁰ и соответственно нежелание воевать с Россией.

На турецком направлении, являвшемся в тот период второстепенным, отношения с руководством приграничных турецких вилайетов курировал один из наиболее доверенных А.П. Ермолова офицеров – полковник Н.Н. Муравьев (в последующем наместник на Кавказе Н.Н. Муравьев-Карский). Его основной задачей являлось удержание руководства приграничных вилайетов Турции от агрессивных действий в отношении России. И с этой задачей полковник Н.Н. Муравьев справился блестяще. Ему удалось не только нейтрализовать агрессивные антироссийские проявления, но и установить едва ли не союзнические (партнерские) отношения с турецкими пограничниками, с которыми проводились совместные акции по борьбе с

²⁰⁹ Цит. по: Давыдов М.Л. Оппозиция его величества. – С. 99.

²¹⁰ См.: Потто В.А. Кавказская война. – Т. 5. – С. 45.

контрабандистами и набегами, в равной степени, как на территории Закавказья, так и Восточной Анатолии.

На протяжении длительного времени этим выдающимся русским военным администраторам удавалось удержать Персию и Турцию от прямых вооруженных выступлений на Кавказе. Более десяти лет регион был свободен от посяганий на него со стороны других региональных держав, что по меркам XIX века с учетом специфики самого Кавказа было достаточно много.

Лишь в 1826 году руководство Ирана, подстрекаемое Великобританией, возобновило свои притязания на Кавказ, в том числе и на Дагестан, и начал боевые действия в Закавказье. Вновь, как и в ходе предыдущей войны, были направлены фирманы шаха на Северный Кавказ с тем, чтобы поднять на вооруженную борьбу против России народы региона. Эти воззвания персидского шаха, так же как и предыдущие, не оказали существенного влияния на развитие военно-политической обстановки на Северном Кавказе и практически никто из феодальных владетелей не подтвердил своего подданства Ирану, не было также инициировано в ходе войны и антироссийских вооруженных выступлений. Фирманы шаха были использованы лишь небольшими группами горцев, наиболее известным среди которых был Бейбулат, традиционно занимавшихся набегами на русские поселения. Воззвания шаха были необходимы этим группировкам для оправдания в глазах местного населения своих разбойных нападений на русские поселения. Поднять же на войну с Россией население всего Кавказа или какой-то его части персидскому правительству вновь не удалось.

Военная кампания с Персией 1826–1828 годов была последней в деятельности А.П. Ермолова в качестве главнокомандующего Кавказским корпусом. В 1827 году он сдал дела своему преемнику – генерал-адъютанту И.Ф. Паскевичу и отбыл с

Кавказа. Последнюю в истории России войну с Персией пришлось завершать уже новому наместнику, который, несмотря на свое неприятие генерала А.П. Ермолова, тем не менее, в полной мере продолжал использовать его методы.

Итогом войны стал окончательный отказ Ирана от притязаний на кавказские провинции. По Туркманчайскому договору 1828 года к России отошли Эриванское и Нахичеванское ханства, Иран также окончательно отказывался от притязаний на Дагестан в пользу России. В последующем, в течение всего XIX века. Иран не представлял для России угрозу на кавказском направлении. Более того, Россия неоднократно сама выступала гарантом независимости Ирана от попыток его расчленения Турцией, а затем и Великобританией. А северная провинция Ирана – Тавриз – вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции находился под совместным управлением русского и иранского правительств. Примечательно, что в 1918 году свой первый международный договор молодое советское правительство подписало именно с Персией в марте, а затем и с Турцией в апреле 1918 года. Важнейшим же значением победы России и установления мирных добрососедских отношений с Ираном стало ее окончательное закрепление на Северо-Восточном Кавказе, а также возможность в последующем использовать силы Кавказского корпуса на других направлениях.

Война с Турцией, закончившаяся в 1829 году подписанием Андрианопольского договора, еще более укрепила позиции России в регионе. По данному договору к России отошли крепости Ахалцих, Акалкалаки и все Черноморское побережье – от устья Кубани до Пристани св. Николая к югу от Поти. Таким образом, территория всего восточного побережья Черного моря (Северо-Западного Кавказа) была признана «вечным владением Россий-

ской империи». Это означало превращение всего Закубанья в часть России. Другими словами, Андрианопольский мирный договор юридически завершил присоединение к России народов Северо-Западного Кавказа и территорий, ими заселенных.

В конечном итоге, по мнению В.В. Дегоева, к началу 30-х годов XIX века общая геополитическая ситуация на Кавказе кардинально меняется²¹¹. Между Российской империей, с одной стороны, и Турцией и Ираном – с другой, не осталось ни буферной зоны (в виде Закавказья), ни естественных преград (в виде Кавказского хребта). Получив новую линию южной границы, Россия приобрела ключевой геостратегический плацдарм для создания непосредственной угрозы Восточной Анатолии и Западному Ирану, то есть непосредственно к подступам к Персидскому заливу и Индии. Владение Кавказом отдало в ее распоряжение также все важнейшие торговые магистрали в регионе, что позволило в последующем использовать Черноморское побережье и «Малый шелковый путь» в Прикаспии для экономического развития России.

О военно-стратегическом значении региона для России свидетельствует тот факт, что практически сразу же по окончании войны на Черноморском побережье по указанию императора было начато строительство Военно-сухумской дороги, с тем чтобы, с одной стороны, разгрузить Военно-грузинскую дорогу и не зависеть от возможных на ней осложнений с горами, а с другой – укрепить Черноморское побережье в случае возможных боевых действий на данном направлении. В этот период на побережье были воссозданы укрепления: Редут-кале, Сухум-кале, Бомборы, Пицунда, Гагра, Геленджик. В последующем были построены новые крепости: Абинское и Никола-

²¹¹ См.: Дегоев В.В. Региональные угрозы глобальному порядку (Кавказ в международно-геополитической системе XVI-XX веков) // Независимая газета. – 1997. – 16 октября.

евское на реке Абин в 1834 году; Кабардинское в Суджукской бухте – в 1836 году; Новотроицкое в устье реки Пшада и Михайловское в устье Вулан – в 1837 году.²¹²

Победа России в войне 1828–1829 годов надолго заставила Турцию отказаться от активной политики на Кавказе и ее притязаний на черноморское побережье. О Центральном Кавказе турецкое правительство уже и не вспоминало, считая его безвозвратно потерянным для Турции. Вплоть до начала 40-х годов XIX века русско-турецкие отношения были достаточно стабильными. Более того, разразившийся в 1832–1833 годах египетский кризис, поставивший под вопрос существование самой Османской империи, заставил султанское правительство искать своих союзников среди ведущих держав. В то время как большинство европейских государств безучастно наблюдали за агонией Турции, Россия приняла непосредственное участие в разрешении кризиса, выступив посредником между султанским правительством и восставшим египетским пашой Мегмет-Али, войска которого непосредственно угрожали Стамбулу. В целях предотвращения краха Османской империи Николай I направляет в Босфорский пролив эскадру кораблей, а высадившийся двадцатитысячный десант оккупирует Стамбул. Русскую миссию в Турции возглавлял кавказский генерал Н.Н. Муравьев²¹³. Именно благодаря его усилиям, были достигнуты договоренности между противоборствующими сторонами и подписан выгодный для России договор. Таким образом, подобно тому, как в первой половине XVIII века Россия предотвратила крушение Персии, в 1832–1833 годах усилиями политики России была сохранена государственность Турции. В ответ на это в 1833 году

²¹² См.: Скрицкий Н. Штурм с моря //Родина. – № 3-4. – С.36.

²¹³ Более подробно о миссии Н.Н. Муравьева и Стамбуле см.: Муравьев Н.Н. Русские на Босфоре. Из записок Н.Н. Муравьева (Карсского). – М., 1869; Муравьев Н.Н. Турция и Египет 1832 и 1833 годах. – М., 1870 – 1874.

был подписан Ункиар-Искелесский договор, секретная статья которого предполагала обязательства Турции запирасть проливы Босфор и Дарданеллы по требованию России²¹⁴. Для Российского государства это означало реализацию на практике ее стратегических интересов – обеспечение свободного прохода кораблей через черноморские проливы. Цель всей Восточной политики России была достигнута.

Мирные и добрососедские отношения России с Турцией продолжались вплоть до начала 40-х годов XIX столетия, когда турецкому правительству под влиянием европейских держав удалось добиться отмены важнейших положений Ункиар-Искелесского договора. Это не могло не отразиться негативным образом на состоянии русско-турецких отношений. Другой проблемой, традиционно и закономерно осложнявшей русско-турецкие отношения, являлся балканский вопрос, в котором Россия, объявившая себя защитницей подвластных Турции христианских народов Балкан, всемерно поддерживала их антитурецкую борьбу. Ответной реакцией Турции была соответствующая деятельность на другом уязвимом уже для России направлении – кавказском.

Практически с начала 40-х годов начинается новый этап противостояния России и Турции на Кавказе, проявляющийся пока еще в скрытом противостоянии посредством оказания султанским правительством идеологической и материальной помощи восставшим горцам. Наиболее значимо это выразилось в непрекращавшейся на протяжении 40–50-х годов контрабанде оружия из Турции на Кавказ. С другой стороны, Османская империя была единственной военно-политической силой в регионе, близкой восставшим горцам по этническим, конфессиональ-

²¹⁴ См.: Юзефович Т.А. Договоры России с Востоком: политические и торговые. – С. 78.

ным и другим признакам, способной организованно выступить против России и поддержать их борьбу. Главным в этом плане явилась общность целей руководителей имамата и султанского правительства – нанести поражение России. В соответствии с этим осуществлялась идеологическая и материальная поддержка движению.

В то же время именно Турция явилась той военно-политической силой, ставку на которую делали имамы Дагестана в ходе своей вооруженной борьбы с Россией. Понимая невозможность самостоятельного вооруженного сопротивления России, ими делалась ставка на совместные действия с Турцией, в которой они видели своего естественного союзника. Об этом, частности, свидетельствуют письма самого Шамиля султану Абдул-Меджиду в 1843, 1853 годах. В ходе войны горцами нередко использовалась и турецкая государственная и религиозная символика. Сыну Шамиля Гази-Магомеду, например, был прислан штандарт султана²¹⁵, о чем в письме к барону Николаи сообщил Джемал-Эддин (старший сын Шамиля), выполнявший роль секретаря при имаме. При этом сам Джемал-Эддин добавляет: «В пятницу 30-го октября я запечатал письмо к турецкому Султану. Очень хотелось приписать к нему несколько слов, что при следующем случае непременно сделаю, чтобы он перестал морочить горцев»²¹⁶. Это свидетельствует о характере отношений определенной части горцев имама к политике Турции, разделяемых впрочем и самим Шамилем.

Сам факт начала новой русско-турецкой войны горцы имамата восприняли с воодушевлением. Шамиль по этому поводу объявил, что султан-халиф призывает всех правоверных на Кавказе к священному походу против России. В этот же год

²¹⁵ См.: Муравьев Н.Н. Война за Кавказом в 1855 г.: В 2-х т. – СПб., 1877. – Т. 2. – С. 372.

²¹⁶ См.: Юзефович Т.А. Договоры России с Востоком: политические и торговые. – С. 78.

Шамилем была сделана даже попытка крупной войсковой группировкой прорвать Лезгинскую укрепленную линию и вторгнуться в Грузию с тем, чтобы выйти на соединение с турецким экспедиционным корпусом. На всех участках Кавказской линии участились также набеги горцев на русские укрепления и казачьи станицы. Но сложившаяся и достаточно успешно функционировавшая к тому времени система «Воронцова-Барятинского» делала набеги неэффективными, а неудачный прорыв в Кахетию заставил Шамиля надолго отказаться от активных военных действий.

Таким образом, полной консолидации действий против России у Турции и горцев имамата не получилось. Шамиль в последующем занял выжидательную позицию. При этом, допуская все же в перспективе победу Турции и восстановление османского господства на Кавказе, он надеялся на дружественные отношения с будущим могущественным соседом, его военную, политическую и экономическую помощь²¹⁷. Шамиль понимал: чтобы заслужить право на такую поддержку со стороны Порты, нужно и самому проявлять хотя бы показную активность. Поэтому он стремился не столько предоставить туркам реальную помощь, сколько подать им знак солидарности, получив тем самым моральное право в случае поражения России считаться соучастником победы. Об этом свидетельствуют послания самого Шамиля в Карс, из которых явствует, что в значительной мере имама заботило то, чтобы «в Турции не думали, что мы ничего не делаем, — мы тоже действуем». Он уверял командующего карским гарнизоном Мехмеда Валид-пашу и его английского советника У. Уильямса, что усердно молится о соединении с турками, но все в руках всевышнего и нужно

²¹⁷ См.: Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. — С. 536.

отдаться его воле, ибо для всякого дела у аллаха есть определенное время²¹⁸.

Выжидательная позиция в результате поражения Турции на кавказском фронте сменилась глубоким разочарованием имама в связи с последующем развитием военно-политической обстановки на русско-турецком фронте и неудачами турок под Карсом и в Мингрелии. К этому времени Шамиль окончательно потерял веру в силу и могущество Турции.

Анализ военно-политической деятельности Шамиля в период русско-турецкой и в целом Крымской войны позволяет предположить, что имам, не собирався отдавать Кавказ во владение Турции и рассматривал ее лишь как союзницу в борьбе против России. Именно в этом аспекте им рассматривался характер и содержание альянса с Турцией, способной противостоять России.

В отличие от мюридов Шамиля, народы Северо-Западного Кавказа не были настроены поддерживать союзнические отношения с Турцией, господство которой в регионе на протяжении столетий ознаменовалось значительно большим угнетением горских народов, чем политика России.

С другой стороны, руководители движения понимали, что вмешательство Турции и европейских государств в войну на Западном Кавказе не может принести им желаемого результата — обеспечения полной независимости. И поэтому сразу же после эвакуации русских сил с Черноморского побережья горцы практически потеряли интерес к войне, перестали поддерживать союзников и неохотно участвовали в боевых операциях союзников. Более того, этот период характеризуется, к удивлению иностранных эмиссаров на Северо-Западном Кавказе (например,

²¹⁸ Шамиль — ставленник султанской Турции и английских колонизаторов. (Сборник документов). /Под ред. Ш.В. Цагарешвили. — Тбилиси, 1953. — С. 430.

Т. Лапинского и др.), стремлением горцев к нормализации отношений с территориально близкой Россией, продолжавшихся даже в самых трудных военных условиях.

Подводя итог анализу русско-турецкого противостояния на Северном Кавказе, следует обратить внимание на тот факт, что именно Турция приняла у себя депортируемых с Черноморского побережья Кавказа горцев. Более того, по мнению Ф.Л. Тройно, «фактически существовал сговор правительств царской России и султанской Турции о выселении горцев. Царское правительство при этом стремилось избавиться от беспокойного населения на побережье Черного моря, изолировать его от Англии и Турции, а султанское окружение рассчитывало получить в свое распоряжение такой прекрасный боевой материал, каким являлись горцы, и использовать их в новых войнах с Россией (играя на их стремлении вернуться в родные края) и в борьбе с освободительным движением славян Балканского полуострова»²¹⁹. Поэтому султан в своем специальном фирмане сулил блага переселяющимся горцам²²⁰. А специальный турецкий эмиссар Мухаммед Насарет в прокламации от 1 июня 1864 года, обращенной к горцам, сообщал: «Получив назначение от правительства встретить и устроить вас, я ручаюсь за ваше спокойствие и безопасность ... Берите семейства и все необходимые вещи, потому что наше правительство заботится о постройке для вас домов и весь наш народ принимает в этом деятельное участие денежными пожертвованиями»²²¹. В общей сложности с Черноморского побережья Кавказа переселились в Турцию 1 млн. человек, на левый берег реки Кубань – около 100 тыс. человек. Подобная агитация турецкими эмиссарами велась и среди других народов Северного

²¹⁹ Тройно Ф.Л. Кавказская война и судьбы горцев //Кавказская война: уроки истории и современность: Материалы научной конференции. – Краснодар, 1995. – С.84-85.

²²⁰ См., там же.

²²¹ ЦГИА Грузии, ф.416, оп. I. д. 1115. л. 1.

Кавказа: кабардинцев, чеченцев, ногайцев и других. Но на массовые переселения эти народы не поддались. Самым крупным переселением среди этих народов стало переселение 5 тыс. чеченцев по инициативе начальника Чеченского округа генерала Кундухова (чеченца по национальности).

Переселение народов стало, пожалуй, одной из наиболее трагических страниц кавказской политики России, свидетельствовавшей о том, что народы региона, став объектом противостояния региональных держав, вынесли на себя основную тяжесть данного противоборства.

Опыт ликвидации повстанчества на Северном Кавказе в советский и постсоветский период

После Октябрьской революции 1917 года и победы советской власти на Кавказе отношения горских народов с центральной властью продолжали оставаться традиционно сложными. Специфику политической ситуации в регионе определяло наличие двух тенденций: сепаратистской, направленной на отрыв от России, и центристской, которая исключала развитие этноса вне органической связи с народами России.

В мае 1917 года во Владикавказе на I съезде горских племен Кавказа был учрежден Союз горцев Северного Кавказа и избран его ЦК. Он объединял горские племена на пространстве от Каспия до Черного моря. Этот Союз входил в состав Кавказского мусульманского союза, изначально преследовавшего цель отторгнуть Северный Кавказ от России. В ноябре 1917 года под лозунгом пантюркизма и панисламизма была провозглашена

Горская республика, которая по замыслу руководителей «Союза объединенных горцев Кавказа», должна была включать в себя Дагестан, часть Чечни, горную часть Ингушетии, Осетии, Кабарды, отдельные фрагменты территории терских казаков. В дальнейшем националистическое правительство этой самопровозглашенной республики пыталось «объединить» под своей властью все горские племена на территории от Каспийского до Черного морей, включая Ставрополье, Кубань и Черноморье. Кроме того оно претендовало также на Южную Осетию, Абхазию и район Закатал (в Азербайджане).

В мае 1918 года правительство Горской республики, заключив договор о дружбе с Турцией, фактически отдало Северный Кавказ под ее протекторат, одновременно оно обратилось к правительству Российской Федерации с нотой, в которой заявляло о выходе и об отделении от РСФСР.

Добровольческая Армия А.И. Деникина, контролировавшая в 1919–1920 годах Северный Кавказ, не дала возможность полностью реализовать идею создания Горской республики. В мае 1919 года в связи с оккупацией Дагестана войсками А.И. Деникина правительство Горской республики самораспустилось.

В целом, специфика гражданской войны на Северном Кавказе определялась не только социальным расслоением общества, но и привнесением в вооруженную борьбу национальных аспектов. Учитывая же тот факт, что главным противником горцев на протяжении столетия, помимо русской армии, выступало казачество, именно против него и была направлена активная деятельность горцев, что во многом способствовало утверждению советской власти в регионе. Решающим фактором, определившим поддержку советской власти со стороны горцев, явилось обещание Чрезвычайного комиссара Юга России С. Орджоникидзе передать им земли Терского казачества.

В последующем это обещание было подкреплено заявлениями официальных представителей Советского правительства. В октябре 1920 года, когда было заключено перемирие с Польшей, а войска Врангеля отступали в направлении Крыма, было объявлено о переходе к новой политике «советской автономии», суть которой была изложена в выступлении И.В. Сталина на Съезде народов Дагестана 13 ноября 1920 года.

По заявлению наркома по делам национальностей, «Дагестан должен управляться согласно своим особенностям, своему быту, обычаям». При этом было заявлено, что советское правительство не будет препятствовать соблюдению религиозных обрядов и обычаев, поскольку считает шариат таким же правомочным, обычным правом, какое имеется и у других народов, населяющих Россию. Вместе с тем, автономия Дагестана, по словам И.В. Сталина, «не означает и не может означать отделения его от Советской России»²²².

Несколько дней спустя во Владикавказе состоялся аналогичный Съезд народов Терской области, имеющих общее название – горцы. На нем также присутствовал И.В. Сталин в качестве представителя Центра. Здесь выступление наркома по делам национальностей было посвящено тому, чтобы «объявить волю Советского правительства об устройении жизни терских народов и об их отношениях к казакам». По заявлению И.В. Сталина, «опыт показал, что совместное жительство казаков и горцев в пределах единой административной единицы привело к бесконечным смутам, а выступление казаков в ходе Гражданской войны на стороне А.И. Деникина побудило советское руководство принять решение о выселении казацких общин и поселении на их землях горцев». Таким образом, пред-

²²² См.: Сталин И.В. Соч. – Т. 4. – С. 394-397.

ложения автономии горцам Северного Кавказа подкреплялись значительными преференциями в виде земельных угодий, изымаемых у казачества. К тому времени было решено завершить процесс разделения казаков и горцев: река Терек должна была стать границей между Украиной²²³ и новой Горской Автономной Социалистической Советской Республикой²²⁴.

В результате подобного рода волюнтаристских решений нового политического руководства России была разрушена создававшаяся на протяжении всего XIX века система казачьих поселений на наиболее опасном для российской государственности кавказском направлении.

Само же казачество оказалось первой жертвой политических репрессий, маховик которых в отношении других народов Кавказа в полную силу развернулся лишь в 30–40-х годах.

В 1920 году казаки Терской области были выселены из своих домов и отправлены в другие местности Северного Кавказа, в Донбасс, а также на Крайний Север. Их земля была передана чеченцам и ингушам.

Основанием репрессий против казачества стал декрет Совнарком от 25 марта 1920 года «О строительстве Советской власти в казачьих областях». Декрет предусматривал создание в казачьих областях органов власти, предусмотренных Конституцией РСФСР и положением ВЦИК о сельских и волостных исполкомах. Создание советов казачьих депутатов не предусматривалось этими документами.

14 октября 1920 года было издано постановление Политбюро ЦК РКП(б), в котором было отмечено: «По вопросу аг-

²²³ В данном случае под Украиной понималась территория, заселенная терским казачеством. – Прим. автора.

²²⁴ См.: Сталин И.В. Соч. – Т. 4. – С. 399-403. Этот процесс перемещения народов, отчасти должен был служить наказанием, а отчасти – предостережением против беспорядков в будущем. – Прим. автора.

рарному признать необходимым возвращение горцам Северного Кавказа земель, отнятых у них великорусами, за счёт кулацкой части казачьего населения и поручить СНК немедленно подготовить соответствующее постановление».

30 октября 1920 года в Ставропольскую губернию были выселены станицы: Ермоловская, Закан-Юртовская, Романовская, Самашкинская, Михайловская, Ильинская, Кохановская, а земля поступила в распоряжение чеченцев.

17 ноября 1920 года на съезде народов Терской области – область была ликвидирована и провозглашена Горская АССР в составе РСФСР, в которую входили 5 горских национальных округов и 4 казачьих национальных отдела: Пятигорский, Моздокский, Сунженский, Кизлярский, Чеченский, Хасавюртовский, Назрановский, Владикавказский, Нальчикский. Создание Горской АССР закреплено декретом ВЦИК от 20 января 1921 года.

27 марта 1921 года (отмечается как День поминовения Терского Казачества) 70 тыс. терских казаков в течение суток были выселены со своих родных мест. 35 тысяч из них были уничтожены по дороге на железнодорожную станцию. Осмелевшие от безнаказанности «горцы» не щадили ни женщин, ни детей, ни стариков. А в опустевшие дома казачьих станиц селились спустившиеся с горных селений семьи «красных ингушей» и «красных чеченцев».

На 20 января года Горская АССР состояла из Кабардино-Балкарского, Северо-Осетинского, Ингушского, Сунженского автономных округов, двух самостоятельных городов Грозный и Владикавказ. Часть территории была передана в состав Терской губернии Северо-Кавказского края (Моздокский отдел), а другая вошла в состав Дагестанской АССР (Хасавюртовский округ) (ауховские чеченцы и кумыки) и Кизлярский отдел.

4 января 1923 года были определены границы Чеченской Автономной области, вышедшей из состава Горской АССР. Чеченцам были переданы земли, занимаемые станицами Петропавловская, Горячеводская, Ильинская, Первомайская и хутором Сарахтинский Сунженского округа. Тогда же было принято решение о передаче г. Грозного, основанного А.П. Ермоловым, построенного на месте Гребенских поселений XV века, Чечне.

В 1924 году следствием конфликтов казаков и ингушей в г. Владикавказе стало Постановление Комиссии Оргбюро ЦК РКП(б) «О результатах обследования советской работы в Горской АССР». В Постановлении было отмечено: «Поручить ГорЦИКу рассмотреть жалобы ингушей на действия вселившихся во Владикавказ казаков, выселенных из сунженских станиц и переселить их в такие районы, где исключается возможность трений».

В 1925 году при организации Северо-Кавказского края, город Грозный и Сунженский округ вошли в его состав на правах самостоятельных округов. Однако 4 февраля 1929 года они были включены в состав Чеченской автономной области. В январе 1934 года состоялось объединение Чеченской и Ингушской областей. 5 декабря 1936 года Чечено-Ингушская и Северо-Осетинская автономные области были преобразованы в автономные республики.

В 1930–1931 годах на территориях бывшей Терской области проведена сплошная насильственная коллективизация, сопровождавшаяся новыми жестокими репрессиями против терского казачества (тысячи их семей были высланы в Сибирь).

До 1936 года терское казачество находилось на положении «постоянно подозреваемого» в контрреволюционных настроениях. Лишь в 1936 году казакам разрешили служить в армии.

Все это не могло не сказаться на состоянии внутривнутриполитической ситуации в регионе. И вполне закономерно, что первые антисоветские выступления на Северном Кавказе начались уже в 1920 году и явились логическим продолжением одновременно и гражданской войны, и антироссийского вооруженного сопротивления. Особую роль в становлении и развитии повстанчества в регионе сыграла националистическая верхушка и мусульманское духовенство, призывавшие под лозунгами защиты шариата к свержению вооруженным путем новой власти. С этой целью в ряде районов Северного Кавказа поднимается ряд крупных вооруженных восстаний. Одним из первых таких выступлений было поднятое в сентябре 1920 года в ряде горных районов Чечни и Северного Дагестана крупное вооруженное восстание, которое возглавили Нажмуддин Гоцинский и внук имама Шамиля – Саид-бей. Слабость советских войск в регионе позволила мятежникам в течение нескольких недель установить контроль над многими районами, уничтожив или разоружив находившиеся там подразделения Красной Армии. К ноябрю 1920 года в составе вооруженных формирований горцев действовали 2800 пехотинцев и 600 всадников. Они базировались в аулах, находившихся в долинах рек Андийского Койсу и их притоках, которые были хорошо укреплены самой природой.

Для разгрома мятежников советское командование решило нанести два удара по сходящимся направлениям на Хунзах: первый силами 14-ой дивизии из Темир-Хан-Шуры, второй – Образцовым Революционной Дисциплины полком из Ведено. Всего к операции привлекалось около 8 тыс. пехоты и 1 тыс. кавалеристов. Тем не менее, ни сам план операции, ни практическая его реализация не учитывали специфику региона и характер тактики вооруженных формирований горцев. В результате наступавшие сразу по нескольким направлениям части

14-ой дивизии были блокированы в населенных пунктах и большей частью уничтожены. Полностью был уничтожен и Образцовый Революционной Дисциплины полк. Часть полка оказалась блокированной в Ботлихе. Командование полка, вступив в переговоры с горцами, выговорило право отвода полка обратно в Ведено. Когда же условия о разоружения полка были выполнены, мятежники шашками и кинжалами уничтожили всех красноармейцев. Таким образом, кампания в 1920 года в Дагестане и Чечне завершилась поражением советских войск на всех направлениях. Это повысило боевой дух горцев и привело под их знамена тысячи новых добровольцев. К началу 1921 года в мятежных районах бандформирования насчитывали около 10 тыс. боевиков, с учетом же поддержки их местным населением общее число мятежников достигало 50 тыс. человек.

Осознав масштаб восстания и невозможность его подавления малыми и раздробленными силами, советское командование приняло необходимые меры по подавлению мятежа и ликвидации бандформирований в Дагестане. Директивой Командующего Кавказским фронтом от 25 января 1921 года для «наведения порядка в Чечне и Дагестане» была сформирована специальная Терско-Дагестанская группа войск, в состав которой вошли три стрелковые и одна конная дивизии, отдельная Московская бригада курсантов, два автобронеполка и разведывательный авиационный отряд. Численность группировки насчитывала до 20 тыс. пехоты, 3,4 тыс. кавалерии, на ее вооружении было 67 орудий, 8 бронеавтомобилей и 6 самолетов.

Общий план операции предусматривал наступление трех группировок войск по сходящимся направлениям на Хунзах. В качестве основ тактики предписывалось «... действовать сильной ударной колонной, не разбрасывая силы на отдельные второстепенные направления. Обратить внимание на усиление

агентурной разведки. Избегать по возможности лобовых ударов, шире использовать маневр, обходы и охваты. Максимально использовать огонь артиллерии».

В течение марта 1921 года обстановка в основном районе действий бандформирований (междуречье Андийского Койсу и Аварского Койсу) была нормализована, войсками были заняты все крепости, многие большие аулы и ключевые районы местности. Все передвижения горцев осуществлялись с разрешения и под контролем советского командования. Таким образом, учтя негативный опыт первой операции по ликвидации бандформирований в регионе, советское командование сумело посредством создания группировки войск, решительного применения техники и вооружения, перестройкой тактики своих действий нанести поражение основным силам повстанцев.

При этом сам опыт военно-политического преодоления повстанчества приходилось обретать непосредственно в процессе подавления вооруженного выступления. В этом плане обращает на себя внимание практика работы командования с местным населением в районах, освобожденных от бандформирований.

Главная проблема, с которой столкнулось советское командование, – разоружение местного населения. Культ оружия среди горцев был настолько велик, что сама мысль лишиться его нередко приводила их в ряды мятежников. Приходилось действовать осторожно, изымая оружие поэтапно. В начале было предложено сдать «излишки», оставив по одному стволу на каждого представителя мужского населения, от младенца до древнего старика. При этом была произведена регистрация оружия, позволившая определить приблизительно его количество. Затея право на ношение оружия было оставлено только мужчинам в возрасте от 20 до 60 лет, а боезапас ограничен до 50 патронов на

ствол. При малейших нарушениях установленного порядка оружие и боеприпасы изымались не только у провинившегося, но и других жителей аула. Данные меры позволили в течение месяца изъять у горцев около 3 тыс. единиц огнестрельного оружия и большое количество патронов.

Вторая проблема в работе с местным населением была связана с передислокацией войск, оставлением ими ранее занятых в ходе боев районов в связи с переходом на мирное положение. Издавна существовавшее среди горцев убеждение, что власть пришельцев на местах существует лишь до тех пор, пока там находятся их войска, и теряет всякую силу с их уходом, могло быстро свести на нет достигнутые с таким трудом успехи. Во избежание этого уход войск всячески демонстрировался, как акт доброй воли победителей. В приказе РВС Дагестанской группы по этому поводу, в частности, указывалось: «Дабы не дать почвы для новой провокации при оставлении нами занятых аулов в Нагорной Чечне и Дагестане, якобы под давлением каких-либо для нас невыгодных и угрожающих обстоятельств, немедленно энергично подготовить население к предстоящему добровольному уходу войск. Население должно быть убеждено, что мы не желаем обременять аулы различными повинностями, как-то: подворной, квартирной и прочими. Уход частей тщательно обставлять торжественными митингами и демонстрациями, приветствиями населению, массовыми собраниями, разъяснениями целей и задач Красной Армии».

Следует отметить, что именно работа с местным населением представлялась наиболее значимой для командования частей и соединений, участвующих в ликвидации бандформирований, поскольку местное население в силу исторически сложившейся традиции (набеговой системы) всячески поддерживало бандформирования, расширяя тем самым социальную базу антисо-

ветского повстанчества. Для горцев бандиты, если их деятельность была направлена против органов власти, а не против местного населения, относятся к разряду лихих джигитов, возводятся едва ли не в ранг национальных героев и, соответственно, являются примером для подражания. Во многом этому способствовали также и действия органов советской власти по проведению коллективизации и других мероприятий по изменению социального уклада жизни горцев. Таким образом, в регионе потенциально имел место источник социального протеста, готового в любой момент вылиться в форму вооруженного выступления. По своим формам и методам вооруженные выступления на Северном Кавказе носили террористический и уголовный характер. Бандиты совершали налеты на совхозы, колхозы, магазины, организовывали террористические акты в отношении советских и партийных деятелей.

Особое место в подготовке повстанческих кадров для вооруженных выступлений против советской власти занимала горная часть Чечено-Ингушской республики, где население жило мелкими родовыми хуторами в труднодоступных местах. Население этих районов находилось под сильным влиянием националистической и религиозной верхушки тейпов. Например, в бывшем Итум-Калинском районе, входившем в состав Шатоевского округа, до 1925 года вообще не появлялись партийные функционеры и советские работники, а в отдельных хуторах (аулах) этого района они не бывали и в более поздние годы. Кроме того, в горной части Чечено-Ингушетии в силу специфических географических условий (сильно пересеченная и труднодоступная местность) скрывались беглые уголовные элементы, крупные и мелкие банды, которые нападали на официальных представителей власти, дезорганизовывали работу местных органов власти, грабили кооперативы, колхозы, угоняли скот у населения, раз-

жигали межнациональную вражду. Эти элементы являлись готовым активным резервом для различного рода бандитских выступлений. Наиболее активные действия бандформирований в Чечено-Ингушетии имели место в 1924–1932 годах.

Советская власть решила пресечь действия бандформирований их ликвидацией силами НКВД с одновременным изъятием оружия у всего населения края. С этой целью в 20–30-е годы был проведен ряд специальных операций силами войск ОГПУ и НКВД, которые встретили активное сопротивление со стороны горцев. Первая операция такого рода имела место весной 1924 года. Ее целью было подавление массовых выступлений чеченцев и ингушей, направленных против стремления центральных органов навязать им своих представителей на выборах в местные советы. Тогда горцы по призыву своих лидеров, преимущественно мулл, бойкотировали выборы, а кое-где и разгромили избирательные участки с применением оружия. Восстание охватило значительные районы Чечни и Ингушетии. На его подавление была направлена дивизия НКВД, усиленная отрядами местных активистов. Советское командование под страхом ареста и физического уничтожения потребовало сдачи боевого оружия. В результате были изъяты 2900 винтовок, 384 револьвера и незначительное количество боеприпасов. По обвинению в невыполнении требований о разоружении и при сопротивлении было арестовано 68 человек. Данная акция мало способствовала нормализации обстановки, более того, она привела к росту антисоветских настроений в Чечне и, соответственно, росту численности бандформирований, активизации их деятельности.

В связи с этим руководством НКВД и командованием Северо-Кавказского округа в 1925 году была подготовлена и проведена новая войсковая операция. При анализе данной операции

следует обратить внимание на то, что она была первой в своем роде межведомственной операцией по ликвидации бандформирований, в которой наряду с частями Северо-Кавказского округа участвовали части НКВД. К проведению операции были привлечены также местные жители, что означало возвращение к практике опоры на местное население, широко применяемой в период Кавказской войны, учитывая негативное отношение к этническим чеченцам горцев других национальностей. При подавлении сопротивления была использована авиация, массированный артиллерийский огонь. В целом, операция носила репрессивный по отношению к населению характер. В историю борьбы с бандформированиями на Северном Кавказе она вошла под названием «Первое разоружение Чечни».

Несмотря на результаты операции, ее репрессивный по отношению к населению характер, политическая обстановка в регионе продолжала оставаться сложной и потенциально конфликтной. Этому способствовало то, что в конце 20-х годов Чечня, где в то время добывалась четвертая часть нефти и производилось $\frac{2}{3}$ всего отечественного бензина, получила статус особо важного экономического района. Туда были направлены значительные материальные средства и людские ресурсы. Это, с одной стороны, стеснило свободу горцев, но в тоже время создало благоприятные условия для грабежей и воровства, чем продолжали промышлять отдельные лица и даже организованные группировки. Опираясь на поддержку местных жителей, в ряде случаев вожакам бандформирований удавалось собирать под свое командование сотни людей.

В последующем вооруженные восстания приобрели систематизированный характер. Так, в 1929 году под руководством Шиты Истамулова были спровоцированы вооруженные выступления в Шалинском и Урус-Мартановском районах. В 1930 году

под руководством нелегала, муллы Джаватхана Муртазалиева, вспыхнуло восстание в ряде селений Итум-Калинского, Шатоевского и Черберлоевского районов, в Галанчежском районе и Хамхинском сельском совете Галашкинского района.

Принятыми органами власти мерами с использованием крупных воинских контингентов эти выступления были ликвидированы. Так, для подавления восстания чеченцев в 1928 году командованием Северо-Кавказского округа был выделен отряд в 2 тысячи человек при 75 пулеметах, 11 орудиях и 7 самолетах. Для войсковой операции по подавлению восстания в Чечне в начале марта 1930 года было сформировано несколько отрядов пехоты и кавалерии общей численностью 3,5 тысяч человек. На вооружении этих сил находилось 40 пулеметов, 20 орудий и 3 самолета. Впервые с целью повышения мобильности войск были в большом количестве использованы автомобили.

25 марта 1932 года в районе Бенной началось очередное восстание. Войска ОГПУ, попытавшиеся подавить его собственными силами, потерпели неудачу, поэтому вновь против горцев были брошены войска СКВО, силами которых восстание было подавлено в течение недели. Тем не менее, отдельные проявления бандитской деятельности в данном районе продолжали иметь место вплоть до 1935 года. Также имеются сведения о волнениях среди чеченцев, ингушей и некоторых других народов Северного Кавказа и во второй половине 30-х годов, продолжавшиеся вплоть до начала Великой Отечественной войны. При этом необходимо отметить, что в 20–30-е годы на Северном Кавказе осуществлялись многократные административно-территориальные изменения, границы которых определялись непродуманно и зачастую без надлежащего учета территорий традиционного исторического расселения народов в этом регионе. Отсутствие четко выраженной и ясной национальной по-

литики на Северном Кавказе только усложняли и без того сложную социально-политическую обстановку.

Всего с момента установления советской власти на Северном Кавказе и по 1941 год включительно только на территории Чечено-Ингушетии произошло 12 вооруженных восстаний и выступлений с участием от 500 до 5000 боевиков. За это же время удалось предотвратить 3 крупных вооруженных восстания.

Другим потенциально конфликтным регионом Северного Кавказа, где наиболее активно действовали бандформирования, являлась Карачаево-Черкессия (также традиционный очаг анти-российского вооруженного сопротивления, из которого по итогам Кавказской войны в Турцию было депортировано до 1 млн. человек коренного населения).

Таким образом, в целом в межвоенные годы органам власти не удалось решить северокавказскую проблему и стабилизировать обстановку в регионе. Горцы враждебно отнеслись к политике «всеобщей коллективизации и индустриализации». Их протест выражался в издавна привычных для данных народов формах – восстаниях, бандитизме и воровстве государственного имущества. Для их подавления органы власти пошли на массовое применение не только сил правопорядка, но и воинских формирований. Действия войск носили карательный характер. Репрессиям подвергались как мятежники, так и мирное население, среди которого постепенно усиливалось недовольство советской властью. Данные настроения остро проявились с началом Великой Отечественной войны.

Фашистская агрессия против СССР стала действенным фактором активизации антироссийски настроенных националистических сил Северного Кавказа. Обстановка во многом осложнялась тем, что в предвоенные годы были допущены перекосы в коллективизации, репрессии в отношении местных руководи-

лей, духовенства, интеллигенции, которые создавали потенциально конфликтную ситуацию в регионе. Эти обстоятельства оказались в центре внимания немецких спецслужб. «С первых дней Великой Отечественной войны, – доносил в Ставку военный совет Северо-Кавказского военного округа, – резко активизировались националистические элементы на всей территории Северного Кавказа, в особенности в Урус-Мартановском, Ачхой-Мартановском и Советском районах Чечни». С тревогой отмечалось, что местное население в основной своей массе не желает участвовать в войне против немецких захватчиков. Подверженные такому настроению, две трети мужчин, подлежащих призыву, уклонились от него. Недвусмысленно звучали и заявления о том, что если в войну вступит Турция, то будет вырезано все русское население. Мужчины уходили в горы, где создавали банды, численность которых доходила до 600–700 человек. Нередкими были случаи, когда уже призванные в армию жители ряда республик Кавказа с оружием уходили в горы, вливаясь в эти отряды. Руководили бандами, как правило, бывшие партийные или государственные работники из местных органов власти, были даже бывшие сотрудники НКВД.

В феврале 1942 года в Шатое и Итум-Кале поднял мятеж бывший прокурор Чечено-Ингушетии Майрбек Шерипов, который объединился с ранее действовавшей бандой Хасана Исраилова. Был создан объединенный штаб и повстанческое правительство. В июле этого же года сепаратисты приняли воззвание к чеченской и ингушской нациям, в котором говорилось, что кавказские народы ожидают немцев как гостей и окажут им гостеприимство взамен на признание независимости Кавказа.

Деятельность националистических банд создавала благоприятные условия для диверсионно-террористической деятельности в регионе. Уже в июле 1941 года стала разворачиваться

сеть разведывательных и диверсионных школ для подготовки диверсантов исключительно для действий на Северном Кавказе. Для пополнения этих школ в лагерях военнопленных инструкторами полка специального назначения «Бранденбург-800» началась вербовка выходцев с Северного Кавказа и из Закавказья. Формировались целые роты из представителей коренного населения этого региона. Осенью 1941 года в лагере «Штранс» было сформировано специальное воинское подразделение – батальон «Бергман» (горец), предназначенное для подрывной работы на Кавказе. Личный состав батальона насчитывал полторы тысячи человек и был разбит на пять рот: 1-я и 4-я роты были укомплектованы грузинами, 2-я – карачаевцами, кабардинцами, осетинами, ингушами, чеченцами, 3-я – азербайджанцами и 5-я – армянами. К осени при батальоне были сформированы два кавалерийских эскадрона. В июле 1942 года батальон «Бергман» прибыл в Таганрог, 1-я и 3-я роты были приданы 23-й танковой дивизии и действовали в районе Моздока, 2-я рота – 13-й танковой дивизии в районе Майкопа, 4-я рота действовала в районе Эльбруса. Из личного состава 2-й и 4-й рот были назначены бургомистры и старосты в оккупированных районах Северного Кавказа. Перед 5-й ротой была поставлена задача по захвату Военно-грузинской дороги. Кавалерийские эскадроны действовали в тылу советских войск в долине реки Баксан.

Подразделения специального назначения перебрасывали в тыл советских войск диверсионные группы для разрушения коммуникаций и создания паники. Одной из таких групп под видом отходящих раненых красноармейцев удалось захватить мост в районе Майкопа. Кроме того, все роты проводили операции по захвату языков, разбрасывали листовки за линией фронта, выступали по радио с призывами переходить к немцам.

Две трети полка (затем дивизии) «Бранденбург-800» с лета 1942 года были задействована на Северном Кавказе. В штатах 4-го батальона в июле 41-го была развернута, но готовилась отдельно, особая команда Ланге, условно именовавшаяся «Предприятие Ланге». Этот лагерь среди агентов был известен под названием «Кавказский орел». Подчинялась команда непосредственно отделу абвер-2 управления «Абвер-заграница». Агенты по принципу землячества были сведены в три учебные группы по 30-35 человек.

В конце июля 1942 года группа из числа местных жителей под руководством фельдфебеля Морица была переброшена в район Майкопа. Спустя месяц группа капитана Ланге в количестве 30 человек, укомплектованная главным образом чеченцами, ингушами, осетинами, была переброшена в районы селений Чишки, Дачу-Барзой и Дуба-Юрт Атагинского района для проведения одной из наиболее масштабных по замыслу абвера диверсионной акции по захвату нефтяных месторождений и нефтеочистительных заводов в Майкопе и Грозном. Акция получила название операция «Шамиль». Диверсионная группа состояла из переодетых в советскую военную форму немецких солдат и агентов из военнопленных в соотношении 1:2 и насчитывала 20–25 человек. Обучение проводилось в специальном лагере. Заброска парашютистов состоялась примерно за 3–8 дней до ожидавшегося наступления германских войск.

Всего во время войны различными германскими разведывательными органами было заброшено на территорию ЧИАССР 8 парашютных групп общей численностью 77 человек: 5 групп численностью 57 человек были заброшены в июле – августе 1942 года и 3 группы численностью 20 человек – в августе 1943 года.

Немецким военным командованием и разведывательными органами перед забрасываемыми агентами-парашютистами и разведчиками ставились достаточно конкретные задачи:

- создать и максимально усилить повстанческие формирования для отвлечения некоторой части действующей Красной Армии;

- перекрыть существенные для Красной Армии дороги;

- провести ряд диверсий;

- совершать террористические акты и т.д.

В летнем наступлении 1942 года германское командование поставило перед диверсионной частью абвера (полком «Бранденбург») задачу оказать помощь действовавшим на южном крыле советско-германского фронта немецким войскам и одновременно установить связь с бандформированиями, действовавшими на Кавказе.

Перенос линии фронта на территорию Северного Кавказа и появление там фашистских войск вызвало новый всплеск антисоветских и антироссийских настроений среди горцев. Участились нападения на отдельные воинские подразделения, тылы и транспорты. Стали массовыми случаи террористических актов против военнослужащих и отдельных граждан, диверсий на предприятиях, коммуникациях, линиях связи. Немецкая агентура пыталась координировать действия местных повстанческих отрядов, а также спровоцировать в тылу Красной Армии вооруженные выступления против советской власти. С этой целью распространялись немецкие листовки, в которых стравливались народы Кавказа обещанием каждому из них земли соседей. В листовках систематически напоминалось об обидах столетней давности, причиненных русскими. Противник рассчитывал на т.н. «кавказский эксперимент», суть которого сводилась к организации всеобщей борьбы населе-

ния Кавказа с советской властью. Используя национально-бытовые особенности народов Северного Кавказа, повстанцы угрозами и распространением слухов о неизбежной гибели советского государства спровоцировали вооруженные выступления против советской власти, произошедших одновременно в период с 28 октября по 8 ноября 1941 года. Своевременно принятыми мерами НКВД и властей эти выступления были быстро ликвидированы. Часть участников выступлений возвратились в свои селения, а большинство, в т.ч. организаторы и руководители, скрылись в горах и перешли на нелегальное положение.

Наиболее высокой интенсивность действий бандформирований и террористических групп на Северном Кавказе была в 1942 году. Так, только на территории четырех районов Дагестанской АССР и Азербайджанской ССР (Дербентско-Табасаранского, Кайтакского, Хивского и Касушкентского) в сентябре 1942 года действовало 33 бандгруппы численностью до 500 человек. Население названных районов оказывало бандитам материальную помощь и укрывало их. Сброшенные с немецких самолетов оружие и имущество указывало на наличие связи бандформирований с германскими войсками. Абвер, РСХА пытались всячески стимулировать деятельность этих бандгрупп, понимая, что для борьбы с ними в горных условиях советская сторона вынуждена будет отвлечь от фронта значительные силы и средства.

Советское командование для охраны своего тыла было вынуждено проводить специальные операции, к которым привлекались значительные силы. Оперативные документы тех лет свидетельствуют о том, что в различные периоды обороны Кавказа для борьбы с бандитизмом привлекались также войсковые формирования, снятые непосредственно с фронта. В частности,

в действиях против бандформирований участвовали 242 горно-стрелковая, 347 и 317 стрелковые дивизии Закавказского фронта, 28 запасная стрелковая бригада, Орджоникидзевская дивизия НКВД, практически все военные училища, расположенные на территории Закавказского фронта. Задачи по борьбе с бандгруппами получали 58, 44 и 28 армии. На Кавказе советским войскам приходилось воевать на два фронта, так как удара можно было ожидать не только со стороны немцев, но и с тыла, со стороны местного населения. О том, какую опасность представляли банды в тылу наших войск, свидетельствуют следующие факты: 27 июля 1942 года резервная рота 66 полка попала в засаду в районе горы Кур-Кумас и была блокирована бандой. Только через четверо суток с помощью прибывшего 114 полка войск НКВД роте удалось вырваться из мешка. Одна из крупных банд в январе 1944 года сковала выдвижение целой стрелковой дивизии, которая горной дорогой шла в район Нальчика. Постоянными были обстрелы колонн войск, передвигавшихся по горным дорогам, нападение на железнодорожные составы, угоны скота, террор.

В августе 1942 года объединенные бандгруппы Бадаева, Магомадова и др. в количестве 1,5 тыс. человек окружили районный центр Итум-Кале и находившийся там небольшой гарнизон советских войск с целью захвата власти в этом горном районе. Принятыми органами НКВД агентурно-оперативными и войсковыми мерами это восстание было ликвидировано. Часть его руководителей была убита или задержана. Однако и после этого активность бандформирований сохранялась.

Анализ документов свидетельствует, что главную роль в деятельности бандформирований играли терроризм, беспокоящие действия и насильственные акции, основанные на внезапности, стремительности, тщательной и заблаговременной

подготовке операций, максимальном рассредоточении сил после их проведения. Последний прием давал ощутимые результаты даже в масштабе всего движения, но особенно эффективным показал себя на уровне мелких отрядов и повстанческих очагов.

При этом открытый бой бандформированиями принимался только на хорошо известной им местности и только тогда, когда они обладали явным преимуществом. Мелкие войсковые подразделения бандформированиями истреблялись путем организации искусных засад, внезапных и стремительных налетов, неизменно преследуя цель захвата оружия, военного имущества, продовольствия.

Особое место в деятельности бандформирований занимал уход всей банды или ее части в подполье. В этом случае бандиты временно прекращали открытую деятельность, а отдельные участники банды переходили на нелегальное положение. Основной целью таких действий было желание сохранить бандитские кадры от разгрома вследствие неблагоприятной ситуации для активных вооруженных действий. Такая тактика имела место и в тех случаях, когда в результате нанесенного удара по базе и самой банде, ее остатки уходили в подполье, чтобы сохранить силы, провести доукомплектование, пополниться оружием и т.п. для развертывания в последующем своей подрывной деятельности.

Сильным элементом тактики бандформирований являлась разведка. С этой целью организовывалось постоянное наблюдение за коммуникациями, прослушивание линий связи. Особое место в организации разведки занимала работа с местным населением. Поддержанию связи с местным населением руководители бандформирований уделяли наиболее пристальное внимание, поскольку это являлось важнейшим условием функ-

ционирования банд. Население не только снабжало бандформирования (зачастую вынуждено) продовольствием и укрывало их, но и представляло собой потенциальный резерв бандформирований.

Характерными чертами тактики борьбы с незаконными вооруженными формированиями на Северном Кавказе в то время продолжало оставаться вытеснение обнаруженных банд в горы, что не приводило к их полной ликвидации, рейдовые действия по районам, где были обнаружены вооруженные группировки в сочетании с оперативной и агентурной деятельностью органов НКВД. Кроме этого, к недостаткам действий советских войск можно отнести слабое знание местности, плохая организация разведки и т.д.

Немаловажной причиной являлось и то, что Красная Армия, в отличие от повстанцев, не пользовалась поддержкой большинства местного населения. Следствием этого явилось то, что действия по ликвидации бандитизма в целом ряде районов в 1942 году не дали ожидаемых результатов. Банды, действовавшие там, не были полностью уничтожены, а только рассеяны. Уроки из опыта боевых действий с бандформированиями извлекались по ходу их ликвидации²²⁵.

В результате поражения немецких войск на Кавказе снабжение бандформирований вооружением и материальными средствами резко снизилось, а затем и совсем прекратилось, что явилось сдерживающим фактором роста повстанческого

²²⁵ Так, в результате операции, проведенной советским командованием осенью 1942 года, в течение боя 2-3 октября основная часть обнаруженной бандгруппы была уничтожена. Противник потерял более 150 чел. убитыми, а более 230 чел. было захвачено в плен. В ходе прочесывания лесных массивов было разгромлено 8 штабов по руководству бандами, в т.ч. и штабы, поддерживавшие связь с немцами и возглавляемые кадровыми немецкими разведчиками. Это стало возможным благодаря грамотным действиям командиров, которые отказались от вытеснения противника, а фланговыми ударами рассекли его группировку, организовали блокирование разрозненных групп, а затем прочесывание местности, не позволив противнику безнаказанно уйти от преследования.

движения на Северном Кавказе. Успешные действия войск Красной Армии и НКВД против бандформирований, предпринятые в 1942–1943 годах, позволили уничтожить основные силы повстанцев. К концу 1944 года все крупные банды на Северном Кавказе были ликвидированы или рассеяны. Однако борьба с мелкими группами бандитов продолжалась и после войны.

Для пресечения деятельности бандформирований советское руководство решило одним ударом максимально сузить социальную базу повстанчества. В конце 1943 – начале 1944 годов органами НКВД по распоряжению И.В. Сталина была осуществлена поголовная депортация ряда северокавказских народов (чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев) из мест постоянного проживания в отдаленные районы Средней Азии и Казахстана (всего было выселено в 581.644 человека). Тем не менее, несмотря на масштабность, бесчеловечный и откровенно репрессивный характер, депортация не решила проблемы ликвидации бандитизма на Северном Кавказе. Большинство граждан республик Северного Кавказа пострадало незаслуженно, а уклонившиеся от выселения, возмущенные незаслуженными репрессиями, перешли на нелегальное положение, ушли в горы. В связи с тем, что значительная часть действовавших на февраль 1944 года кадровых банд не была ликвидирована, лица, не попавшие в невод депортации, стали их естественным пополнением.

Сама по себе депортация и репрессии по национальному признаку явились важнейшим стратегическим просчетом советского руководства. Данная радикальная мера закономерно носила временный характер и в то же время искусственно расширяла социальную базу антисоветского сопротивления. Главным негативным следствием депортации стало то, что она по-

ставила под сомнение легитимность борьбы с сепаратизмом на территории СССР.

Не менее значимым просчетом явилась и последующая реабилитация репрессированных народов. Это выразилось в ее заведомо конъюнктурном и популистском характере. Обвинив И.В. Сталина в репрессиях против целых народов, политическое руководство страны во второй половине 50-х годов попыталось уйти от ответственности за депортацию. Тем самым ответственность была возложена не на конкретных организаторов и исполнителей репрессивных акций, а на население, остававшееся в местах исторического проживания депортированных граждан. Это, в свою очередь, закладывало основы этнополитической напряженности, эпизодически проявлявшейся в последующий период развития советской государственности в основном на бытовом уровне.

В этот период органами государственной власти в очередной раз была продемонстрирована крайность в подходах к обеспечению территориальной целостности государства, заключавшаяся в игнорировании развития негативных процессов на почве межэтнической розни, трансформировавшихся в последующем в сепаратистские. Наиболее отчетливо это проявилось на рубеже 80–90-х годов XX столетия.

Определив приоритетным направлением своей политики создание благоприятного имиджа за рубежом, советское руководство в очередной раз поступилось национально-государственными интересами страны. При этом в отличие от хрущевского периода, определяющими принципами его деятельности стали уже идеологемы не интернационализма, а демократизации и либерализации политической системы в ущерб ее собственной безопасности. Именно этим можно объяснить тот факт, что провокационные требования и лозунги зарождающихся в

конце 80-х годов этнорадикальных движений не встретили адекватного реагирования на них со стороны органов государственной власти.

Высшее политическое руководство страны восприняло данные процессы как пробуждение национального самосознания народов Советского Союза, якобы закономерное для начального этапа демократизации общества и заслуживающее таким образом если не прямой поддержки, то, по крайней мере, его понимания. Результатом этого стала дальнейшая радикализация националистических движений и трансформация их в экстремистские группировки, в рамках которых начали создаваться вооруженные формирования различного рода «национальных гвардейцев», осуществляться их подготовка к вооруженному антисоветскому сопротивлению в целом ряде национальных республик СССР (Грузии, Украине, Молдавии и т.д.). Другими словами, речь шла уже о зарождении нового повстанческого антисоветского движения. Но даже это обстоятельство не смогло заставить политическое руководство Советского Союза принять адекватные меры по наведению порядка и стабилизации внутриполитической обстановки в стране. Уже произошли первые вооруженные погромы в Карабахе, Баку и Фергане, но только лишь в июле 1990 года Верховный Совет принял запоздалый Указ «О запрещении создания незаконных формирований, не предусмотренных законодательством СССР, и изъятии оружия в случае его незаконного хранения». Естественно, выполнять данный Указ никто и не собирался. Напротив, в ряде регионов, особенно в Закавказье и на Северном Кавказе, полным ходом шло разграбление арсеналов вооружения Советской Армии.

Все это свидетельствовало о том, что сепаратисты осознанно готовились к вооруженным выступлениям. В то же время органы государственной власти, в очередной раз проигно-

рировав развитие негативных процессов, фактически способствовали распаду СССР.

Таким образом, главный урок, который преподнесли процессы суверенизации национальных окраин Советского Союза, заключается в недопустимости игнорирования органами государственной власти опасности разрушительных дезинтеграционных процессов, на какой бы стадии развития они не находились, тем более в процессе подготовки к вооруженному выступлению.

Крайности в подходах к проблеме обеспечения территориальной целостности государства были свойственны после распада СССР и руководству Российской Федерации, которое, также проигнорировав развитие сепаратистских процессов, способствовало формированию на территории Чеченской Республики сепаратистского режима во главе с Д. Дудаевым.

Так, уже в первой половине 90-х годов ситуация в регионе фактически вышла из-под контроля и требовала реализации комплекса как невоенных, так и военных мер подавления сепаратистского мятежа. Тем не менее, органы государственной власти России долгое время не решались реализовать предписанные им по Конституции меры по наведению порядка.

Только лишь после трех лет фактического забвения Чечни политическое руководство России попыталось сместить сепаратистское руководство автономии сначала посредством вооруженной поддержки оппозиционных Дудаеву политических сил в самой Чечне, а затем и непосредственным вводом войск на территорию республики. Обращает на себя внимание тот факт, что сами эти меры были продиктованы отнюдь не осознанием необходимости пресечения деятельности сепаратистского режима в регионе, а соображениями конъюнктурного ха-

рактера, далекими от интересов обеспечения национальной безопасности²²⁶.

Начатая без необходимой подготовки, в обход Конституции и федерального законодательства военная кампания 1994 года была изначально обречена на неудачу. Такова в общем-то цена конъюнктурного подхода к проблеме использования военной силы. Более того, в ходе кампании неоднократно имело место и прямое вмешательство представителей крупного капитала непосредственно в планирование и проведение войсковых операций. Результатами подобного вмешательства становились, например, так называемые «перемирия» с сепаратистами, позволявшие последним организованно выходить из-под удара или же, перегруппировавшись, самим наносить удары по частям и подразделениям российских войск. В конечном итоге данная война вполне заслуженно получила свое название – «странная», в первую очередь для частей и подразделений самих Вооруженных Сил, других войск и формирований России, участвовавших в первой чеченской кампании.

Таким образом, волюнтаризм высшего политического руководства России вполне закономерно predetermined победу сепаратистов в первой чеченской кампании. При этом сепаратистами была одержана победа не только над так называемыми «федеральными силами», но и над всей системой государственного управления Российской Федерации.

²²⁶ Анализ событий, предшествующих вводу войск на территорию Чечни, со всей очевидностью свидетельствует о том, что начало кампании было обусловлено беспрецедентным влиянием нефтяных магнатов России на органы государственной власти, испугавшихся своего отлучения от маршрутов транспортировки каспийской нефти после подписания Азербайджаном в сентябре 1994 года Соглашения о создании нефтяного Консорциума. Именно решение данного Консорциума о транспортировке каспийской нефти в обход России (по территории Грузии через терминалы Супса и Потти на побережье Черного моря) сыграло решающее значение в определении замысла, сроков, задач и целей военной кампании, начавшейся в декабре 1994 года. – Прим. автора.

Успех, достигнутый сепаратистами в ходе боевых действий, привел к дальнейшей эскалации этнополитической напряженности в Северо-Кавказском регионе. В дальнейшем, укрепив свои позиции посредством заключения хасавюртовских (1996 года)²²⁷, а затем и московских (1997 года)²²⁸ соглашений, радикальные силы чеченской этнократии провозгласили курс не только на независимость «свободной Ичкерии» от России, но и на освобождение всего Кавказа «от русского владычества». С этой целью предполагалось создать в регионе исламистское государство сначала в составе Чечни и Дагестана, а в последующем присоединить к нему остальные национальные северокавказские субъекты Российской Федерации. Более того, накануне вторжения боевиков Хаттаба и Ш. Басаева в Цумадинский и Ботлихский районы Дагестана в августе 1999 года лидеры экстремистов обсуждали перспективы создания так называемого Московского халифата. Таким образом, речь шла уже о радикальной перекройке геополитического пространства в центре Евразии, что свидетельствовало о более чем серьезной трансформации воззрений лидеров чеченских экстремистов, в частности, об их претензиях на господство, по крайней мере, на региональном уровне.

Отказ от политики уступок сепаратистам, жесткое подавление любых антигосударственных выступлений при одновременном привлечении самого местного населения к вооруженной борьбе с бандформированиями в конечном итоге предопределили ликвидацию сепаратистского режима на территории Чеченской Республики, разгром организованных сил сопротивления сепаратистов.

²²⁷ 31 августа 1996 года в г. Хасавюрте было достигнуто соглашение о прекращении военных действий и выводе федеральных войск из Чечни, вопрос о статусе территории был отложен до 31 декабря 2001 года. – Прим. автора.

²²⁸ 12 мая 1997 года в г. Москве был подписан договор «О мире и сотрудничестве» между Россией и ЧРИ. – Прим. автора.

При этом военно-силовая составляющая политики преодоления вооруженного сопротивления являлась важнейшим, но не основным фактором стабилизации обстановки в регионе.

Главное, что удалось сделать военно-политическому руководству страны в рамках подавления сепаратистского мятежа — вывести из-под влияния радикалов значительную часть населения самой Чечни. И хотя ситуация с восстановлением социальной инфраструктуры, а также лагеря с чеченскими беженцами еще длительное время являлись достаточно значимым дестабилизирующим фактором, играя в основном роль раздражителя общественного мнения за рубежом, тем не менее, главная угроза, которую нес в себе сепаратистский режим, была ликвидирована.

Послесловие

К концу XX столетия завершился более чем 400-летний цикл кавказской политики России. С окончательным присоединением Северного Кавказа закончился процесс государственного строительства России, южные границы которой стали безопасными в военно-политическом отношении. Это позволило в последующем использовать территорию и ресурсы региона в сфере торгово-экономических интересов России. Таким образом, Кавказ, изначально рассматривавшийся руководством России только лишь как буферная территория, с течением времени стал одним из ее жизненно важных в военно-стратегическом и экономическом отношении регионов.

Главный вывод, который следует сделать при анализе национально-государственной и военной политики России на Кавказе, заключается в том, что Россия не завоевывала Кавказ, она его отвоевывала у других региональных держав, стремившихся к гегемонизму в регионе, и защищала народы Кавказа от проявлений местного экстремизма.

Наиболее значимыми социально-политическими последствиями укрепления позиций России на Кавказе явилось уничтожение в регионе набеговой системы и связанных с ней грабежей, насильственного насаждения экстремизма на этнической и религиозной почве и исключение из практики взаимоотношений народов Кавказа межнациональных распрей и вооруженных конфликтов.

Исторический опыт реализации политики России на Кавказе свидетельствует о том, что закрепление ее позиций в регионе стало возможным благодаря пророссийской позиции населения, для которого Россия являлась гарантом собственной безопасности, самобытности, а также условием экономического, политического, социального и духовного развития.

В этой связи, по мнению автора, навязываемые в последние десятилетия российскому обществу измышления о якобы имевшем место 400-летнем вооруженном противостоянии России и Кавказа, об имперском, колонизаторском характере политики России в этом регионе, об историческом противостоянии православия и ислама и ряд аналогичных идеологем носят надуманный и конъюнктурный характер. Подобные измышления имеют характер преднамеренной фальсификации и интерпретации российской истории, направленные на разобщение и стравливание народов Российской Федерации с целью последующего ослабления и разрушения многонационального федеративного Российского государства.

Отечественная история свидетельствует, что эти измышления наиболее активно использовались для идеологического обоснования деятельности националистических и бандитских формирований на территории СССР, а также для провоцирования вооруженных конфликтов на территории России в последнее десятилетие XX столетия.

Принципиально важно в этой связи осознание того, что сильные и устойчивые позиции России на Кавказе являются необходимым условием мира и стабильности не только в самом регионе, но и в целом в Российской Федерации. Ослабление же позиций Российского государства в данном регионе равнозначно их ослаблению в любом другом регионе страны, в том числе и в городе Москве.

Оглавление

Предисловие.....	5
Глава 1. Кавказ в истории России	9
Истоки интересов России на Кавказе	9
Утверждение России на Северном Кавказе.....	47
Противодействие России на Кавказе со стороны европейских держав	91
Политика России на Кавказе на рубеже XIX и XX столетий	110
Кавказская политика Советского государства	118
Глава 2. Кавказские войны России	142
Вооруженные конфликты на Северном Кавказе в начале XIX века	142
Война России против имамата Шамиля	174
Военно-политическое противостояние на Кавказе России, Ирана и Турции	205
Опыт ликвидации повстанчества на Северном Кавказе в со- ветский и постсоветский периоды	224
Послесловие	254

Научное издание

Игорь Валентинович Бочарников

КАВКАЗСКАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В X–XX ВЕКАХ

*В оформлении обложки использована картина Александровского И. Ф.
«Русский лагерь под Гунибом» (1895).*

Подписано в печать 25.06.2013 г. Формат 60х90 1/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 16,00. Заказ 2242. Тираж 100 экз.

Отпечатано ЗАО «Экон-информ»

129329, Москва, ул. Кольская, д. 7, стр. 2. Тел. (499) 180-9407

www.ekon-inform.ru; e-mail: eer@yandex.ru